

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (11)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2013**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
TEACHERS' TRAINING
UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**SERIES
HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (11)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2013**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

<i>Кутузов А.Г.</i>	ректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор педагогических наук, профессор
<i>Рябов В.В.</i>	президент ГБОУ ВПО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Геворкян Е.Н.</i>	первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
<i>Иванова Т.С.</i>	первый проректор ГБОУ ВПО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный учитель РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

<i>Рябов В.В.</i> главный редактор	доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО
<i>Данилов А.А.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Исаков В.В.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Кириллов В.В.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Корнилов В.А.</i>	кандидат исторических наук, профессор
<i>Карначёв С.П.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Михайловский Ф.А.</i> ответственный редактор	доктор исторических наук, профессор
<i>Осиновский И.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Пашенцев Е.Н.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Ртищева Г.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент
<i>Уколова В.И.</i>	доктор исторических наук, профессор
<i>Хаванов Е.И.</i>	доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

<i>Акашев Ю.Д.</i> Роксоланы, росомоны и древние росы.....	8
<i>Рудаков В.Н.</i> Князь Борис Василькович Ростовский в исторической памяти XIII–XVI веков.....	18
<i>Карпачёв С.П.</i> Масоны против декабристов.....	26
<i>Платонова А.А.</i> Браки между московскими мещанами и разночинцами в первой половине XIX века.....	33
<i>Исаков В.А.</i> Революционный заговор социалистов в России: генезис, суть, последствия.....	39
<i>Набокина М.Е.</i> Структурные и организационные особенности Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва.....	50

Новейшая история России

<i>Козлов Д.С.</i> Публицистика русской эмиграции о советской молодежи. 1950–1960-е годы.....	57
<i>Овчинников А.А.</i> Зенитная артиллерия в приграничных сражениях Западного фронта.....	70

Всеобщая история

<i>Крыкин С.М.</i> Зерновая «диета» варварских соседей античных эллинов.....	74
<i>Караваев А.Г.</i> Потомки Марка Антония — правители восточных государств.....	88
<i>Лукьянов К.А.</i> Сила и слабость норвежских бондов IX–XI веков.....	98
<i>Фурцев Р.В.</i> Политика миланских дипломатов при дворе Максимилиана I в 1494–1495 годах.....	104

Методика преподавания истории

Михайловский Ф.А., Новикова С.Н. Рабочая программа как инструмент реализации требований ФГОС 114

Критика. Рецензии. Публицистика

Огородников Ю.А. Рецензия на монографию Ю.Д. Акашева «История народа Рос: от ариев до варягов» (М.: Алгоритм, 2013. 336 с.) 121

Научная жизнь

Чухрова Т.В. Докторские и кандидатские диссертации по истории в МГПУ: итоги 2012 года 126

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки». 2013, № 1 (11) .....

136

Требования к оформлению статей 139

CONTENTS

History of Russia: From Ancient Times to 1917

<i>Akashev Yu.D.</i> Roxolani, rosomoni and Ancient Russian People.....	8
<i>Rudakov V.N.</i> Knyaz Boris Vasylkovych Rostovsky in the Historical Memory of XIII–XVI Centuries.....	18
<i>Karpachyov S.P.</i> Masons against Decembrists.....	26
<i>Platonova A.A.</i> Marriages between the Moscow Petty Bourgeoises and «Raznochincy» in First Half XIX Century.....	33
<i>Isakov V.A.</i> The Revolutionary Socialist Conspiracy in Russia: Origin, Essence, Consequences.....	39
<i>Nabokina M.E.</i> Structural and Organizational Features of the Moscow Religious-Philosophical Society in Memory of Vladimir Soloviev.....	50

Modern History of Russia

<i>Kozlov D.S.</i> Russian Emigrant Journalism about Soviet Youth. 1950–1960s.....	57
<i>Ovchinnikov A.A.</i> Anti-aircraft Artillery in the Border Battles of the Western Front.....	70

General History

<i>Krykin S.M.</i> Grain «Diet» of Barbarian Neighbors of Ancient Hellenes.....	74
<i>Karavaev A.G.</i> Descendants of Marcus Antonius — Rulers of East Countries.....	88
<i>Lukianov K.A.</i> Force and Weakness of Norwegian Bonds of IX–XI Centuries.....	98

<i>Furtsev R.V.</i> Policy of Diplomats at the Court of Milan Maximilian I in 1494–1495	104
--	-----

Methodology of Teaching History

<i>Mikhailovsky F.A., Novikova S.N.</i> The Educational Program on the History as an Instrument Implementation of the Requirements of the FGOS	113
--	-----

Criticism. Reviews. Publicism

<i>Ogorodnikov Yu.A.</i> Review of the Monograph by Yu.D. Akashev «History of Ethnos Ros: from Aryans to Varangians» (M.: Algoritm, 2013. 336 p.)	120
---	-----

Scientific Events

<i>Chukhrova T.V.</i> Doctoral and Candidate Dissertations in History of MCTTU: Results of 2012	125
--	-----

Authors of «Vestnik of MCTTU», Series «Historical Studies», 2013, № 1 (11)	135
---	-----

Style Sheet	139
--------------------------	-----

История России: С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН до 1917 года

Ю.Д. Акашев

Роксоланы, росоманы и древние росы

Автор статьи приходит к выводу, что под именами роксоланов, росомонов и народа *hrws* скрыты южные росы, и свидетельства, которые оставили о них позднеантичные и раннесредневековые авторы, должны быть отнесены к древнейшей истории русского народа.

Ключевые слова: роксоланы; росомоны; древние росы.

Для воссоздания начальной истории русского народа очень важно выяснить, что о нем знали и писали античные и средневековые авторы. При этом следует иметь в виду, что в большом перечне народов, о которых пишут или упоминают античные источники, зачастую бывает очень сложно увидеть предков современного русского народа, поскольку разные авторы для обозначения росов употребляли разные названия. Как вполне справедливо писал еще в XIX веке доктор философии и магистр изящных наук Е.И. Классен, «греки и римляне давали многим славянским племенам свои, произвольно составленные прозвища, относя их то к местности, то к наружности, то к суровости в войнах, то к образу жизни; но кой-где в их сказаниях проявляются и настоящие имена тех племен» [8: с. 10]. Это обстоятельство, по мнению упомянутого ученого, привело к тому, что в древней истории представлено «более полусотни имен лишних, ничего особого не означающих, которые должны быть наперед уничтожены, если мы хотим прояснить сколько-нибудь этот хаос и отделить из него резко чертою славянское племя, которое станет тогда в свое место непринужденно, ненасильственно, не по приговору своеволия и красноречия, а по однозначительности и сродству обстоятельств» [8: с. 10].

Мы привыкли к тем племенным названиям древних росов, которые дошли до нас благодаря автору «Повести временных лет»: поляне, древляне, дреговичи, радимичи, вятичи и т. д. — летописец приводит их до полутора десятка. Но это лишь названия наиболее крупных племен, сумевших возглавить племенные объединения. А кроме них было множество племен более мелких, тоже имевших свои названия; имели свои имена и роды. Из всего этого мно-

жества этнонимов одни не сохранились вовсе, другие запечатлелись в топонимах и гидронимах, третьи дошли до нас в сочинениях древних авторов, которые зачастую очень сильно их исказили, приспособив к фонетическим особенностям своего языка. К тому же эти авторы зачастую и не стремились узнать настоящие племенные имена, используя прозвища, связанные с особенностями рода занятий, быта, одежды, или даже бранные названия, данные тем или другим родам или племенам их соседями.

Конечно, греческие и римские историки не оставили нам даже кратких исторических очерков о русских племенах. Их преимущественно занимали войны, грабежи, разрушения, а жизнь мирных, трудолюбивых земледельцев и пастухов, каковыми и были, в основном, славяне, их вовсе не интересовала. На них обращали внимание, лишь когда те проявляли себя с другой стороны, защищая свои родные земли во время бурных столкновений с соседними народами. Но иногда часть древних росов в силу тех или иных исторических обстоятельств могла быть включена в какую-то социально-политическую общность, продолжая долгое время существовать в иноэтничной среде в гетерогенном виде. И тогда, по понятным причинам, в источниках они упоминаются не под своим именем, а под именем народа, возглавившего эту общность. Все перечисленные обстоятельства затрудняют идентификацию древних росов и выяснение степени их участия и реальной роли в тех или иных исторических событиях.

До сих пор спорным является вопрос о том, кто такие роксоланы — народ, живший в древности вдоль Азовского побережья, о котором упоминает целый ряд позднеантичных и раннесредневековых авторов. Его, например, называет Помпоний Мела в географическом трактате «Хорография», написанном в 40-х годах I века н. э. [4: с. 44]. Отдельно от скифов и аланов этот народ называет в «Естественной истории» другой римский ученый, государственный деятель и полководец Гай Плиний Старший [16: с. 171]. Древнегреческий астроном, географ и картограф Клавдий Птолемей (II в. н. э.) в «Географическом руководстве» среди народов, населяющих Сарматию, тоже называет роксоланов отдельно от скифов и аланов [17: с. 231]. На так называемой Певтингеровой карте, восходящей к топографическим справочникам рубежа нашей эры, но составленной, по-видимому, в начале III века, роксоланы помещены по обе стороны Южного Буга [12: с. 66].

Довольно многие авторитетные ученые видят в роксоланах древних росов. Так, например, в XVIII веке Г.З. Байер, пересказывая «Географию» равенского географа Гвидо (Ravenna Guido, IX в., по другим данным XII в.), писал: «К северной стране самая Европа имеет конец океан, которой подался к Скифии степной, также к амазонам, где они, как читаем, изстари жили, когда из гор Кавказских вышли. Потом он достигает до роксаланов (так он русских называет) и до сарматов опять к Скифии» [21: с. 214]. Конечно, в этом отрывке обращает на себя внимание пояснение Байера о том, что Равенна Гвидо роксоланами называет русских.

А вот что писал о них М.В. Ломоносов: «С роксоланами соединяются у Плиния аланы в один народ сарматский. И Христофор Целларий примечает, что сие слово может быть составлено из двух — *россы* и *алланы*, о чем и Киевского Синописа автор упоминает, из чего видно, что был в древние времена между реками Днепром и Доном народ, называемый *россы*» [10: с. 21].

На тождестве росов и роксолан настаивал Д.И. Илловайский. Приверженцем этой точки зрения был Г.В. Вернадский. Из советских историков ее поддержали С.П. Толстов и Е.Ч. Скржинская. Правда, у этой гипотезы всегда были и остаются противники. Например, В.П. Кобычев в примечаниях к своей монографии, посвященной поискам прародины славян, категорически заявляет, что роксоланы к термину «Русь» не имеют никакого отношения [9: с. 149].

Взгляд на роксоланов как на «рос-аланов» вызвал негативную оценку также и у известного ученого-лингвиста О.Н. Трубачёва, который, однако, возражает и авторам, толкующим этот этноним по-ирански как «светлые аланы» [1: с. 79–83]. Он указывает на то, что иранский язык знает только форму «*раухшна*», что означает «свет», «светлый», которая в этой позиции должна бы сохраняться, но этого не произошло. Латинская же форма «*Roxolani*», по его мнению, напоминает древнеиндийское «*рукса*» с близким значением. Автор указывает на ряд явных следов пребывания населения индоарийской группы в Причерноморье и именно с этим населением связывает происхождение этнонима «роксоланы» [22: с. 13–29].

Таким образом, проблема роксоланов еще далеко не исчерпана. Если принять гипотезу Трубачёва (а нам она представляется наиболее интересной и заслуживающей внимания), то что же все-таки за народ были эти «светлые аланы»? Небезынтересно отметить, что азербайджанский поэт XII века. Низами Гянджеви в поэме «Искендер-Намэ», не отождествляя напрямую древних росов с аланами, в то же время пишет о них как об имеющих отношение к последним или как о входящих в объединение аланов и арков:

Русские бойцы из Аланов и Арков

Ночное нападение совершили, словно град [11: с. 312].

Думается, «светлыми аланами» вполне могла оказаться часть росов, увлеченная потоком арьев на юг и вошедшая в Приазовско-Причерноморскую Русь. Поэтому история Южной Руси первых веков нашей эры будет тесно связана с историей аланов.

Внимание историков также давно привлекает сочинение, относящееся к эпохе раннего Средневековья, «О происхождении и деяниях гетов» («Гетика»), написанное в середине VI века на латинском языке Иорданом. В частности, вызывает интерес фрагмент, в котором автор описал драматические события 70-х годов IV века, связанные с крушением Остготского королевства (государства Германариха). В нем рассказывается о том, что готы (Иордан называет их гетами), победившие многие народы, оказались напуганными появлением гуннов (хуннов), которые были «в высшей степени приспособлены к бою» и огра-

били уже многие племена. Трудным положением готов тут же решил воспользоваться «неверный род Росомонов, который тогда наряду с другими высказывал покорность» их королю Германариху (Херманарику). И вскоре им представился «удобный случай»: «Ведь после того, — пишет Иордан, — как король, движимый яростью, приказал некую женщину по имени Сунхильда из названного рода за коварный уход от мужа разорвать, привязав к свирепым лошадям и побудив (лошадей) бежать в разные стороны, ее братья Сар и Амми, мстя за гибель сестры, ударили мечом в бок Херманарика. Получив эту рану, он влачил несчастную жизнь вследствие немощи тела». Узнав об этом, король гуннов Баламбер двинул свое войско «в край остроготов» [6: с. 113].

Ряд исследователей отождествляет росомонов с древними росами. Г.В. Вернадский предполагал, что этот этноним, упомянутый Иорданом, «является другой формой произношения имени роксоланы», и рассматривал его как вариант этнонима «рос, росс, или русь», что, по его мнению, проливает свет на «источники греческого ρως и славянского русь» [2: с. 127, 147]. Академик Рыбаков был абсолютно уверен в том, что слово «росомоны» буквально означает «русские люди». По его мнению, оно легко расчленяется на две части: «росо» и «мойне». А так как «мойне» по-осетински означает «муж», то получается в результате «росы-мужи» или «люди-росы» [18: с. 86]. Здесь требуется пояснить, что осетинский язык в известной мере является наследием аланского, а Иордан и сам был, видимо, выходцем из аланов (вопреки распространенному мнению о его готском происхождении) [см: 18: с. 86]. Впрочем, некоторые историки склонны видеть в названном народе германцев. Например, Кобычев пишет: «Как можно судить по личным именам этого племени, упомянутым Иорданом, — Сунильда, Сар и Амми, — <...> росомоны были, скорее всего, одним из восточногерманских, готских племен» [9: с. 149].

Чтобы разобраться с росомонами Иордана, нужно немного подробнее прокомментировать приведенный выше фрагмент из «Гетики». В переводе А.Н. Анфертьева, использованном в цитируемом издании, Сунхильда была казнена за нарушение верности супругу, то есть король выступил в роли блюстителя нравственности. Но на ранней стадии государства, на которой находилась остготская держава Германариха, в функции короля не входило решение семейных проблем его подданных. К тому же уход жены от мужа не считался преступлением; женщина могла расторгнуть брак без особых помех и даже сохранить за собой свое приданое. Измена жены была внутрисемейным делом или поводом для межродового разбирательства, но никак не для вмешательства короля. Очевидно, что гнев Германариха и страшная казнь Сунхильды имели иные причины. В переводе Анфертьева сказано, что «род росомонов... тогда наряду с другими выказывал покорность» королю готов. Следует заметить, что латинское слово «gens» скорее может быть переведено не как «род», а как «племя» или «народ». Росомоны «выказывали покорность» Германариху

вынужденно, потому что были подчинены ему силой как завоевателю и только и ждали «удобного случая», чтобы освободиться. За это Иордан и называет их «неверными». Уже это заставляет нас усомниться в том, что росомоны были готским племенем.

В другом переводе текста Иордана, сделанном Е.Ч. Скржинской, причина гнева Германариха представлена иначе: «Одну женщину из вышеназванного племени, по имени Сунильда, за изменнический уход ее мужа (выделено мной. — Ю.А.) король... приказал разорвать на части...» [7: с. 236]. Дело в том, что в латинском языке предлоги могут опускаться, если их значение подсказывает падежная форма существительного. Но для переводчиков эта особенность создает определенные трудности. В данном случае и первый вариант перевода, и второй формально правильны, но по смыслу, на наш взгляд, более правильным является второй. К сожалению, мы никогда не узнаем, как звали этого мужа и в качестве кого он состоял при короле, но знаем, что он не стал служить своему поработителю и бежал от него, что и явилось причиной описанной Иорданом трагедии, которая в конечном итоге привела к смерти Германариха и разгрому его державы гуннами.

Исходя из вышесказанного, нам представляются весьма убедительными выводы Б.А. Рыбакова, который идентифицирует росомонов с древними росами, тем более что эти выводы он подкрепляет и данными археологии, сопоставляя этот народ с областью двуглавых фибул Поросья, где также известны пышные клады мартыновского типа [18: с. 84]. Что же касается нерусских имен Сунхильды (Сунильды) и ее братьев, то это довольно просто объясняется возможностью смешанных браков. Росы очень долгое время жили по соседству с германскими племенами, и отношения между ними далеко не всегда были враждебными.

В то время, когда Иордан писал свою «Гетику», безымянный автор-сириец в дополнение к сочинению Захарии Ритора (555 г.) сделал весьма любопытное сообщение о народе *hrws* (хрос, ерос, рос, рус), которое до сих пор вызывает большой интерес у историков. «Соседний с ними (амазонками. — Ю.А.) народ ерос [*hrws*], — пишет Псевдо-Захария, — мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей» [14: с. 166].

Процитированный отрывок был предметом анализа многих историков. Немецкий ориенталист Й. Маркварт [23: с. 365] и украинский историк М.С. Грушевский [3: с. 497] связывали народ *hrws* с росомонами. В советской историографии это сообщение впервые изучалось Н.В. Пигулевской. Не рассматривая его подробно, она отметила: «Если это не сказочное имя, то возможно, что в этом названии далекого, рослого, сильного народа следует искать имя Русь, народ, которому еще предстояло выйти на широкие исторические пути» [15: с. 111]. Это предположение было поддержано А.П. Дьяконовым,

который в подтверждение сообщения Захарии Ритора привел ряд известий, свидетельствующих о том, что в Сирии о росах знали уже в IV в., и сделал вывод, что «имя *hros*, или росиев, носили антские племена» [5: с. 88].

Надо заметить, что в сирийских источниках, вообще, содержатся ценные сведения о славянах и других древних народах. Утратив еще в III в. свою независимость, сирийцы как народность оказались разорванными между Восточно-Римской империей и Ираном. В таком положении они просуществовали до арабского завоевания. В течение первых семи веков нашей эры сирийцы были главным торговым народом Ближнего Востока и Средиземного моря. Широкие торговые связи уводили их далеко от родной страны; они посещали Италию, Галлию, Египет, Иран, Индию, Эфиопию. Поэтому у сирийцев были гораздо более широкие представления о мире, чем у тех народов, которые были привязаны к своей земле и не выходили за пределы своего государства.

Н.В. Пигулевская, изучая сирийские источники по истории народов СССР, снова вернулась к сообщению о народе *hrws*, подчеркнув, что Захария Ритор сообщал о росах, местом жительства которых считались области, лежащие по Дону. Она же поясняет, что буква *vav* в сирийском тексте, не имеющем огласовки и диактрических знаков, может читаться и как *o* и как *u*, поэтому произношение имени может быть и *hros* и *hrus*; а поскольку этноним «рус» передан в сирийском тексте через армянскую традицию, то буква *h* обозначает густое придыхание, предшествующее *r* [13: с. 47–48]. Это мнение разделял и М.Б. Свердлов, который категорично заявил, что «древнейшее известие о русах находится в хронике VI века сирийца Захария Ритора» [20: с. 69].

Е.Ч. Скржинская народ *hrws* отождествляет с роксоланами: «По-видимому, первая часть названия “роксоланы” всплыла как самостоятельное этническое имя в сообщении сирийской хроники Захарии Ритора (Псевдо-Захарии)» [7: с. 242].

Б.А. Рыбаков, подробно комментируя сообщение продолжателя Захарии Ритора, идентифицирует этот народ с росами-русами и приходит к заключению, что проживал он к западу или северу от кочующих «амазонок»: «...в лесостепной полосе мы находим и Русскую землю наших летописей, и культуру пальчатых фибул, которая может помочь в географическом приурочении народа рос (рус) середины VI века» [18: с. 74–75].

Такого же мнения придерживается и В.П. Кобычев, который считает, что сближению народа «ерос, хрос» с древними росами соответствует и его местоположение, и указание на отсутствие оружия, в чем названный автор усматривает противопоставление мирных земледельцев воинственным кочевникам [9: с. 101].

Некоторых историков смущает чрезмерно крупное телосложение народа *hrws*, и поэтому они, не доверяя сообщению Псевдо-Захарии, склонны усматривать в нем авторскую фантазию. Но, скорее всего, сам автор лично никогда и не встречался с росами, а знал о них понаслышке. А их внешний вид действительно поражал многих и вызывал удивление и страх даже у бо-

лее поздних арабских авторов IX–X веков. Вот отзывы некоторых из них о русах: «Народ этот могущественный, и телосложение у них крупное, мужество большое...» (Ибн Мискавейх); «Храбрость их и мужество хорошо известны, так что один из них равноценен многим из других народов. Если бы у них были лошади и они были наездниками, они были бы страшным бичом для человечества» (Шараф ал-Марвази) (цит. по: [19: с. 743]).

Упомянутый выше автор поэмы «Искендер-Намэ», источниками для которой послужили арабские и персидские хроники, еврейские, христианские и пехлевийские книги, а также устные предания азербайджанского народа, писал:

От рева, который поднимали полчища русов,
Кони под львами начали артачиться,
Не годился в бой с малейшим из русов
Даже Платон, он становился Филатусом
[то есть трусливым. — Примеч. Е.Э. Бертельса]» [11: с. 326].

Описывая шестой бой Искендера с русами, Низами так характеризует одного из этих героев:

Вышел на бой некто в старой шубе,
Как из глубокого моря вылезает крокодил.
Пешком, наподобие целой скалы [был он],
И было в нем грозности больше, чем в пятистах всадниках.
Столь силен он был, что, когда разогревал ладонь,
Сжимая, размягчал алмаз...
Повсюду, где бы он ни избрал себе цель,
Земля становилась от его силы колодцем.
Не было у него оружия, кроме железа с загнутым концом,
Которым он мог развалить целую гору... [11: с. 339]

Кстати, имя одного из таких героев, сына «царя русов» — чисто славянское — Купал. Здесь уместно вспомнить русские былины, в которых наши богатыри (например, Святогор) характеризуются примерно такими же чертами.

По всей видимости, росы действительно отличались от южных народов крупным телосложением и поражали их воображение, и многие авторы, как, в частности, и Псевдо-Захария, использовали при их описании прием гиперболы, что не должно смущать исследователей. «Народ “рос”, люди-богатыри VI века, — пишет Б.А. Рыбаков, — был активным творцом новой истории Европы, начавшейся с завоевания Рима и почти полного овладения вторым Римом — Византией» [18: с. 75].

Таким образом, более внимательное рассмотрение вопроса о роксоланах и росомонах приводит к выводу о том, что под их именами скрыты южные росы, и свидетельства, которые оставили о них позднеантичные и раннесредневековые авторы, должны быть отнесены к древнейшей истории русского народа.

Литература

1. Блаватский В.Д. О скифской и сарматской этнонимике // Краткие сообщения института археологии. Вып. 143: Античная археология. М.: Наука, 1975. С. 79–83.
2. Вернадский Г.В. Древняя Русь: пер. с англ. Тверь: Леан, 1996. 448 с.
3. Грушевський М.С. Історія України-Русі: В 11-ти тт. / Репр. вид. Київ: Наукова думка, 1991–1993.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 1999. 608 с.
5. Дьяконов А.П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // Вестник древней истории. 1939. № 4. С. 88.
6. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах: В 2-х тт. / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Т. I: I–VI вв. М.: Восточная литература, 1994. С. 98–169.
7. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica» / Вступ. статья, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 436 с.
8. Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. 1–3. М.: Изд-во Е. Классена, 1854. Репринт. изд. СПб.: Андреев и согласие, 1995. 315 с.
9. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973. 165 с.
10. Ломоносов М.В. [Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа Российского»] // Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 6. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 17–80.
11. Низами Гянджеви. Искандер-намэ. В 2-х чч. Ч. 1: Шараф-намэ / Пер. Е.А. Бертельса. Баку: Аз. ФАН, 1940. 394 с.
12. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. С. 63–80.
13. Пигулевская Н.В. Имя «рус» в сирийском источнике VI в. // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия / Ред. коллегия В.П. Волгин, А.А. Новосельский, П.Н. Третьяков и др. М.: АН СССР, 1952. С. 42–48.
14. Пигулевская Н.В. Хроника Захарии Ритора // Сирийские источники по истории народов СССР / Отв. ред. В.В. Струве. М.; Л., 1941. С. 166.
15. Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 111–116.
16. Плиний Старший. Естественная история // Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: В 2-х тт. / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышева. Т. II. Вып. 1. СПб., 1904. С. 171.
17. Птолемей. Географическое руководство // Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: В 2-х тт. / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышева. Т. I. СПб., 1900. С. 231.
18. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 592 с.
19. Рыбаков Б.А. Проблема происхождения Руси // Очерки истории СССР. III–IX вв. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1958. С. 740–771.

20. *Свердлов М.Б.* Восточные письменные источники // Советское источниковедение Киевской Руси. С. 63–71.
21. *Татищев В.Н.* История Российская: В 7-ми тт. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1962. 500 с.
22. *Трубачёв О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13–31.
23. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische-und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung Theodor Weicher, 1903. 560 s.

References

1. *Blavatskij V.D.* O skifskoj i sarmatskoj e'tnonimike // Kratkie soobshheniya instituta arxeologii. Vy'p. 143: Antichnaya arxeologiya. M.: Nauka, 1975. S. 79–83.
2. *Vernadskij G.V.* Drevnyaya Rus': per. s angl. Tver': Lean, 1996. 448 s.
3. *Grushevs'kij M.S.* Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11-ti tt. / Repr. vid. Kiev: Naukova dumka, 1991–1993.
4. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhny'x istochnikov / Pod red. E.A. Mel'nikovoj. M.: Logos, 1999. 608 s.
5. *D'yakonov A.P.* Izvestiya Psevdo-Zaxarii o drevnix slavyanax // Vestnik drevnej istorii. 1939. № 4. S. 88.
6. Iordan // Svod drevnejshix pis'menny'x izvestij o slavyanax: V 2-x tt. / Sost. L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin. T. I: I–VI vv. M.: Vostochnaya literatura, 1994. S. 98–169.
7. *Iordan.* O proisxozhdenii i deyanijax getov. «Getica» / Vstup. stat'ya, per. i komment. E.Ch. Skrzhinskoj. M.: Izd-vo vost. lit., 1960. 436 s.
8. *Klassen E.I.* Novy'e materialy' dlya drevnejšej istorii slavyan voobshhe i slavyano-russov do ryurikovskogo vremeni v osobennosti s lyogkim ocherkom istorii russov do Rozhdestva Xristova. Vy'p. 1–3. M.: Izd-vo E. Klassena, 1854. Reprint. izd. SPb.: Andreev i soglasie, 1995. 315 s.
9. *Koby'chev V.P.* V poiskax prarodiny' slavyan. M.: Nauka, 1973. 165 s.
10. *Lomonosov M.V.* [Zamechaniya na dissertaciyu G.-F. Millera «Proisxozhdenie imeni i naroda Rossijskogo»] // Poln. sobr. soch.: V 10-ti tt. T. 6. M.; L.: AN SSSR, 1952. S. 17–80.
11. *Nizami Gyandzhevi.* Iskander-name'. V 2-x chch. Ch. 1: Sharaf-name' / Per. E.A. Bertel'sa. Baku: Az. FAN, 1940. 394 s.
12. Pevtingerova karta // Svod drevnejshix pis'menny'x izvestij o slavyanax. T. I. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. S. 63–80.
13. *Pigulevskaya N.V.* Imya «rus» v sirijskom istochnike VI v. // Akademiku B.D. Grekovu ko dnyu semidesyatiletija / Red. kollegiya V.P. Volgin, A.A. Novosel'skij, P.N. Tret'yakov i dr. M.: AN SSSR, 1952. S. 42–48.
14. *Pigulevskaya N.V.* Xronika Zaxarii Ritora // Sirijskie istochniki po istorii narodov SSSR / Otv. red. V.V. Struve. M.; L., 1941. S. 166.
15. *Pigulevskaya N.V.* Sirijskij istochnik VI v. o narodax Kavkaza // Vestnik drevnej istorii. 1939. № 1. S. 111–116.
16. *Plinij Starshij.* Estestvennaya istoriya // Scythica et Caucasia. Izvestiya drevnix pisatelej grecheskix i latinskix o Skifii i Kavkaze: V 2-x tt. / Sobr. i izd. s rus. per. V.V. Laty'sheva. T. II. Vy'p. 1. SPb., 1904. S. 171.

17. *Ptolemej*. Geograficheskoe rukovodstvo // *Scythica et Caucasica*. Izvestiya drevnix pisatelej grecheskix i latinskix o Skifii i Kavkaze: V 2-x tt. / Sobr. i izd. s rus. per. V.V. Laty'sheva. T. I. SPb., 1900. S. 231.
18. *Ry'bakov B.A.* Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. M.: Nauka, 1982. 592 s.
19. *Ry'bakov B.A.* Problema proisxozhdeniya Rusi // *Ocherki istorii SSSR*. III–IX vv. / Otv. red. B.A. Ry'bakov. M.: AN SSSR, 1958. S. 740–771.
20. *Sverdlov M.B.* Vostochny'e pis'menny'e istochniki // *Sovetskoe istochnikovedenie Kievskoj Rusi*. S. 63–71.
21. *Tatishhev V.N.* *Istoriya Rossijskaya: V 7-mi tt.* T. I. M.; L.: AN SSSR, 1962. 500 s.
22. *Trubachyov O.N.* Lingvisticheskaya periferiya drevnejshego slavyanstva. Indoarijczy' v Severnom Prichernomor'e // *Voprosy' yazy'koznaniya*. 1977. № 6. S. 13–31.

Yu.D. Akashev

Roxolani, Rosomoni and Ancient Russian People

The author of the article come to the conclusion, that under the names of Roxolani, Rosomoni and people of hrws hidden southern Russian people. The information of late antiquity and early medieval authors about them should be relevant to the ancient history of the Russian people.

Keywords: Roxolani; Rosomoni; Hrws; ancient Russia.

В.Н. Рудаков

Князь Борис Василькович Ростовский в исторической памяти XIII–XVI веков

В статье анализируются бытовавшие в памятниках агиографии и летописания XIII–XVI веков представления о поведении ростовского князя Бориса Васильковича, который в 1246 году присутствовал при мученической гибели в Орде своего деда — великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Смена оценок князя Бориса — от нейтральных к негативным — происходит в рамках общего переосмысления ордынской власти и отношения к ней русских князей, произошедших в XVI веке в рамках формирования новой идеологии Московской Руси.

Ключевые слова: Русь; Орда; князья; историческая память; монголо-татарское нашествие.

«**О**ть уности своя, по нахождении поганыхъ Татаръ и по пленении отъ нихъ Русскыя земля, нача служити имъ и многи христианы, обидимыа отъ нихъ, избави» [8: с. 146; 11: с. 76]. По смертную характеристику, которую летописец дал белозерскому князю Глебу Васильковичу (1237–1278), вполне мог получить и его родной брат ростовский князь Борис Василькович (1231–1277): про него также можно было сказать, что он с юности своей «начал служить поганым татарам» и, возможно, благодаря этому помог многим «обиженным» ими христианам. Однако этого не случилось: в русской исторической памяти Борису Васильковичу Ростовскому была уготована несколько иная судьба.

Причина — в том, что князь Борис оказался в ставке хана Батыея в тот самый момент (20 сентября 1246 г.), когда там был казнен его родной дед — великий князь Михаил Всеволодович Черниговский, впоследствии причисленный к лику святых [2: стб. 795; 6: стб. 471]. Все источники, сообщающие об обстоятельствах гибели князя («История монголов» Иоанна дель Плано Карпини, Галицкая летопись, летописание Северо-Восточной Руси, а также житийное Сказание о гибели в Орде князя Михаила Всеволодовича), единодушны в том, что расправа последовала за отказом великого князя выполнять языческие обряды [1: с. 139]. При этом сопровождавший Михаила князь Борис не только не пострадал, но после казни деда был отпущен Батыеем к своему сыну Сартаку, который, «почтивъ» его, «отпусти я в своя си», после чего князь еще неоднократно ездил в Орду. И если в начальный период церковного почитания Михаила Черниговского ни в летописных памятниках, ни в различных редакциях житийных Сказаний о гибели князя в Орде не содержалось сколько-нибудь осуждающих ноток в адрес

Бориса Васильковича, то позже, в XVI веке, их появляется предостаточно. Попробуем разобраться, в чем причина.

Самая жесткая оценка князя Бориса содержится в Житии Евфросинии Суздальской, составленном, вероятно, в середине XVI века [4: с. 103–104]. Согласно житию, Евфросиния (именуемая в миру Феодулией) — дочь Михаила Черниговского, а значит, родная тетка Бориса.

Житие повествует о том, что спустя некоторое время после нашествия Батый начинает звать к себе князей. «Мнози же от князь приходящее поклоняхуся ему», — отмечает книжник. Среди этих «многих» оказывается и Михаил Всеволодович. Хан предлагает Михаилу «поклонитися кусту и идолом» и тем самым «чести сподобитися со отвергшимися Христа». Сделать это князя уговаривает и его внук Борис Ростовский: «Сотвори волю цареву лестию, да не погибнет благодѣнствие твое и послѣди покаяшися». Далее, по версии автора Жития, Михаил поступает совершенно неожиданным образом (по крайней мере, для тех, кто знаком с «канонической» версией его гибели в Орде): он «малодушьствовавше и хотяше прельститися».

Но все меняет письмо Евфросиньи. Она, «слышав во своемъ монастыре, яко хошет отецъ ея велики князь Михайлъ прельститися, цареву волю сотворити и поклонитися кусту и снѣсти идоложертвеная», пишет Михаилу, отговаривая его от неблагоприятного поступка. В итоге князь все-таки не идет на поводу у «безбожных», отказывается подчиниться царской воле и принимает мученическую смерть. «Увы мне, како лукавого прелестника князя Бориса хотѣх послушати!» — восклицает Михаил Всеволодович перед кончиной.

В «письме Евфросинии», равно как и в Житии в целом, князь Борис Василькович получает весьма нелестную характеристику. «Изволил еси послушати льстивых словесъ — врага всякая правды, друга дияволя — князя Бориса Ростовского, иже самъ *окаянными* недугом прельстися, падеся и тебѣ хошет прельстити; хощещи царю тлѣнному угодити, а *Христа отврецися*», — пишет Евфросинья.

Однако автор Жития обвиняет Бориса не только в желании «прельстить» Михаила, но и в гораздо более тяжком грехе — измене православию. В Житии сообщается, что после похода на Русскую землю «царь Батый, рыкая на православие», повелел «кланятися идолом и *вѣровати вѣру бесерменскую*». И «великий князь Борис Ростовский» (вопреки реальному положению дел автор Жития называет его «великим» князем. — *В.Р.*) «сотворшу волю его» — то есть не просто поклонился идолам, но и принял мусульманскую («бесерменскую») веру. За это Батый «воемъ» своим «заповѣдати да преминут (то есть «обойдут стороной». — *В.Р.*) града Ростова» и одарил Бориса. Таким образом, еще до поездки Михаила в Орду князь Борис оказывается в числе тех, кто поступился принципами и изменил вере, поддавшись «прельщениям» татар. «Ини же многие, — сообщает далее агиограф XVI в., — зрящее сичевое, прельстишася, сотвориша волю цареву. Царь же честь имъ воздавше

прелестную, яко же и князю Борису Ростовскому, и отпускаше их на своя вотчины» [4: с. 91].

Интересно, что более ранние рассказы о событиях 1246 года сведений о том, что Борис якобы изменил христианству, не содержат. Так, в Лаврентьевской летописи, в этой части, передающей ростовский источник, упоминается лишь, что Борис был вместе с дедом в Орде, а после смерти Михаила был отпущен Батыем к своему сыну Сартаку. «Сартак же, почтивъ князя Бориса, отпусти я в своя си» [6: стб. 471]. В Ипатьевской летописи, в этой части отразившей галицкую летописную традицию, и вовсе не упоминается о поездке Бориса в Орду. Она лишь сообщает, что Михаил, вернувшись в Чернигов из «Оугры», «еха Батыеви, прося волости свое от него. Батыеви же рекшоу: “Поклонися отец нашихъ закону”». Михаил же отказался от выполнения этого требования: «Аще Богъ ны есть предаль и власть нашоу грѣхъ ради нашихъ во роуцѣ ваши, тобѣ кланяемся, и чѣсти приносим ти, а закону отец твоихъ и твоемоу богонечестивоумоу повелению не кланяемся». В ответ Батый, сообщает Ипатьевская, «яко свѣрепый звѣрь возьярися, повелѣ заклати и закланъ быс незаконнымъ Доманомъ Путивльцемъ нечестивымъ и с нимъ закланъ быс бояринъ его Феодор, иже мученически пострадаша и восприяста вѣнѣць от Христа Бога» [2: стб. 795].

Время появления ранних летописных рассказов о поездке великого князя в Орду (вторая половина XIII в.) примерно совпадает со временем создания проложных Сказаний о гибели в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора. Тексты Сказаний дошли в значительном количестве списков, относящихся к нескольким основным редакциям. Самой ранней считается краткая, по терминологии Н.И. Серебрянского, «ростовская» редакция Сказания.

В ней, так же как и в Ипатьевской летописи, не содержится упоминания о том, что вместе с Михаилом и Феодором в Орде находился и ростовский князь Борис Василькович. В «ростовской» редакции говорится лишь о том, что Борис вместе с братом Глебом и матерью Марией (дочерью Михаила Всеволодовича) воздвигли церковь «во имя» черниговского князя, положив тем самым начало его почитания в качестве святого. Здесь же содержится обращение к святому помолиться «за внука своя Бориса и Глѣба» и «мирно державу царствия ихъ оуправити на многа лѣта и от мужа сея поганыхъ избавити я» [10: с. 50].

Судя по всему, «ростовская» редакция была составлена на родине Бориса Васильковича еще при его жизни — в 60–70-е годы XIII века [5: с. 27; 6: с. 14–21]. Вероятно, несколько позднее (но не позже 1313 г. — времени, которым датируется один из ранних списков) появляется протограф пространных проложных редакций [7: с. 15–18]. Именно в этих произведениях впервые появляется информация о том, что Борис уговаривал великого князя подчиниться ханской воле.

В пространных проложных редакциях несколько иначе трактуют обстоятельства появления Михаила в Орде, а также поведение его внука Бориса Васильковича.

Во-первых, там содержится принципиально иная версия причин появления Михаила в Орде. В этих произведениях указывается, что Михаил едет в Орду не по зову хана, а по собственной воле, и не за властью, коей татары прельщают русских князей, а совсем наоборот — чтобы обличить «прельщения поганых». «Начаша ихъ (князей. — *В.Р.*) звати татарове ноужею, глаголаше: не подобает жити на земли канови, и Батыевъ не поклонившеся имя (...) мнози же князи с бояры своими идяхоу сквозь огонь и поклоняхоуся солнцу и кустоу и идолом, славы ради свѣта сего, и прашахоу кождо ихъ власти, они же безъ взбранения даяхуть имъ (...) блаженому же князю Михайлоу пребывающю в Черниговѣ, видя многи прельщающася славою свѣта сего, посла Богъ благодать и даръ Святого Духа на нь и вложи ему въ сердце ѣхати предъ цесаря и обличити прелесть его, ею же льститъ крестьяны» [10: с. 55–56]. Именно массовый характер таких «прельщений» и заставил Михаила отправиться на верную смерть: в обличении этих «прельщений» он видит и свой христианский долг, и залог своего будущего спасения.

А кроме того, в пространных редакциях сообщается, что внук Михаила Черниговского — Борис Ростовский не просто сопровождал деда в этой поездке, но и уговаривал его выполнить волю «царя»: «Глаголя ему внук его Борис князь ростовский с плачем многим: *“Господине-отче, поклонися!”* Так же и бояре глаголаху: *“Все за тебя примем епитемью со всею властью своею”*». Однако Михаил Черниговский вероотступничеству предпочел мученическую смерть: «Тогда глаголя имъ Михайль: не хоцю токмо именемъ христианинь зватиися, а дѣла поганыхъ творити» [10: с. 57, 66].

Появление князя Бориса среди тех, кто в ставке Батыеа пытался уговорить Михаила Всеволодовича пойти на сговор с собственной совестью, косвенно может свидетельствовать о том, что протограф пространных проложных Сказаний создавался в иной среде, чем краткая «ростовская» редакция произведения. И эта среда, скорее всего, была настроена явно критически по отношению к Борису. Ведь, согласно пространным текстам Сказания, получалось, что татары и Борис Василькович добивались одного и того же — обольщения будущего святого. И как раз в противостоянии этим прельщениям (а также в их обличении!) и состоял христианский подвиг Михаила («азъ хоцю за Христа моего пострадати, и за православленную вѣру пролиати кровь свою»). Неслучайно Михаил, обращаясь к соплеменникам (один из них — его внук Борис), которые пытались повторно уговорить его поддаться прельщениям, восклицает: *«Не слушаю васъ!»* После чего, согласно пространным редакциям произведения, великий князь «соимъ коць (то есть княжеский плащ. — *В.Р.*) свои, и верже к нимъ, глаголя: *примете славу свѣта сего»* [10: с. 58, 67]. Тем самым Михаил как бы отдавал своим соплеменникам вожде-

ленную ими власть — «славу свѣта сего» (плащ именно ее и олицетворял), оставляя себе «венци нетленные».

Впрочем, в проложных редакциях Сказания прямых осуждений в адрес Бориса не было. Негативная характеристика, скорее, давалась всем русским князьям, поддавшимся татарским прельщениям ради «славы света сего скоро минующего». Книжники сетовали по поводу того, что князья предпочли власть (которую можно было сохранить, лишь пойдя на компромисс с совестью), а не христианские идеалы, которым остался верен лишь Михаил Всеволодович и его боярин Феодор. Тем не менее рассказ о поведении Бориса в версии проложных редакций Сказания лег в основу дальнейших интерпретаций.

Совсем иную трактовку поведение Бориса приобретает спустя три столетия — в середине XVI века. Интересно при этом, что процитированное выше Житие Евфимии Суздальской было не единственным произведением, в котором осуждался князь Борис Ростовский. Компрометирующий Бориса Васильковича рассказ появляется также в Лицевом летописном своде (1568–1576 годы, Лаптевский том, в основе которого лежит текст Никоновской летописи) и Степенной книге царского родословия (1560–1563 годы).

Уже в Никоновской летописи уговоры Бориса приобретают несколько иной оттенок. В отличие от пространных проложных редакций Сказания, в которых Борис просит Михаила выполнить «волю цареву» и тем самым сохранить себе жизнь («Господине-отче, *поклонися — живъ будещи!*» [10: с. 61]), в версии Никоновской Борис с боярами ратуют за сохранение не только жизни великого князя, но и собственных жизней («Приступи къ нему внукъ его князь Борисъ Василковичъ Ростовский со многими слезами и съ плачемъ, и инии мнози Русстии князи з бояры своими съ плачемъ и со слезами глаголаша ему, *да сътворитъ волю цареву: «да не погибнеши ты, и мы тебе ради; вѣсть бо Господь Богъ, яко неволею сие сътвориши, егда же взратимся въ свою землю, и мы вси всею землею возьмемъ сей грѣхъ на себя, и во всей земли държимъ сию епитемью за тебя, и многа блага сътвориши Русской земли и всѣмъ намъ»* [8: с. 132]).

В Лицевом же летописном своде и в Степенной книге появляются уже прямые выпады в адрес Бориса Васильковича.

Во-первых, указывается, что «смущает» великого князя не кто иной, как дьявол, который действует не только через «мучителей» Михаила (то есть татар), но и через «своеплеменных» (они, подчеркивает книжник, «паче враговъ» творят «лютейшее смущение»). И один из искусителей — внук Михаила, князь Борис («Диаволь сугубы и зелны сети святому простираше спешаше, не точию мучителя на нь възари, и варварскую бурю въздвиже, но паче враговъ и отъ своеплеменныхъ лютейшее смущение творя», — замечает книжник. Не только посланные Батыем «искусители», но и «князи Русстии мнози обседяше» Михаила [8: с. 241]).

Во-вторых, про Бориса говорится, что он оказался плохим сыном своего отца — погибшего от рук татар, в 1238 году, князя Василька Константиновича: «душо си повредивъ», он дает «не добре» советы Михаилу и соблазняет его («Единъ же отъ техъ ласкателей князь Борисъ, на того бо тогда Ростовское начальство преиде, и не исправися ходити по стопамъ отца своего, святаго и добропобеднаго мученика и исповедника князя Василя, рекомаго Василка, сына Константина, иже мало преже сего отъ того безбожнаго царя Батыя страданиемъ скончася за исповедание Христово, тако сий князь Борис и съ прочими съ начальствомъ и душо си повредивъ светлому же Михаилу не добре совещеваху: «да сътворитъ волю цареву, да нет погыбнеши, рече, zde, и мы съ тобою; можеши бо и лестью сотворити волю цареву, токмо да избавишися ярости его»). Михаил же, отмечает летописец, не соглашается, «дьяволя сети, иже отъ усть несмысленныхъ друговъ протязаемы, якоже *паучинныя* мрежи, растерзая» [8: с. 241].

Под пером книжников выходило, что науськиваемый врагом рода человеческого Борис искушал святого мученика в самый ответственный момент его земного служения и тем самым фактически встал не только на сторону Батыя, но и на сторону дьявола. Именно за это он, наряду с другими русскими князьями, получил из рук «безбожнаго» хана «славу свѣта сего скороминующего» — то есть власть над ростовской землей.

Между тем размышления о природе «славы света сего» — весьма распространенная тема древнерусской литературы, в том числе и в произведениях, посвященных «татарской» теме. Так, под 6778 (1270) годом в Симеоновской летописи, после сообщения об убийстве в Орде рязанского князя Романа Ингваревича, помещено так называемое «обращение к русским князьям»: «О влюбленнии князи Рускийи, *не прельщайтесь пустошною и прелестною славою свѣта сего, еже худъше паучины есть* и яко стѣнь мимо идеть, не принесосте бо на свѣтъ сеи ничто же, ниже отнести можете, не обидите меншихъ си сродникъ своихъ, аггели бо ихъ видять лице Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, възлюбите правду и долготерпѣние и чистоту, да радости святыхъ исполнитесь, якоже и сии балженнии князь Романъ *купи си страстию царство небесное и вѣнецъ приять отъ руки Господня съ сродникомъ своимъ Михаиломъ*» (имеется в виду Михаил Всеволодович Черниговский. — В.Р.) [11: с. 73].

Скорее всего, резко критические отзывы о поведении ростовского князя в Орде стали результатом переосмысления предшествующего исторического нарратива, посвященного судьбе Михаила Черниговского и роли князя Бориса в тех событиях, которые разворачивались в 1246 году в ставке Батыя. Вероятно, появление таких оценок в XVI веке было обусловлено прежде всего идеологическими причинами. В это время завершается формирование исторических нарративов, призванных зафиксировать новые идеологические воззрения на прошлое и настоящее Московской Руси. Эти идеи находят выражение

в целом ряде памятников, прежде всего в масштабных летописных проектах (Никоновская летопись, Лицевой свод и др.), а также публицистических и полемических произведениях. Задачи новых идеологов — подтвердить и укрепить высокий статус и предназначение Русского государства. Для решения этих задач требовалось уточнение тех исторических сюжетов, которые касались отношений Руси и Орды.

Параллельно существенной переоценке подвергались и некоторые деятели той эпохи, среди которых оказался и ростовский князь Борис. Формирующееся Русское царство, вырастая на обломках «поганных» татарских «царств», нуждалось не только в обосновании своей легитимности, но также в собственных героях и «антигероях», проявивших себя в годы вынужденной зависимости от ныне низвергнутой «поганой» Орды [3: с. 387–391; 9: с. 57–61]. Тот факт, что сразу в нескольких произведениях XVI века (в том числе и во вполне официальном Лицевом своде) появились новые, весьма нелицеприятные характеристики князя, говорит о том, что поведение Бориса в Орде было соотнесено с новой системой ценностных координат, формировавшихся в этот период в Московской Руси.

Литература

1. Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. М.: Индрик, 2006. С. 138–154.
2. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 934 с.
3. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. 594 с.
4. Колобанов В.А. Владимиро-Суздальская литература XIV–XVI вв. Спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1. Владимир: Б/и., 1975. 123 с.
5. Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Вып. 1. М.: Б/и., 1990. С. 15–69.
6. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 2. Л.: Государственная академическая типография, 1927. 577 с.
7. Лаушкин А.В. К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 3–25.
8. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 10. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1885. 244 с.
9. Рудаков В.Н. В поисках героев: к вопросу о переосмыслении прошлого русскими книжниками XV–XVI вв. // Вестник славянских культур. 2012. № 1 (XXIII). С. 57–61.
10. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). М.: Б/и., 1915. 512 с.
11. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 18. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. 316 с.

References

1. *Gorskij A.A.* Gibel' Mixaila Chernigovskogo v kontekste pervy'x kontaktov russkix knyazej s Ordoj // *Srednevekovaya Rus'*. Vy'p. 6. M.: Indrik, 2006. S. 138–154.
2. *Ipat'evskaya letopis'* // *Polnoe sobranie russkix letopisej*. T. 2. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1908. 934 s.
3. *Istoki russkoj belletristiki. Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoj literature*. L.: Nauka, 1970. 594 s.
4. *Kolobanov V.A.* Vladimiro-Suzdal'skaya literatura XIV–XVI vv. Speckkurs po drevnerusskoj literature. Vy'p. 1. Vladimir: B/i., 1975. 123 s.
5. *Kuchkin V.A.* Mongolo-tatarskoe igo v osveshhenii drevnerusskix knizhnikov (XIII – pervaya chetvert' XIV v.) // *Russkaya kul'tura v usloviyax inozemny'x nashestvij i vojn*. Vy'p. 1. M.: B/i., 1990. S. 15–69.
6. *Lavrent'evskaya letopis'* // *Polnoe sobranie russkix letopisej*. T. 1. Vy'p. 2. L.: Gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya, 1927. 577 s.
7. *Laushkin A.V.* K istorii vozniknoveniya rannix prolozhny'x skazaniy o Mixaile Chernigovskom // *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya*. 1999. № 6. S. 3–25.
8. *Nikonovskaya letopis'* // *Polnoe sobranie russkix letopisej*. T. 10. SPb.: Tipografiya Ministerstva vnutrennix del, 1885. 244 s.
9. *Rudakov V.N.* V poiskax geroev: k voprosu o pereosmy'slenii proshlogo russkimi knizhnikami XV–XVI vv. // *Vestnik slavyanskix kul'tur*. 2012. № 1 (XXIII). S. 57–61.
10. *Serebryanskij N.I.* Drevnerusskie knyazheskie zhitiya (Obzor redakcij i teksty'). M.: B/i., 1915. 512 s.
11. *Simeonovskaya letopis'* // *Polnoe sobranie russkix letopisej*. T. 18. SPb.: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1913. 316 s.

V.N. Rudakov

**Knyaz Boris Vasylkovych Rostovsky
in the Historical Memory of XIII–XVI Centuries**

The paper analyzes the existed in memorials of hagiography and chronicles of XIII–XVI centuries representations of the activities of Knyaz Boris Vasylkovych Rostovsky who in 1246 was present at the martyr death of his grandfather — Grand Knyaz Michael Vsevolodovich Chernigovskogo at the Horde . The change of his appraisal of this event — from neutral to negative – took place within the bounds of the reappraisal of the Horde's rule and attitude to it of Russian knyazes in the XVIth century influenced by the forming of the new ideology of Moscow Russia.

Keywords: Russia; Horde; knyazes; historical memory; the Mongol-Tatar invasion.

С.П. Карпачёв

Масоны против декабристов¹

Вопреки расхожему мнению о заговоре декабристов, зревшем в масонских ложах, в статье предпринимается попытка проинформировать читателя о наличии в масонских ложах не только «пламенных революционеров», но и охранителей-консерваторов, а то и людей крайне реакционных взглядов. Все это показывает, что масонство, принимавшее различные формы на протяжении всего своего существования, в целом не являлась ни политической, ни религиозной организацией, а аккумуляровало самые различные идеологические взгляды и представления.

Ключевые слова: масонство; масоны; декабристы.

Отечественная историография проблемы участия масонов в декабристских организациях насчитывает более ста лет: начиная с классического труда В.И. Семевского [10]. При этом до настоящего времени в историографии присутствуют два подхода к названной проблеме, которые можно обозначить как конспирологический и позитивистский. Для конспирологов, которые мало считают с фактами и документами, движение декабристов — «масонское действо». Таков подход к вопросу, например, Б. Башилова [1], О.А. Платонова [8], С.Д. Толя [13]. Напротив, сторонники позитивистского подхода в целом остаются на почве фактов и основываются на исторических источниках, несмотря на различные субъективные мнения и отношение к декабризму и масонству (так, В.С. Брачев [2] отрицательно оценивает деятельность масонов и декабристов, а А.И. Серков [11], напротив, занимает промасонскую и продекабристскую позицию).

Участие масонов в движении декабристов — общеизвестный факт, но их роль едва ли следует преувеличивать. Об этом свидетельствуют уже статистические данные. Всего под следствием по делу декабристов оказалось 579 человек. Виновными было признано 289, из них 121 предстали перед Верховным уголовным судом. Около 120 человек подверглись внесудебному наказа-

¹ При определении принадлежности тех или иных персоналий к масонству в данной статье используется масонский принцип «нестираемости». По нему вольный каменщик, получивший посвящение, остается для «королевского искусства» пожизненным членом, за исключением его «радиирования», то есть ликвидации его имени в анналах масонства. В реальности «братья» входили и покидали ложи, вели активную масонскую жизнь и, по масонской терминологии, «засыпали», то есть прекращали данную деятельность. Здесь нелишне напомнить, что к декабрьским событиям 1825 г. действовал Указ Александра I от 1 августа 1822 г. о запрещении в России тайных обществ, в том числе масонских лож, поэтому формально в Российской империи масонства не существовало.

нию: заточению в крепость, разжалованию, переводу в действующую армию на Кавказ, передаче под надзор полиции ([URL://http://www.krugosvet.ru/node/42160?page=0,3](http://www.krugosvet.ru/node/42160?page=0,3) (дата обращения: 3 июня 2012 г.)). По подсчетам А.И. Серкова [11: с. 254], 122 человека из привлекавшихся к следствию были масонами (21 %. — С.К.). По другой методике подсчета, предложенной В.С. Брачевым [2: с. 288], из 121 декабриста, преданных Верховному уголовному суду, было 23 масона (19 %. — С.К.). Таким образом, различные методики и техники подсчета показывают, что масоны составляли только пятую часть декабристского движения.

Конечно, относительно небольшая численность масонов-декабристов служит лишь внешним показателем отношения русского масонства в целом к революционному движению, поскольку именно масоны могли занимать в нем ключевые позиции. Другим, более весомым показателем этого отношения служит то обстоятельство, что среди противников декабристов было немало видных масонов. Между тем исследователи значительно реже обращались к изучению масонства как противовеса революционному направлению русской общественной мысли и политической деятельности, к масонам как преследователям и гонителям «революционной заразы». В частности, о масонстве А.Х. Бенкендорфа говорится в работах М.В. Нечкиной [6: с. 134] и Д.И. Олейникова [7]. Имена противников декабристов из числа масонов упоминают В.С. Брачев [2: с. 279–289], С.П. Карпачёв [5: с. 48], А.И. Серков [11: с. 254–255]. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы более детально очертить персоналии масонов, прямо противодействовавших декабристам.

14 декабря 1825 года восставшие первыми пролили кровь: был смертельно ранен генерал-губернатор граф Милорадович, убит командир л-гв. Гренадерского полка Стюрлер, тяжело ранены генерал-майоры Шеншин и Фридрихс, свитский офицер Гастфер [9: с. 13–15]. Среди жертв печально известного русского террориста П.Г. Каховского, кстати, никакого отношения к масонству не имевшего, был член ложи «Надежды» в Берне Н.К. Стюрлер [12: с. 776, 1136], брат петербургской ложи «Трех добродетелей», адъютант Милорадовича капитан Ф.А. Фридрихс [12: с. 844, 1103]. Таким образом, из первых пятерых убитых или раненых защитников трона двое были вольными каменщиками.

Бунт декабристов сразу вызвал реакцию защиты нового законного государства со стороны подавляющего большинства офицеров, в том числе масонов. Масоны — военнослужащие, оставшиеся верными присяге, приняли активное участие в подавлении восстания.

Во время событий 14 декабря 1925 года на Сенатской площади профаном (по масонской терминологии «профан» — не масон. — С.К.) Д.А. Щепиным-Ростовским был ранен командир батальона, масон ложи «Орел Российский» П.К. Хвощинский [7: с. 216; 12: с. 850, 1069].

Масон лож «Тройственное спасение» и «Петр к истине» генерал-лейтенант А.И. Нейдгард [12: с. 581, 1024, 1083] первым сообщил Николаю известие о начавшемся мятеже [7: с. 216].

Масон ложи «Три добродетели» С.Ф. Апраксин, командир л-гв. Кавалергардского полка, убедил полк принять присягу Николаю [12: с. 65, 1102].

Член четырех лож, имевший пятую степень шотландской системы, основатель полтавской ложи «Любовь к истине», один из членов руководства русского масонства И.М. Бибиков [11: с. 116, 1044, 1092, 1099, 1112], находясь в свите Николая, был жестоко избит при попытке вернуть к повиновению Гвардейский экипаж. Его, находившегося в бессознательном состоянии, спас присутствующий на площади декабрист-масон Рылеев, закричавший солдатам: «Стойте, это наш». Это осложнило карьеру Бибикову. Он потерял доверие Николая, и хотя удостоился высочайшей признательности и позже был произведен в генерал-майоры, но из свиты императора был удален (Мосины О. и С. — URL://http://baza.vgd.ru/11/62211/?pg=all (дата обращения: 12 июня 2012 г.)).

Участник Отечественной войны 1812 года, генерал-адъютант Е.А. Головин, масон московских лож «Ищущие манны», «Нептун», «Феникс», в которой он был посвящен в степень шотландского мастера [12: с. 255, 1027, 1029, 1034], помешал выходу на Сенатскую площадь л-гв. Финляндскому полку.

Брат [12: с. 635, 1134] английской ложи В.А. Перовский, будучи неотлучно при Николае, получил удар в спину поленом, брошенным кем-то из толпы сочувствующих мятежникам (Футурянский Л.И. — URL://http://istok56.ru/index.php/academic.ru/dic/usf/enc_biography/99962/ (дата обращения: 12 июня 2012 г.)).

На стороне Николая I выступил командир л-гв. Измаиловского полка Л.А. Симанский, член трех лож «Александра золотого льва», «Астреи», Великой провинциальной ложи, один из руководителей русского масонства [12: с. 746, 1044, 1047, 1051].

Среди отличившихся при подавлении бунта был масон О.И. Прянишников (ложа «Избранный Михаил») [12: с. 671, 1066] (Wikipedia (дата обращения: 24 июня 2012 г.)).

Л.О. Рот, масон симбирской ложи «Ключ к добродетели» [12: с. 712, 1118], принимал участие в усмирении восстания Черниговского полка. «За отличную деятельность и решительность, проявленные им в деле усмирения и успокоения умов», он был награжден орденом св. Александра Невского (URL://http://mirslouvrei.com/cjntent_bigbioenc/rot-ljggin-osipovich-140694.html (дата обращения: 12 июня 2012 г.)).

Неотлучно находился в свите государя А.Х. Бенкендорф, член петербургской ложи «Соединенные друзья», имевшей либеральную репутацию [4: с. 216; 12: с. 102–103, 1092].

17 декабря 1825 года был создан «Высочайше учрежденный Тайный комитет...» для проведения следствия по делу декабристского восстания. Первоначально в его состав вошли: военный министр А.И. Татищев, вел. кн. Михаил Павлович, генерал-адъютант Л.В. Голицишев-Кутузов, В.В. Левашов, кн. А.Н. Голицын, А.Х. Бенкендорф и в качестве «правителя дел» А.Д. Боров-

ков. Таким образом, из первых семи членов следственного комитета последние трое были масонами. А.Н. Голицын был членом мистического промасонского общества «Люди нового Израиля». [12: с. 250, 1051]. Выпускник Московского университета А.Д. Боровков наряду с карьерой чиновника сотрудничал в ряде журналов. Он был членом петербургских лож [12: с. 132, 1054, 1064] «Елизавета к добродетели» и «Избранный Михаил», причем в последней занимал офицерские должности вплоть до Досточтимого мастера — руководителя мастерской. Боровков, как мог, помогал некоторым подследственным. На основе материалов следствия он составил «Алфавит» подследственных, ставший основой для всех последующих биографических словарей декабристов.

Позже состав комитета значительно расширился, с 14 января 1826 года он перестал именоваться «тайным», а с 29 мая был переименован в «комиссию». Естественно, она пополнилась по большей части чиновниками-«профанами». Но с 17 декабря 1826 года в качестве помощника правителя дел комиссии в ее состав был введен В.Ф. Адлерберг, масон военно-походной ложи «Александр к военной верности», с 1817 года адъютант Николая Павловича и его друг [3: с. XIII–XIX].

1 июня 1826 года Николай I создал «Высочайше учрежденный Верховный уголовный суд для суждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря прошлого 1825 года» [9: с. 514–515], получивший в литературе название Верховный уголовный суд (далее ВУС. — С.К.). Он состоял из 18-ти членов Государственного Совета, 36-ти членов Сената, 3-х представителей Синода, 15-ти представителей высших военных и гражданских должностных лиц [4: с. 70–71].

В ВУСе среди членов Государственного совета был представлен ряд российских вольных каменщиков. Заместителем председателя суда был назначен кн. Алексей Куракин, крупный государственный деятель. Он с 24-х лет был членом петербургской ложи шведской системы XVIII в. [12: с. 446; 14: с. 347].

Членом суда был известный государственный и общественный деятель, по определению В.С. Брачева, «записной либерал» Н.С. Мордвинов. Он был масоном английских лож в 1770–1780 годах и мастером петербургской ложи XVIII века. «Скромность» (или «Молчание») в 1786–1787 годах, членом теоретического градуса московской ложи «К мертвой голове» в 1806–1809 годах. Кстати, Николай Семенович был единственным членом ВУСа, выступившим против казни декабристов [2: с. 280; 12: с. 558, 966, 993, 1028; 14: с. 434].

В.С. Ланской, член Государственного совета по департаменту законов, управляющий МВД в 1780-х годах, был неаполитанским масоном [12: с. 461, 992; 14: с. 362].

А.Д. Балашов в 1810 году был министром полиции и с этого же года — членом Государственного совета. Он был почетным Досточтимым мастером петербургской ложи «Палестина», в ложе «Соединенных друзей» имел степень рыцаря Востока и впоследствии стал ее почетным членом. Он был одним из авторов ряда

проектов реорганизации масонства, направленных на большую подконтрольность «королевского искусства» со стороны центральной власти и использования его в государственных целях [12: с. 82–83, 1070, 1092; 14: с. 57].

Адмирал, крупный деятель культуры, высокопоставленный государственный чиновник А.С. Шишков, был старинным масоном ложи «Нептун» в Кронштадте и ее почетным членом [9: с. 754; 12: с. 899, 950].

Известнейший персонаж российской истории XIX века М.М. Сперанский был масоном петербургской ложи «Полярная звезда». В конце 10-х годов XIX столетия он предпринял попытку использовать орден вольных каменщиков для государственных преобразований и выдвинул план сосредоточения в ложах интеллектуалов для подготовки руководящих кадров и выработки проектов решений по социально-экономическим, культурным и политическим вопросам жизни страны [2: с. 279; 5: с. 45; 12: с. 764–765, 1089].

Таким образом, из 18-ти членов ВУСа от Государственного совета было только выявленных шесть «братьев», то есть треть всей рассмотренной группы.

Конечно, за счет членов Синода, сенаторов и особо назначенных Николаем представителей высших военных и гражданских должностных лиц доля масонов в суде уменьшилась. Но, тем не менее, в этих группах были достаточно известные в масонском мире фигуры.

Среди 15-ти особо назначенных чиновников также были масоны.

Н.М. Бороздин, участник заговора против Павла I, профессиональный военный, участвовал в боевых действиях против французов в 1807 году, русско-шведской войне 1808 года, Отечественной войне 1812 года и заграничных походах русской армии. Он был ревностным масоном, членом пяти лож, занимал в них руководящие должности, имел высшие степени посвящения. С апреля 1819 года был командором Верховной директории шведского ритуала в России. В масонском мире имел имя «Рыцарь вооруженного льва» и девиз «Без повода не нападать» [2: 279; 5: 48; 12: 134, 1092, 1099, 1102, 1108, 1111].

А.Ф. Ланжерон — полковник французской армии, не принявший революцию и перешедший на русскую службу в 1790 году, в 1799-м принял русское подданство, генерал-лейтенант, с 1813 по 1823 год — управляющий рядом южнорусских губерний, одесский градоначальник. Больше половины жизни Ланжерона была связана с масонством. Он был инициирован в 19-летнем возрасте в Париже, был членом ряда мастерских, перед революцией возглавлял одну из них, имел высшие масонские степени. В России он был членом-основателем одесских лож «Три царства природы» и «Эвксинский Понт», их руководителем, почетным членом петербургских мастерских «Елизавета к добродетели» и «Соединенные друзья» и феодосийской «Иордан». В капитуле «Феникс», объединявшем членов высших масонских степеней шведского устава, А.Ф. Ланжерон был известен как «Рыцарь семи звезд» [2: с. 279; 12: с. 460–461, 992, 1039, 1041, 1058, 1095, 1109, 1120].

Целый ряд персонажей в настоящее время пока не могут быть идентифицированы как члены ВУСа и одновременно как вольные каменщики. По косвенным данным, можно предположить, что среди них были сенаторы Андрей Феньш, Иван Гагарин, Василий Хвостов, Николай Шаховской, Павел Кутайсов, Павел Ланской, Николай Дубенский. Дальнейшие изыскания могут повысить долю масонов в ВУСе.

Достаточно интересен тот факт, что в комиссии по составлению приговора из трех членов были два «брата»: М.М. Сперанский и Н.М. Бороздин [9: с. 753]. Восстание декабристов усилило консервативные черты российской власти. В частности, именно после него создается в России III Отделение, выполнявшее функцию тайной политической полиции. Кстати, в его создании и руководстве принимали участие бывшие члены масонских лож, но это тема уже следующего сюжета.

В целом в русском масонском «братстве» было отрицательное отношение к декабристам. Резко высказывались о них интеллектуалы — масоны того времени: Греч, Магницкий и др. Ряд вольных каменщиков высказывал суждение о том, что именно запрет масонства 1822 году стимулировал антиправительственный бунт 14 декабря. В частности, член ложи «Три Добродетели» Кучанов в письме к Я.Ф. Скорятину писал: «Если бы покойный император не уничтожил масонские ложи, то не удалось бы карбонарству так усилиться» [5: с. 48].

Эта мысль не была лишена основания. Общей характерной чертой масонства была лояльность к власти. Она же пропустила возможность использования «вольного каменщичества» как в своих собственных целях, так и для создания интеллектуальных клубов, где гасились бы крайности идейных течений, что способствовало развитию революционных, экстремистских настроений в определенной части российского общества.

Литература

1. *Башилов Б.* История русского масонства. М.: Православное изд-во «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. 639 с.
2. *Брачев В.С.* Масоны и власть в России. М.: ЭКСМО; АСТ, 2003. 639 с.
3. Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. М; Л.: Государственное изд-во, 1925. 127 с.
4. Восстание декабристов. Документы. Т. XVII. Дела Верховного уголовного суда и следственной комиссии. М.: Наука, 1980. 320 с.
5. *Карпачёв С.П.* Тайны масонских орденов. Ритуалы «вольных каменщиков». М.: Яуза-пресс, 2007. 349 с.
6. *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. 1. М.: Наука, 1955. 540 с.
7. *Олейников Д.И.* Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. 418 с.
8. *Платонов О.А.* Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–2000. 3-е изд., испр. и доп. М.: «Русский вестник», 2000. 911 с.
9. Полное Собрание Законов. Собрание 2. Т. 1. СПб., 1830. 1112 с.

10. *Семевский В.И.* Декабристы — масоны. Минувшие годы. 1908. № 2–3, 5–6.
11. *Серков А.И.* История русского масонства XIX века. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2000. 393 с.
12. *Серков А.И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1222 с.
13. *Толь С.Д.* Масонское действо: Исторический очерк о заговоре декабристов. СПб., 1914. Переиздание. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. 200 с.
14. *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 830 с.

References

1. *Bashilov B.* Istoriya russkogo masonstva. M.: Pravoslavnoe izd-vo «E'nciklopediya russoj civilizacii», 2003. 639 s.
2. *Brachev V.S.* Masony' i vlast' v Rossii. M.: E'KSMO; AST, 2003. 639 s.
3. *Vosstanie dekabristov. Materialy'*. T. 1. M; L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925. 127 s.
4. *Vosstanie dekabristov. Dokumenty'*. T. XVII. Dela Verxovnogo ugolovnogo suda i sledstvennoj komissii. M.: Nauka, 1980. 320 s.
5. *Karpachyov S.P.* Tajny' masonskix ordenov. Ritualy' «vol'ny'x kamenshhikov». M.: Yauza-press, 2007. 349 с.
6. *Nechkina M.V.* Dvizhenie dekabristov. T. 1. M.: Nauka, 1955. 540 s.
7. *Olejnikov D.I.* Benkendorf. M.: Molodaya gvardiya, 2009. 418 с.
8. *Platonov O.A.* Ternovy'j venecz Rossii. Tajnaya istoriya masonstva 1731–2000. 3-e id., ispr. i dop. M.: «Russkij vestnik», 2000. 911 s.
9. *Polnoe Sobranie Zakonov. Sobranie 2.* T. 1. SPb., 1830. 1112 s.
10. *Semevskij V.I.* Dekabristy' — masony'. Minuvshie gody'. 1908. № 2–3, 5–6.
11. *Serkov A.I.* Istoriya russkogo masonstva XIX veka. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2000. 393 s.
12. *Serkov A.I.* Russkoe masonstvo. 1731–2000 gg. E'nciklopedicheskij slovar'. M.: ROSSPE'N, 2001. 1222 s.
13. *Tol' S.D.* Masonskoe dejstvo: Istoricheskij ocherk o zagovore dekabristov. SPb., 1914. Pereizdanie. M.: Izd-vo zhurnala «Moskva», 2000. 200 s.
14. *Shilov D.N.* Gosudarstvenny'e deyateli Rossijskoj imperii. 1802–1917. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2001. 830 с.

S.P. Karpachyov

Masons against Decembrists

Contrary to popular opinion about the conspiracy of the Decembrists, which originated in Masonic lodges, there is an attempt in the article to inform the reader about the presence of the Masonic lodges not only «the ardent revolutionaries», but also the guardians — Conservatives and the people of the extremely reactionary views. Above mentioned shows that Freemasonry, took various forms throughout its existence. Freemasonry was neither a political nor religious organization, and accumulated the most different ideological views and ideas.

Keywords: Freemasonry; Masons; Decembrists.

А.А. Платонова

Браки между московскими мещанами и разночинцами в первой половине XIX века

В статье приводится статистическое исследование брачных связей московских мещан и разночинцев в первой половине XIX века. Исследование выполнено на материале метрических книг.

Ключевые слова: браки; мещане; разночинцы.

В настоящее время сословие мещан остается малоисследованной частью населения Москвы конца XVIII – начала XX века. Мещанское сословие, являясь низшим разрядом городских обывателей, не создало достаточного корпуса мемуарных памятников. О социокультурных процессах, протекавших в данной среде, мы можем судить по косвенным признакам. В этих условиях большой интерес представляет отслеженная по метрическим документам динамика брачного круга и брачного выбора мещан.

Автором были исследованы метрические книги за 1787, 1801, 1810, 1813, 1821, 1841, 1859 годы (ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 745. Т. 1). Таким образом, исследование охватывает период от времени юридического оформления мещанства (1780-е г.) до рубежа Великих реформ (конец 1850-х гг.). Были изучены две разные с точки зрения социального состава мещан, территории города. Первая охватывала расположенный на юге Москвы район Замоскворечье (Замоскворецкий сорок). Для этой зоны характерно наличие существенной прослойки зажиточных мещан, перешедших из купечества или связанных с купечеством семейно-родственными связями. Данные по Замоскворечью сравнивались с Никитским сороком, включавшим часть приходов в центральной части города, в «дворянских» районах и предместьях на северо-западе. Хотя мещанское население этой территории было очень неоднородно по уровню достатка и социальному происхождению, мы можем ожидать здесь сравнительно более высокую, чем в Замоскворечье, долю мещан, происходивших из вольноотпущенных крепостных людей.

Значительный сегмент брачного рынка московского мещанства занимали разночинцы — лица, не принадлежащие к основным сословно-правовым разрядам. «Разночинцы» — одна из самых сложных для статистического исследования социальных категорий Российской империи. В XVIII – первой по-

ловине XIX века понятие «разночинцы» имело различное содержание в официальных законодательных материалах и документах церковного учета населения. В церковной статистике до 1840-х годов термин использовался в отношении ряда как податных, так и не податных групп, не относящихся к основным сословиям. В официальном законодательстве с первой четверти XIX века «разночинцами» стали называть маргинальный слой населения, не имевший четкой сословной идентификации, как бы «бессословное население» (отставные солдаты, вольноотпущенные и др.) [3: с. 84]. Американская исследовательница Э.К. Виртшафтер, рассматривая разночинцев как часть приходского населения, объединяет «разночинные подгруппы», выделявшиеся законодательством и исповедальными списками (церковной статистикой). Она также включает в категорию разночинцев нижние военные чины в период службы [1: с. 98–99]. Брачный круг московских мещан включал большинство из выделяемых Э.К. Виртшафтер «разночинных подгрупп». К ним относились: рабочие ткацких фабрик; мастеровые и рабочие печатных дворов; ямщики; сторожа; приказнослужители и канцеляристы недворянского происхождения; низшие военные чины; солдатские вдовы и дочери; звонари; монастырские служители; вольнонаемная домашняя прислуга; освобожденные крепостные. [1: с. 99] Кроме указанных групп к разночинцам, заключавшим браки с московскими мещанами, принадлежали питомцы Воспитательного дома, иностранцы и профессиональные группы (актеры, учителя, лекари).

Таким образом, «разночинцы» в составе брачного круга московских мещан были очень неоднородны по своим правам и обязанностям, уровню доходов, образованию и социальному статусу.

В данной статье остановимся на тех категориях разночинцев, динамика браков с которыми была наиболее показательна с точки зрения происходивших в мещанской среде социокультурных процессов.

К таким категориям можно отнести профессиональные подгруппы (актеры, учителя, лекари). Вместе с канцелярскими служителями, не имеющими классного чина, они составляли элиту среди «разночинцев». Рост браков с представителями данных социальных групп отмечается со второй четверти XIX века. Наиболее заметно этот процесс прослеживается в Никитском сороке, где в 1821 году они составляли 2,7 % браков мещанок, в 1841 году — 3,7 %, в 1859 году — 4,2 %. Брачные союзы дочерей или вдов представителей интеллигенции с мещанами не зафиксированы, имели место весьма редкие случаи браков мещан с дочерьми канцеляристов.

Если профессиональные группы и канцеляристы составляли разночинную элиту, то социальными аутсайдерами в данной категории следует назвать группы, возникшие в результате рекрутских наборов. «Военное сословие» было важнейшим источником разночинцев в русских городах. Кроме собственно солдат и унтер-офицеров, оно включало кантонистов, пожарных, полицейских, мастеровых

военных команд, солдатских дочерей и вдов. Правовое положение и быт солдатских семей неоднократно привлекали внимание исследователей [1: с. 102–109; 2; 5–8]. Общим местом в работах, посвященных данной проблеме, является констатация тяжелого экономического и морального положения женщин, приписанных к «военному ведомству» — жен и дочерей солдат, а также бедности и неустроенности подавляющей части отставников. Несмотря на декламированные правовые преимущества, солдаты, вдовы-солдатки и солдатские дети занимали в социальной иерархии низовые позиции, как крайне слабая в экономическом отношении группа. [1: с. 103; 7: с. 338] Очевидно, что нижние чины и женщины, приписанные к военному ведомству, входили в брачный круг преимущественно малообеспеченного мещанства.

На протяжении большей части рассматриваемого периода доля таких браков составляла 3–5 % брачного круга. Исключение представляли мещанки Никитского сорока, у которых с конца первой четверти века фиксируется очень высокая доля браков с нижними чинами — 7–8 %. В конце 1850-х годов процент браков мещан с дочерьми и вдовами нижних чинов поднимается в обоих сороках. В 1859 году у мужчин в Замоскворечье он составил 8,03 %, в Никитском — 9,13 %, у женщин в Замоскворечье — 8,4 %, в Никитском — 7,24 %.

Отмеченный к середине XIX века рост может указывать на увеличение в составе московского мещанства малообеспеченной страты. Показательно, что в выборках за 1859 год также отмечен рост браков мещан с крепостными. Одновременно свою роль могло сыграть постепенное повышение удельного веса «военного сословия» в составе населения Москвы. В конце XVIII века военные составляли 4 % населения города, в 1834–1840 годах — 10,1 %, к 1871 году нижние чины, отставные, бессрочно отпускные солдаты и семейства нижних чинов в сумме составляли около 13 % населения города [4: с. 124–125].

Третья разночинная группа, динамика браков с которой весьма интересна, — иностранцы, а также исповедующие католицизм или протестантизм выходцы из Западных районов Российской империи.

Необходимо отметить, что до конца первой четверти XIX века данные метрических книг об иностранцах и иноверных, заключавших браки с православными, зачастую носили неполный и произвольный характер. Так, например, в метрике, как правило, указывалось вероисповедание иностранца, но иногда информация о нем отсутствует, страна происхождения иностранца или национальность фиксируются произвольно; для лиц, перешедших в российское подданство, как правило, отсутствует сословная идентификация. К середине века информация метрик становится более упорядоченной: за редким исключением мы всегда располагаем данными о подданстве иностранца, его конфессиональной принадлежности, а в случае иноверных подданных Российской империи, еще и сословию.

Основная часть межнациональных браков (15 из 20-ти) отмечается на территории Никитского сорока. Отчасти это связано с преимущественным рас-

селением в центральной части города выходцев из Западной Европы и единоверных с ними уроженцев западных районов империи.

Абсолютно преобладали браки православных мещанок с мужчинами-иноверцами. Ситуация, когда католичка или протестантка выходила замуж за православного мещанина, встречались крайне редко. Зафиксировано всего два таких брака. Один из них был заключен в 1801 году (Никитский сорок), второй в 1859 году (Замоскворецкий сорок). Отмеченные браки православных мещан с иностранками разделяют более полувека, что указывает на исключительную редкость данного явления. На маргинальный характер подобных браков указывают также особые обстоятельства, с которыми связано их заключение. В первом случае невеста, «дочь немца», отказывается от религии родителей и принимает православие. Во втором случае мещанин, женившийся на девушке-католичке, имел иностранные корни и, судя по отчеству, был православным в первом поколении.

Брачные союзы протестантов и католиков с православными мещанками встречались значительно чаще. Среди браков мещанок (с учетом цеховых женщин) отмечены четыре брака с католиками, шесть браков с протестантами, в четырех случаях вероисповедание супруга-иностранца неизвестно. Зафиксированы четыре брака русских мещанок с православными женихами других национальностей. Среди них были двое исповедующих православие иностранцев: «австрийский поданный» и «уроженец Ионических островов», а также два россиянина — грек, купеческий сын из города Таганрога, и «вольный человек» из Эстляндской губернии. Национальность мужа-иноверца указывается в источнике относительно редко. Среди мужей мещанок зафиксированы итальянец (1801 г.), «гамбургский уроженец» (1821 г.), француз (1859 г.). Браки московских мещанок с выходцами из Западных районов Российской империи учащаются к концу рассматриваемого периода. В выборках 1787–1813 годов такие брачные союзы не отмечены, в 1821 году был заключен брак русской мещанки с «польским подданным», в 1841 году — брак с ремесленником из Дерпта и мещанином из Риги, в 1859 году — браки с уроженцем Финляндии, дворянином из Волынской губернии. В 1859 году отмечены два брака представителей иноэтничного компонента мещанства: московский цеховой и московский мещанин, исповедующие лютеранство, женились на мещанках православного вероисповедания.

В Никитском сороке межэтнические браки русских мещанок фиксируются во всех выборках, кроме за 1787 и 1813 годы. В Замоскворецком сороке смешанные браки отмечаются в трех последних выборках, начиная с 1821 года. Больше всего межэтнических пар в Замоскворечье зафиксировано в 1859 году. Это можно расценивать как признак серьезных культурных сдвигов, протекавших в мещанском населении этой части Москвы. Мещанство Замоскворечья, тесно связанное с замоскворецким купечеством, должно было отличаться большим консерватизмом и традиционализмом, чем пестрое по своему социально-

му происхождению мещанство Никитского сорока. Увеличение браков мещанских дочерей с иноверцами свидетельствует о качественном росте контактов русского мещанского населения с протестантами и католиками.

На наш взгляд, динамика браков с разночинцами свидетельствует о нарастании к середине XIX века социального расслоения московского мещанства, усложнении его структуры, увеличении экономического и культурного разрыва между верхними и нижними слоями мещан.

Литература

1. *Виртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М.: Логос, 2002. 272 с.
2. *Карпущенко С.В.* Быт русской армии XVIII – начала XX века. М.: Воениздат, 1999. 364 с.
3. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
4. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 351 с.
5. *Щербинин П.П.* Российская солдатка: опыт реконструкции повседневной жизни в период войн России XIX – начала XX в. // Клио. 2003. № 2. С. 241–250.
6. *Щербинин П.П.* Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII – начале XX в. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2004. С. 381–399.
7. *Щербинин П.П.* «Соломенная вдова»: права и жизнь российской солдатки // Семейные узы: модели для сборки: сб. ст. / Сост. и ред. С. Ушакин. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 335–359.
8. *Щербинин П.П.* Правовой статус солдатских жен в Российской империи в XIX в. // Вестник Тамбовского университета. 2009. Институт права. Ч. 1. С. 230–238.

References

1. *Virtshafter E'.K.* Social'ny'e struktury': raznochinczy' v Rossijskoj imperii. M.: Logos, 2002. 272 s.
2. *Karpushhenko S.V.* By't russkoj armii XVIII – nachala XX veka. M.: Voenizdat, 1999. 364 s.
3. *Mironov B.N.* Russkij gorod v 1740–1860-e gody': Demograficheskoe, social'noe i e'konomicheskoe razvitie. L.: Nauka, 1990. 272 s.
4. *Rashin A.G.* Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.). Statisticheskie ocherki. M.: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1956. 351 s.
5. *Shherbinin P.P.* Rossijskaya soldatka: opy't rekonstrukcii povsednevnoj zhizni v period vojn Rossii XIX – nachala XX v. // Klio. 2003. № 2. S. 241–250.
6. *Shherbinin P.P.* Osobennosti prizreniya uvechny'x voinov v Rossii v XVIII – nachale XX v. // Voenno-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2003/2004. Novy'e nauchny'e napravleniya. M.: ROSSPE'N, 2004. S. 381–399.

7. *Shherbinin P.P.* «Solomennaya vdova»: prava i zhizn' rossijskoj soldatki // *Semejny'e uzy'*: modeli dlya sborki: sb. st. / Sost. i red. S. Ushakin. Kn. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. S. 335–359.

8. *Shherbinin P.P.* Pravovoj status soldatskix zhen v Rossijskoj imperii v XIX v. // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2009. Institut prava. Ch. 1. S. 230–238.

A.A. Platonova

**Marriages between the Moscow petty bourgeois
and «raznochincy» in first half XIX century**

The statistical research of marriages of the Moscow petty bourgeois and social group «raznochincy» in first half XIX century are considered in the article. The research was performed on the data of metric books.

Keywords: marriages; petty bourgeois; «raznochincy».

В.А. Исаков

Революционный заговор социалистов в России: генезис, суть, последствия

В статье рассматриваются причины тяготения части революционеров-социалистов к заговорщической деятельности во второй половине XIX века. Феномен рассматривается на фоне международного контекста эпохи и последующего развития как в России, так и за рубежом. Впервые дается авторское определение понятия «заговор», выявляются и рассматриваются внутренние проблемы заговорщичества.

Ключевые слова: заговор; революция; социалисты; тайное общество.

Непростое современное состояние России заставляет пристально вглядываться в наше так же предельно простое и относительно недавнее прошлое, одним из компонентов которого была активная общественная мысль, выразившаяся прежде всего в разработке различных вариантов развития страны, в том числе и через осуществление революционного заговора с целью утверждения в ней социалистического уклада. Начало процесса следует отнести к середине 1840-х годов.

Россия после восстания декабристов на некоторое время, казалось, впала в спячку. Но нерешенные проблемы неизбежно будоражили умы, и даже мощная полицейская система Николая I не могла остановить процесс сомнений, критики и попыток действовать практически. В.М. Бокова обоснованно утверждает, что «и радикальные настроения, и популярность идеи тайного общества в начале николаевского царствования продолжали быть налицо» [2: с. 591]. Более того, «тайные общества несомненно эволюционировали в сторону тайной организации, основанной на принципах иерархичности, централизации и дисциплины» [2: с. 610].

Растущая количественно, в соответствии с запросами эпохи, разночинная прослойка была активным участником этого процесса, как и те, кого традиционно причисляли к дворянам. Поиск выражался в разных формах. Те же, кто в 1830-е годы, и особенно в 1840-е, знакомился с идеями социализма, начинали увязывать решение российских проблем с реализацией в России нового учения. Большинство увлекшихся социализмом тяготели к мирным способам его внедрения. Но очевидная длительность этого процесса, как и очевидные пороки российской жизни, заставляла искать иные пути.

В России концепция революционного заговора в 1840-е – начале 1880-х годов складывалась как составляющая идеологии радикальных социалистов, на-

меренных разрешить коренные проблемы социально-политического и экономического развития страны путем заговорщической деятельности, которая должна была явиться отправной точкой в деле революции и революционного переустройства общества. Независимо от различий в решении целого комплекса проблем и прежде всего отношения к народным массам, деятели освободительного движения (анархисты, пропагандисты, якобинцы), при теоретической разработке средств борьбы с самодержавием, почти всегда выходили на идею подпольной борьбы силами тайного общества для финального успеха в революции, то есть выходили на идею заговора, даже если не употреблялось само понятие («заговорщиками» обычно их квалифицировала власть, обыватели). Идея оправдывалась ими как неизбежная в условиях противостояния с централизованной самодержавной системой и во многом моделировалась и задавалась этой системой, не оставлявшей никаких возможностей продуктивной легальной борьбы. Таким образом, в этот исторический период под заговором следует понимать подпольную деятельность тайного общества революционеров-социалистов, реализующего свою программу борьбы с самодержавием и доводящего дело до победы над ним и утверждения в стране социализма. Расхождения в понимании назначения и формулы заговора были очень значительными: от принципов построения общества — централизованного или федеративного, от отношения к народу — революция осуществляется его силами или подготовленным меньшинством, до характера власти после свержения самодержавия — будет ли она народным представительством или диктатурой этого же меньшинства. Разным было отношение и к ряду других проблем, в частности, к роли террора, способам и значению пропаганды, к возможным союзникам. В исторической литературе заговорщиками чаще всего называют сторонников захвата власти и последующего ее отправления революционной организацией через диктатуру. Такой подход суживает, с нашей точки зрения, возможный спектр вариаций заговора.

Российские заговорщики — социалисты — продолжили революционную заговорщическую традицию предшествующих поколений, и отечественных, и европейских. Самое заметное различие между ними состояло в конечной цели. Если декабристы стремились уничтожить крепостное право, ликвидировать или существенно ограничить монархическую власть, польские деятели, карбонарии, а позднее Мадзини в Италии ставили целью создание единого независимого национального государства, французские заговорщики 1830–1840-х годов в основном боролись с монархией за установление республики, то российские социалисты, решившие бороться с властью революционным путем, мечтали о социалистическом переустройстве общества. Их предшественником был прежде всего Грахх Бабеф, пытавшийся через «Заговор равных» в самом конце XVIII столетия реализовать многовековую мечту о социальной справедливости. Примером для подражания мог стать, и в определенный момент отчасти стал (но к тому времени российское заговорничество самостоятельно, по крайней мере в тео-

рии, уже состоялось), Луи Огюст Бланки, который, пройдя несколько предшествующих стадий заговорщичества (бонапартист, республиканец), уже к началу 1830-х годов пришел к идее соединить заговор с социалистической целью.

В свою очередь, революционное заговорщичество в Европе развивалось, отталкиваясь от различных примеров предшествующей истории. Массонство, корпоративные движения, дворцовые перевороты, религиозные секты, ереси — все это различными своими признаками составляло опыт революционеров первой половины XIX века. Российская история также давала пищу для размышлений в соответствующем ключе. Она, как, впрочем, и во многих других странах, изобиловала примерами придворной борьбы, доходившей нередко до уровня переворотов и, что особенно важно, завершавшихся успехом. Особенность российской ситуации заключалась в том, что эта тенденция не угасала, а в силу сохраняющейся недемократичности политической системы перекочевала в Новое и Новейшее время, в то время как в Западной Европе утверждались постепенно демократические порядки, хотя рецидивы переворотов были, например переворот Наполеона III. Общественное сознание в России традиционно приписывало верховной власти огромные, почти беспредельные созидательные возможности, и нередко историческая практика подтверждала это. Таким или почти таким было впечатление от деяний Петра Великого. Во многом это обстоятельство объясняет стремление революционеров ударить именно по политическому центру, чтобы разрушить его и наделить затем такими же масштабными властными полномочиями Народное собрание или диктатуру.

В российской истории были примеры и революционного заговорщичества, прежде всего декабристское движение. Присутствовали, как пишет В.М. Бок ова, и многочисленные примеры различных по характеру, общественных объединений, в том числе и тайных, имевших политический характер [2: с. 557–610, 620–623]. И.А. Федосов, автор другой работы, посвященной близким сюжетам, писал, что разгром декабризма означал крах его «тактических принципов — узкого заговора, опирающегося на армию», «для нового поколения борцов становилось более или менее очевидной необходимостью поисков новой тактики борьбы... новых организационных форм, новой силы» [11: с. 46].

Расширяя предложенное выше определение заговора, можно утверждать, что независимо от целей любой заговор может быть определен как подготовка и осуществление тайной организацией или группой лиц комплекса действий (чаще всего насильственных) для последующей реализации своей стратегической цели: обеспечения успеха личным или корпоративным интересам, смены власти, установления республики, национального государства или общества социальной справедливости. Соответственно концепция заговорщиков-социалистов строилась исходя из задачи воплотить социалистические идеалы через государственный переворот или революцию. Но, раз решившись на насилие во имя этих идеалов, они неизбежно должны были пройти дорогой предшест-

венников: создать организацию, способную эффективно действовать в подполье, а это предполагало решение проблемы ее типа и структуры. Наиболее подходящим был вариант централизованного, иерархически выстроенного, дисциплинированного, достаточно немногочисленного союза единомышленников. Теоретически оставался вариант федеративного устройства подпольного общества, но практика отменяла его как неподходящий. Другой проблемой заговорщиков, вытекающей из предыдущей, была взаимосвязь характера общества, конечной цели и практических способов борьбы. Гуманистические установки заговорщиков-социалистов входили в противоречие с насилием как способом борьбы. Оправдание они находили в невозможности действовать иначе, в деспотизме власти и высокой цели. Деспотизм же, как и характер государственной власти в целом (иерархической, необъятной, сверхцентрализованной, претендующей на роль всеобщего патрона, с огромным мобилизационным ресурсом, с практикой преобразований, с непримиримостью к оппонентам и с насилием как основой внутренней политики), неизбежно задавал направление идейных поисков радикальных социалистов.

Повышенное внимание революционно настроенных деятелей к идее заговора заметно в переходные исторические периоды, длящиеся иногда десятилетия. В России заговор декабристов высветил две основные проблемы, составляющие суть длительного кризисного состояния и требующие разрешения: ликвидация крепостного права и самодержавия. Со второй половины 1840-х годов частью петрашевцев было предложено не просто их социалистическое решение, но революционно-социалистическое. Последующие идейные искания в этом плане стимулировались прежде всего объективным обстоятельством — нерешенностью или частичным решением названных проблем. В итоге почти четырех десятилетий идейных исканий концепция заговора была разработана, проявившись наиболее полно у Ткачева и в народовольчестве. Она содержала три основных элемента: тайное общество, подготовка акта насилия, реализация стратегической цели. Теоретическая мысль должна была решить и в основном решила несколько органически связанных с этим проблем: характер революционного переворота, роль народа на этапе подготовки акта насилия, во время и после его совершения, отношение к овладению политической властью и ее постреволюционный характер.

На решение этих проблем оказывали значительное влияние социальный состав и возраст участников борьбы, в подавляющем большинстве молодых разночинцев, в то время как среди карбонариев, сторонников Мадзини, Бланки, находились выходцы из разных социальных слоев и разных возрастных групп. Характеристики российских революционеров предопределяли во многом радикализм установок. Молодежи в целом не свойственны были терпеливая подготовка, теоретические нюансы. Она жаждала деятельности и готова была принести себя в жертву ради высокой цели — счастья народа. Все это не могло не отражаться в творчестве идеологов революционного движения.

Характеристики самодержавной России, вызвавшие к жизни в революционном движении заговорщичество, сохранялись достаточно долго. Затяжная недемократичность российской политической системы, имевшая объективные объяснения, ее корневые традиции отразились после 1917 года и в советской истории. Исследования последнего времени о военном коммунизме, основах политической системы СССР после Октябрьской революции 1917 года вновь и вновь доказывают потребность в осознании предыстории явления. И.А. Павлова пишет, что в большевистской партии «уже с самого начала имелись основания для последующего перерождения. Это не только черты, делавшие ее партией нового типа, — конспиративность, жесткая централизация, идеологическая нетерпимость. Это прежде всего — цель, сформулированная для партии В.И. Лениным в апреле 1917 года: захват государственной власти и последующее строительство социалистического общества, что в России неизбежно означало насаждение “социализма” традиционным российским способом — “сверху”, путем насилия. Все это гигантски увеличивало роль и значение верховной власти в обществе» [6: с. 49]. Л.А. Коган оправданно утверждает, что «культ власти как якобы самостоятельной панацеи, тенденции к подмене демократии олигархией и охлократией, тяга к безудержному чиновному администрированию, силовому решению проблем, рецидивы ксенофобии, культивирование образа “врага”, неприятие “чужих”, привычная готовность к гражданской войне, этический релятивизм (цель оправдывает средства), нигилизм по отношению к духовной культуре, вытеснение естественного отбора кадров искусственным, произвольно-волюнтаристским подбором их “сверху”, бесчисленные аналоги бывших директив и декретов — все это в определенной мере завещано нам “военно-коммунистическим” прошлым» [5: с. 133]. Добавим, что в значительной мере именно так и представляли себе постреволюционное развитие сторонники заговорщической методы.

Отметим, что такая точка зрения категорически отвергалась сторонниками Ленина и Троцкого. В частности, Виктор Серж, приверженец последнего, писал, что «большевистский заговор был буквально вынесен колоссальной поднимающейся волной», и в результате большевики наиболее полно выражали «устремления активных масс». Эта тема достаточно спорная и в отечественной, и в западной историографии [25: с. 77–78].

Альфред Росмер, симпатизирующий большевикам, писал, что работа В.И. Ленина «Государство и революция» вызвала бурную реакцию. «Это не марксизм, — кричали одни, — это смесь анархизма и бланкизма — бланкизма под татарским соусом... В то же время этот бланкизм... был для революционеров, стоящих вне влияния ортодоксального марксизма, синдикалистов и анархистов, приятным открытием». В бланкизме обвинил В.И. Ленина и К. Каутский [24: с. 71–72, 88]. Но постоянной была и защита В.И. Ленина европейскими левыми авторами от упреков его в бланкизме, в диктаторстве [21: с. 118, 142]. Помимо обобщающих характеристик делались и конкретные уточнения и оценки. Так, М. Левин писал

о последствиях Октябрьской революции: «Захват политической власти в отсутствие соответствующей инфраструктуры, диктатура пролетариата почти без пролетариата, захваченная одной партией, в глубине которой он был в меньшинстве... всемогущество огромной бюрократической государственной машины... Бюрократия стала социальной базой власти» [22: с. 112, 127]. Таким образом, проблема расширяется. Эта историографическая тенденция отразилась во многих работах о характере социалистических режимов. Например, у Жюль Мартина и Ива Бюде [17: с. 11, 47, 86; 23: с. 12, 23, 25]. Ведущей идеей была та, что базировалась на утверждении о диктаторском, авторитарном характере коммунизма В.И. Ленина, черпавшем свои идеи прежде всего у Ткачева. Такой подход не был изобретением западных коллег, а привнесен эмигрантами из России. В частности об этом писал в своей достаточно известной работе Давид Шуб [26: с. 10].

При очевидном родстве явлений Октябрьский переворот 1917 года имеет и значительные отличия от концепции заговора, сложившейся окончательно к рубежу 1870–1880-х годов. Думается, это должно стать темой специального исследования. Пока же нередко это родство принимается как само собой разумеющееся и не требующее доказательств. Так, например, А.Н. Худолиев пишет, что автор настоящей статьи не затронул «важный для тех лет (1920-х. — *В.И.*) вопрос преемственности между теорией Ткачева и большевизмом» [13: с. 16]. Иными словами, эта преемственность практически априори не подвергается сомнению.

Советскому периоду также была присуща политическая борьба на уровне верхушки — партийные перевороты. Эта проблематика находит отражение в исследовательской литературе. А.В. Шубин полагает, что «Сталин имел основания опасаться заговора» [15: с. 372], а в целом «ситуация 30-х годов могла поставить перед системой две основные задачи: устранение элиты, саботирующей преобразования и представляющей потенциальную угрозу для системы, или (и) разгром реально складывающегося заговора с целью устранить вождя и изменить курс» [15: с. 6].

С учетом того обстоятельства, что в этот период в строительстве советского государства отразились предыдущие теоретические наработки, значимость темы повышается и в прикладном значении. Более того, невозможность быстро пройти период освоения демократического уклада жизни реанимирует проблему. Схемы заговорщичества применимы и к действительности последних десятилетий. Как справедливо пишут В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, «то ослабевая, то вновь усиливаясь, заговорщическая тенденция не ушла из движения даже в его пролетарский период. Более того, вера в возможность декретировать «сверху» новые социальные порядки, решать судьбы народа за его спиной — эти постулаты «заговорщичества» отчетливо проявились и в период господства сталинизма. Тема бланкизма, таким образом, давала пищу для размышлений отнюдь не только в 1860–1870-х годах XIX века в России» [7: с. 8]. Добавим, что этот вывод касается и новейшей истории России. В качестве примера можно привести события августа 1991 года.

Исследование процесса формирования российской концепции заговора может помочь в изучении подобных ей явлений. Европейская история XIX века изобиловала примерами заговорщичества в итальянских государствах, Франции, Польше, Испании, некоторых других странах. Как пишет Р. Блюм, «в тех странах, где еще велась борьба против феодализма, где завершались процессы буржуазных преобразований, где решались задачи национально-освободительной борьбы, политическая революционность находила новые импульсы, и именно в этих странах выдвигались радикальные революционные теории, продолжавшие традиции якобинства. Вообще якобинские идеи вдохновляли многих буржуазных революционеров на протяжении почти всего XIX века» [1: с. 68–69]. Близкий подход содержится в работе американского автора Э. Глиссона, по мнению которого тип русского радикализма напоминает тайные общества Европы периода Реставрации и соотносится с деятельностью крайне левых в нынешней Америке [20: с. 383]. Отметим также, что присутствие «богемных настроений», «ультралевых идей», тяготение к экстремистским акциям среди определенных слоев в развитых странах создают почву для заговорщичества. Об этом убедительно пишет Ю.Н. Давыдов, указывая на то, что в истории это почти «всеобщий тип» «богемной революционности» [3: с. 29–36].

Наличие в современном мире движений, течений, некоторые характеристики которых близки русской концепции заговора, подтверждает необходимость изучения предыстории явления. Успешное овладение властью инсургентами или заговорщиками с радикальными, а нередко социалистическими лозунгами, например на Кубе, в Ливии; теория революционного очага в Латинской Америке; специфика военного менталитета, проявляемая в переворотах, — все это настоятельные доводы в пользу тщательного исследования предшествующей истории. Наличие комплексов обстоятельств, схожих с российскими в 1840–1880-е годы: переходный характер эпохи, недемократичность системы, репрессивность ее, ломка традиционной социальной структуры, непоследовательность реформ, низкий уровень жизни граждан — усиливают необходимость изучения. Можно согласиться с мнением Б.М. Шахматова о том, что «интерес к Бланки и бланкизму (как наиболее последовательному варианту заговорщичества. — *В.И.*) не может иссякнуть до тех пор, пока в мире существуют такие социальные и идеологические условия, при которых для решения назревших революционных задач могут быть предложены бланкистские политические программы» [12: с. 83–84, 111; 14: с. 57].

Анализируя развитие революционного процесса в Латинской Америке в основном после Второй мировой войны, Режи Дебре подробно останавливается на теории революционного очага, и, хотя пытается доказать, что она не имеет ничего общего с бланкизмом, то есть с классическим заговорщичеством, приведенные им же факты опровергают этот подход. Он цитирует Че Гевару, который писал, что «не всегда надо ждать, чтобы были выполнены все ус-

ловия для революции. Их может создать повстанческий очаг, то есть постоянно действующее революционное меньшинство» [18: с. 13].

После Второй мировой войны наблюдалась значительная «активная политическая деятельность военных, их участие в определении послевоенного устройства стран Латинской Америки», — пишет А.Ф. Шульговский. Нередко ими ставились и социально-реформаторские цели, в основе чего лежала оценка армии как самодостаточной силы [16: с. 26, 49]. Переворот, осуществленный ливийскими офицерами в 1969 году после нескольких лет подготовки под лозунгом «Свобода, социализм, единство», по основным своим характеристикам совпадает с классическим заговором. Спецификой его было абсолютное преобладание в рядах заговорщиков именно военных и сопряженность основных лозунгов с исламом [14: с. 14–31].

Подтверждением этому является факт продолжающейся теоретической разработки различных вариантов борьбы, в том числе конспиративных и террористических. Примечательно, что нередко авторы, в частности Клод Дельма, исходят из исторического опыта России, где «коммунизм взял власть посредством государственного переворота», опыта Алжира, где маленькая группа, начавшая восстание в 1954 году, пробудила массы, а затем их «отсекла от европейского меньшинства систематическим использованием террора». Разрабатывается философия террора, применение его в городах и сельской местности [19: с. 72, 86, 77, 87, 82].

Не останавливаясь подробно на историографии (историографический аспект темы освещен в монографии Н.А. Тюкачева [9] и докторской диссертации А.Н. Худолиева [13]), отметим все же два связанных с ней момента, усиливающих актуальность темы. Во-первых, может показаться, что частое употребление понятия «заговор» (вариант — заговорщически-террористическое направление) означает изученность теоретической стороны явления — концепции заговора. Но на сегодняшний день, кроме десятистраничного раздела в книге С.С. Волка от 1966 года о заговоре (и теории, и практике), есть только незначительные фрагменты в отдельных работах. Несмотря на неоднократное приближение к теме в историографии, она комплексно не ставилась. Обращение к отдельным сторонам заговорщичества Ткачева, Огарева, ишутинцев, народовольцев происходило не в рамках одной системы координат, а изолированно, без связи одного объекта с другими. Более того, о каждом явлении заговорщичества говорилось в общем событийном контексте, и чаще всего все сводилось к пересказыванию соответствующих программных положений того или иного деятеля или организации.

Во-вторых, необходимость в изучении настоящей темы заключается также в том, что проявившаяся с недавних пор историографическая тенденция, воскрешающая охранительные подходы, дезориентирует общественное мнение, сводя сложный комплекс причин, вызывающих революционное движение, к специфическим характеристикам российской интеллигенции или

ошибочности цели. На эту историографическую ситуацию следующим образом отозвался С.В. Тютюкин: «Создается впечатление, что нас хотят убедить в том, что любое радикальное движение, выходящее за рамки чисто эволюционные, всего лишь утопия. Но так ли это?» [10: с. 149–150]. Несколько ранее Н.А. Троицкий высказался в том же ключе: «Любой исследователь должен знать, что нет абсолютного зла. Разве могла Французская революция победить без якобинского террора?» [8: с. 186]. Кровь, пролитая властью, насилия, совершаемые ею, медлительность в принятии важных решений, вопиющая социальная несправедливость в подобной трактовке оказываются в российской истории незначительными явлениями и даже просто не принимаются в расчет. Все внимание уделено беллетризованному образу кровожадного негодяя-революционера, попирающего нормы морали. Думается, исходный пункт для осуществления властью продуктивной, динамичной политики — объективные знания о стране, в том числе и понимание исторической многомерности. Промедление с нужными реформами, пренебрежение к социальным вопросам, имитация активности в этой сфере влекут возрождение революционного движения, почва для которого — нищета большей части населения. Поэтому не позиция ублажения общественного мнения и потакания власти, а позиция исторической правды оказывается действительно необходимой для демократической эволюции России. Поэтому анализ теории заговора, как одного из вариантов революционного движения, к тому же наиболее последовательного и наступательного, представляется особенно настоящим, потому что очевидна предпочтительность динамичного эволюционного варианта. Глубокое и объективное знание заговорщичества как исторического феномена позволяет избежать его или минимизировать.

Литература

1. *Блум Рэм.* Поиски путей к свободе. Проблема революции в немарксистской общественной мысли XIX века. Таллин: Ээсти раамат, 1985. 240 с.
2. *Бокова В.М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-пресс, 2003. 656 с.
3. *Давыдов Ю.Н.* Эстетика нигилизма. М.: Искусство, 1975. 271 с.
4. *Егорин А.З.* Ливийская революция. М.: Наука, 1989. 307 с.
5. *Коган Л.А.* Военный коммунизм: утопия и реальность // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 122–135.
6. *Павлова И.В.* Механизмы политической власти в СССР в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 49–66.
7. *Твардовская В.А., Итенберг Б.С.* За изучением революционного движения в России (к столетию со дня рождения Б.П. Козьмина) // Революционеры и либералы в России. М.: Наука, 1990. 366 с.
8. *Троицкий Н.А.* Дилетантизм профессионалов (письмо в редакцию журнала «Родина») // Освободительное движение в России. Вып. 16. Саратов, 1997. С. 184–188.

9. *Тюкачев Н.А.* Отечественная историография революционного народнического движения 1860–1880-х гг. Брянск: БГУ им. И.Г. Петровского, 2010. 303 с.
10. *Тютюкин С.В.* От декабризма до посткоммунизма // Отечественная история. 2002. № 6. С. 148–154.
11. *Федосов И.А.* Революционное движение в России во второй четверти XIX в. (Революционные организации и кружки). М.: Соцэкгиз, 1958. 415 с.
12. *Хорос В.Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М.: Наука, 1980. 286 с.
13. *Худолиев А.Н.* Революционная теория П.Н. Ткачева и его роль в русском освободительном движении (историографический аспект): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2012. 39 с.
14. *Шахматов Б.М.* Л.О. Бланки и революционная Россия (отзывы, влияния, связи) // Французский ежегодник. М., 1981. С. 56–69.
15. *Шубин А.В.* Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004. 311 с.
16. *Шульговский А.Ф.* Армия и политика в Латинской Америке. М.: Наука, 1979. 556 с.
17. *Boudet Yvon, Alain Guillerm.* L'autogestion. Paris: Sechers, 1977. 288 p.
18. *Debray Régis.* Révolution dans la révolution. Paris: Francois Maspero, 1972. 219 p.
19. *Delmas Claude.* La guerre révolutionnaire. Paris: Presse universitaire de France, 1965. 127 p.
20. *Gleason.* A young Russia. The Genesis of russian Radicalism in 1860s. N.Y.: The Viking Press, 1980. 437 p.
21. *Gourfinkel Nina.* Lénine. Paris: Edition du Seuil, 1968. 192 p.
22. *Lewin Moshe.* Le dernier combat de Lénine. Paris: Edition de Minuit, 1967. 352 p.
23. *Martinet Gilles.* Les cinq communismes. Paris: Edition du Seuil, 1979. 253 p.
24. *Rosmer Alfred.* Moscou sous Lénine. Volume 1. 1920. Paris: Francois Maspero, 1970. 191 p.
25. *Serge Victor.* L'an premier de la révolution russe. Volume 3. Paris: Francois Maspero, 1970. 151 p.
26. *Shub David.* Lénine. Paris, 1972. 350 p.

References

1. *Blyum Re'm.* Poiski putej k svobode. Problema revolyucii v nemarksistskoj obshhestvennoj my'sli XIX veka. Tallin: E'e'sti raamat, 1985. 240 s.
2. *Bokova V.M.* E'poxa tajny'x obshhestv. Russkie obshhestvenny'e ob'edineniya pervoj treti XIX v. M.: Realiipress, 2003. 656 s.
3. *Davy'dov Yu.N.* E'stetika nigilizma. M.: Iskusstvo, 1975. 271 s.
4. *Egorin A.Z.* Livijskaya revolyuciya. M.: Nauka, 1989. 307 s.
5. *Kogan L.A.* Voenny'j kommunizm: utopiya i real'nost' // Voprosy' istorii. 1998. № 2. S. 122–135.
6. *Pavlova I.V.* Mexanizmy' politicheskoy vlasti v SSSR v 20–30-e gody' // Voprosy' istorii. 1998. № 11–12. S. 49–66.
7. *Tvardovskaya V.A., Itenberg B.S.* Za izucheniem revolyucionnogo dvizheniya v Rossii (k stoletiyu so dnya rozhdeniya B.P. Koz'mina) // Revolyucionery' i liberaly' v Rossii. M.: Nauka, 1990. 366 s.

8. *Troiczkiy N.A.* Diletantizm professionalov (pis'mo v redakciyu zhurnala «Rodina») // *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii*. Vy'p. 16. Saratov, 1997. S. 184–188.
9. *Tyukachev N.A.* Otechestvennaya istoriografiya revolyucionnogo narodnicheskogo dvizheniya 1860–1880-x gg. Bryansk: BGU im. I.G. Petrovskogo, 2010. 303 s.
10. *Tyutyukin S.V.* Ot dekabrizma do postkommunizma // *Otechestvennaya istoriya*. 2002. № 6. S. 148–154.
11. *Fedosov I.A.* Revolyucionnoe dvizhenie v Rossii vo vtoroj chetverti XIX v. (Revolucionny'e organizacii i kruzhki). M.: Soce'kgiz, 1958. 415 s.
12. *Xoros V.G.* Idejny'e techeniya narodnicheskogo tipa v razvivayushhixsya stranax. M.: Nauka, 1980. 286 s.
13. *Xudoliev A.N.* Revolyucionnaya teoriya P.N. Tkacheva i ego rol' v russkom osvoboditel'nom dvizhenii (istoriograficheskij aspekt): avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. Kemerovo, 2012. 39 s.
14. *Shaxmatov B.M.* L.O. Blanki i revolyucionnaya Rossiya (otzy'vy', vliyaniya, svyazi) // *Francuzskij ezhegodnik*. M., 1981. S. 56–69.
15. *Shubin A.V.* Vozhdi i zagovorshhiki. M.: Veche, 2004. 311 s.
16. *Shul'govskij A.F.* Armiya i politika v Latinskoj Amerike. M.: Nauka, 1979. 556 s.

V.A. Isakov

The Revolutionary Socialist Conspiracy in Russia: Origin, Essence, Consequences

The article shows the reasons of inclination of radical revolutionaries to the conspiratorial activity in the second part of XIX century. The phenomenon is considered against the international background. For the first time the author's definition of conspiracy is given. The internal problems of conspiracy are identified and considered.

Keywords: conspiracy; revolution; socialist; a secret society.

М.Е. Набокина

Структурные и организационные особенности Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва

Статья посвящена особенностям организации и внутренней структуры Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва. В данной работе исследуются особенности периода становления МРФО, основной состав участников, нормативная база, особенности управления и специфика межличностных взаимоотношений исследуемого объединения.

Ключевые слова: Московское религиозно-философское общество; интеллигенция; интеллектуальная история.

Межреволюционный период истории России (1905–1917 гг.) для отечественной интеллигенции стал временем интенсивного духовного и интеллектуального поиска возможных путей развития Отечества, что нашло воплощение в создании различных общественных проектов, направленных на разработку моделей культурного, политического и экономического преобразования российского общества. Одной из организационных форм объединения российской интеллигенции рассматриваемого периода стали религиозно-философские общества (РФО), появившиеся «в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Харькове, Тифлисе и Рыбинске» [9: с. 89]. В современной историографии высказано мнение, согласно которому Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва (МРФО) — «одно из самых масштабных идейных предприятий» [7: с. 3] в российской дореволюционной истории. В этой связи целью данной работы стало выявление структурных и организационных особенностей МРФО, имевших непосредственное значение для реализации его деятельности.

Реконструировать полный список участников МРФО не представляется возможным в силу отсутствия необходимого комплекса делопроизводственных источников. Особую сложность для исследователя представляет отсутствие протоколов заседаний Общества и стенографических отчетов. Существуют сведения, согласно которым при Обществе планировалось издание журнала «Соловьёвский Вестник», в котором помимо публицистических статей публиковались бы и отчеты Общества, однако этим планам не суждено было

сбыться, по-видимому по причине отказа И.Д. Сытина, к которому С.Н. Булгаков обратился с этим предложением [5: с. 111]. Вместе с тем представляется возможным установить основной круг докладчиков Московского религиозно-философского общества. В этой связи надо отдать должное современному специалисту в области отечественной философии А.В. Соболеву, который составил список докладов, прочитанных в Московском религиозно-философском обществе [11: с. 108–111]. Эту значительную работу исследователю удалось проделать благодаря тому, что в публикациях ряда статей участники рассматриваемого предприятия делали примечания о том, что данный доклад прочитан на заседании Московского религиозно-философского общества. Необходимо учитывать, что данное обстоятельство не позволяет установить точное количество членов Общества, поскольку его устав допускал выступления людей приглашенных (ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 1), однако дает возможность выявить по количеству выступлений наиболее активных участников заседаний. Среди них: С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн, В.И. Иванов, В.П. Свенцицкий, С.Н. Дурылин. Кроме того, представляется возможным реконструировать список выступавших с докладами периодически, а следовательно, являвшихся участниками заседаний Общества и, вероятно, его членами [11: с. 108–111].

Устав Общества от 5 ноября 1905 года утверждал в его составе четыре категории членов: почетные, действительные, члены-учредители и члены-кандидаты. Почетные члены, известные своей религиозно-философской деятельностью, приглашались учредителями. Члены-учредители считались в то же время действительными членами. Войти в состав действительных членов могли также члены-кандидаты. Для этого им необходимо было предварительно заручиться рекомендацией двух действительных членов и набрать две трети голосов. Стать членами-кандидатами можно было всем желающим путем избрания большинством голосов почетных и действительных членов. Общество имело свой Совет, обладавший следующими функциями: рассмотрение докладов, решение финансовых вопросов, осуществление издательской деятельности. Совет состоял из председателя, товарища председателя, пяти членов Совета и секретаря. Председатель и его товарищ избирались на закрытом заседании сроком на один год абсолютным большинством голосов почетных и действительных членов. На заседания Совета могли быть приглашены с правом совещательного голоса другие члены Общества и даже посторонние лица. В сферу основных административных обязанностей Совета входило распоряжение финансами и управление книгоиздательством. Устав основными формами работы Общества утверждал проведение закрытых, открытых и публичных заседаний, в уставе декларировалось издание книг, был заложен пункт, по которому намечалось создание библиотеки-читальни. Устав также фиксировал несколько источников финансирования Общества: членские взносы (три рубля в год), добровольные пожертвования, доходы от книгоиз-

дательства, сборы с платных лекций (ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 1–2). Любопытно отметить, что устав возникшего несколько позже Петербургского религиозно-философского общества ничем принципиально не отличался по своим положениям от Московского, разве что членские взносы в Петербурге были больше на два рубля.

Устав регламентировал проведение закрытых заседаний для решения управленческих вопросов почетными и действительными членами. Открытыми заседаниями назывались собрания всего коллектива Общества, на которых Совет не менее одного раза в год должен был отчитаться о проделанной работе. В отличие от закрытых заседаний, публичные проводились для непосредственной реализации деятельности Общества (ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 1). Они проходили, как правило, по воскресениям, вечером, в диалогах между участниками именуясь «соловьёвскими вечерами». Перед заседаниями могла проходить предварительная читка докладов, однако это не было обязательным условием, более того, выступавшие могли не иметь при себе готового написанного текста речи (РГАЛИ. Ф. 427. Ед.хр. 2689. Л. 5), хотя, исходя из устава, каждый доклад должен был предварительно рассматриваться Советом (ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 3. Ед. хр. 77. Л. 2).

По воспоминаниям основного спонсора МРФО М.К. Морозовой, в Московском психологическом обществе докладчиком мог быть только уже признанный ученый [6: с. 104]. Таким образом, для Московского религиозно-философского общества не был характерен строгий формализм. Вероятно, иногда его действия могли незначительно расходиться с уставными положениями, Совет мог принять решение о предоставлении слова без наличия письменной работы.

Первым упоминанием о Московском религиозно-философском обществе в периодической печати стала небольшая заметка, в которой сообщалось о появлении Общества 4-го мая 1905 года [8: с. 15]. После открытия Общества Григорий Алексеевич Рачинский (религиозный публицист и переводчик) был избран его председателем, а Сергей Николаевич Булгаков (религиозный философ, публицист, общественный деятель) — товарищем председателя, однако А. Белый отмечал: «...общество это и есть Булгаков» [1: с. 340], поэт оценивал Сергея Николаевича как своеобразного «серого кардинала», фактически с момента образования Общества взявшего руководство им в свои руки. Г.А. Рачинского же поэт вспоминал всего лишь как «фразера» [1: с. 340]. Председатель Общества мог посещать заседания нерегулярно, и в случае его отсутствия товарищ председателя впоследствии сообщал о результатах проведения мероприятия в свободной неформальной форме. В частности, С.Н. Булгаков описывал свои впечатления от заседания в письме Г.А. Рачинскому, где оценивал выступления Н.А. Бердяева и В.Ф. Эрн как весьма интересные, однако замечал, что В.Ф. Эрн был малопонятен, а Н.А. Бердяев — слишком многословен (РГАЛИ. Ф. 427. Ед. хр. 2689. Л. 5).

Как сообщала газета «Народ», членами-учредителями Московского религиозно-философского общества стали: С.Н. Булгаков, Г.А. Рачинский, В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий, А.В. Ельчанинов, С.А. Котляревский, Л.М. Лопатин и П.П. Поспелов [8: с. 15]. К сожалению, на основе имеющегося корпуса источников не представляется возможным выявить ничего более относительно других категорий членов Общества. Регламент выхода проследить сложно, однако известен факт исключения В.П. Свенцицкого в 1908 году за антигосударственную публицистику. Основным спонсором данного Общества была Маргарита Кирилловна Морозова, которая, по воспоминаниям Ф.А. Степуна, постоянно присутствовала на заседаниях [2: с. 504].

Необходимо отметить, что М.К. Морозова в своих воспоминаниях указала на то, что идея создания Общества принадлежала именно ей, причем возникло Общество только в 1906 году [6: с. 104]. Это обстоятельство позволило отечественному исследователю Я.В. Морозовой сделать предположение, что в российской истории существовало два одноименных Общества, одно из которых было организовано в 1905 году, но не состоялось, потеряв признаки жизни уже к 1906 году, а второе было организовано именно по инициативе М.К. Морозовой [7: с. 7]. Надо сказать, что никаких других сведений, подтверждающих данную гипотезу, помимо упоминания Маргариты Кирилловны, не выявлено. Противоречия между информацией периодической печати и воспоминаниями М.К. Морозовой можно объяснить тем, что дама, предоставившая главный источник финансирования Обществу, в мужском коллективе изначально ощутила отношение к себе всего лишь как к спонсору. При этом сама Маргарита Кирилловна оценивала свою роль в становлении Общества как весьма значительную и стремилась к влиятельному положению в нем, чего ей удалось достичь именно в 1906 году. М.К. Морозова также могла назвать 1906-й годом организации Общества в силу того, что только 5 ноября состоялось его первое официальное заседание, до того времени Общество существовало фактически нелегально. На основе сообщения одного из периодических изданий — журнала «Книжный вестник», можно утверждать, что на этом учредительном заседании был выбран новый председатель Общества — С.Н. Булгаков, и члены Совета Общества: Е.Н. Трубецкой, В.Ф. Эрн, Д.Д. Галанин, В.П. Свенцицкий, С.А. Котляревский. Секретарем общества стал А.Е. Ельчанинов [10: с. 12]. К сожалению, корреспондент журнала не сообщил о том, кто стал товарищем председателя.

Стиль управления нового председателя С.Н. Булгакова отличался либерализмом. В одном из писем Сергея Николаевича 1906 года содержатся свидетельства его внимательного и терпимого отношения к идейной эволюции своих коллег: «Получил вчера “Взыскующих”... Думаю, что это — ошибка молодости или прелесть и во что обещает это развиваться...» [5: с. 66].

Судя по содержанию еще одного письма одного из основоположников Московского религиозно-философского общества В.Ф. Эрна от 2 апреля

1905 года свою роль руководители МРФО видели прежде всего в обеспечении условий для свободного выступления с докладами и их широкого публичного обсуждения [5: с. 67].

Представительство заседаний МРФО было неоднородным. В письме, адресованном А.В. Ельчанинову, В.Ф. Эрн сообщал о том, что на открытие Общества собирались представители духовенства, «рабочие-радикалы и профессора» [5: с. 67]. Опираясь на сведения одного из писем С.Н. Булгакова от 10 февраля 1911 года, можно говорить о том, что аудитория публичных заседаний достигала 400–500 человек (РГАЛИ. Ф. 427. Ед. хр. 2689. Л. 5). К сожалению, не представляется возможным назвать этих людей поименно. Вместе с тем удастся констатировать, что среди посетителей публичных заседаний были студенты [6: с. 104], с определенной степенью периодичности публичные заседания посещали и члены Братства взыскующих христианского просвещения, и поэты-символисты, и христианские социалисты [5: с. 22]. М.К. Морозова вспоминала о том, что благодаря Московскому религиозно-философскому обществу «все московские философы» [6: с. 104] могли встретиться с некоторыми своими зарубежными коллегами. На основе материалов периодической печати, информирующих тогдашнюю образованную публику о деятельности МРФО [8: с. 15], несмотря на значительное количество посетителей публичных заседаний, достигавшее нескольких сотен человек, вступали в дискуссию не более десятка, остальные же предпочитали роль слушателей.

Для МРФО не было характерно единство, отношения внутри общества были разными: между М.К. Морозовой и Е.Т. Трубецким развивались любовные отношения, В.Ф. Эрн и В.П. Свенцицкий — соавторы и духовно близкие друзья, совместно снимали одну квартиру [4: с. 31]. Лучшим другом С.Н. Булгакова был А.С. Глинка-Волжский, которому адресована большая часть из сохранившихся писем Сергея Николаевича. Вместе с тем довольно сложными были взаимоотношения между С.Н. Булгаковым и Н.А. Бердяевым; Е.Н. Трубецким и С.Н. Булгаковым.

В июле 1912 года в личной переписке с А.С. Глинкой С.Н. Булгаков признавался: «...общество некому вести» [5: с. 475]. Очевидно, что одним из факторов, определивших данную ситуацию, стала ссора между С.Н. Булгаковым и Н.А. Бердяевым. Интересно, что в одном из писем жене в мае 1913 года В.Ф. Эрн дал С.Н. Булгакову следующую характеристику: «...сух и холоден, неотзывчив и до него не доберешься» [5: с. 528]. Можно предположить, что стремление С.Н. Булгакова к единоначалию в управлении Обществом отторгало от него коллег. В результате сложившейся неблагоприятной межличностной обстановки внутри Общества Сергей Николаевич жаловался на то, что работать ему «становится все труднее» [5: с. 475]. Однако сам С.Н. Булгаков воспринимал положение дел по-иному, сетуя на то, что лишь он один вкладывал в организацию работы Общества свою душу, остальные же члены Общества не хотели обременять себя

рутиной [5: с. 475]. Кроме того, важно помнить о том, что по уставу статус председателя был выборным, но при этом С.Н. Булгаков оставался «бессменным членом Совета» [3: с. 261] с 1906 по 1918 год.

Таким образом, фундаментальным принципом функционирования МРФО изначально являлась его идейно-политическая открытость, плюрализм мнений и оценок. Каких-либо идеологических ограничений для участия в публичных заседаниях не существовало, благодаря чему Общество стало своеобразной площадкой для интеллектуальных споров и духовного поиска. Становится понятным, что Общество не было лишено административного центра, но вместе с тем порядки в нем оставались довольно демократичными, особенно относительно публичных заседаний. МРФО не имело единой программы и создавалось именно для поиска, создания и дальнейшего практического воплощения в жизнь цельной общественно-политической концепции приверженцев философского наследия Владимира Сергеевича Соловьёва. В силу того, что участниками данного предприятия изначально стали люди принципиально разного мировоззрения, которые рассматривали свое участие в работе Общества как возможность продвижения собственных взглядов, поиск единой идейной платформы данного объединения в известных большинству читателей исторических событиях не имел перспективы.

Литература

1. *Бельй А.* Из воспоминаний о русских философах // *Минувшее*. 1992. Вып. 9. С. 340–361.
2. *Бельй А.* Начало века. Воспоминания. Т. II. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.
3. *Булгаков С.Н.* Автобиографическое письмо С.А. Венгеру // *Исследования по истории русской мысли*. 2000. Год 2000-й. С. 261–270.
4. *Вишняк М.* Дань прошлому. Нью-Йорк.: Изд-во им. Чехова, 1953. 409 с.
5. *Кейдан В.* На пути к граду земному // *Взыскующие града: хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках*. М.: Языки русской культуры, 1997. 752 с.
6. *Морозова М.К.* Мои воспоминания // *Наше наследие*. 1991. № 6. С. 104–132.
7. *Морозова Я.В.* Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва: вопросы возникновения // *Вестник РХГА*. 2008. № 2. С. 3–17.
8. Московское Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьёва // *Народ*. 1906. № 1. С. 15–18.
9. *Носов А.А.* От «соловьёвских обедов» к религиозно-философскому обществу // *Вопросы философии*. 1999. № 6. С. 85–98.
10. Религиозно-философское общество в Москве // *Книжный вестник*. 1906. № 10. С. 12–14.
11. *Соболев А.В.* К истории Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва // *Историко-философский ежегодник – 92*. 1992. С. 102–115.

References

1. *Bely'j A.* Iz vospominanij o russkix filosofax // *Minuvshee*. 1992. Vy'p. 9. S. 340–361.
2. *Bely'j A.* Nachalo veka. Vospominaniya. T. II. M.: Xudozhestvennaya literatura, 1990. 687 s.
3. *Bulgakov S.N.* Avtobiograficheskoe pis'mo S.A. Vengerovu // *Issledovaniya po istorii russkoj my'sli*. 2000. God 2000-j. S. 261–270.
4. *Vishnyak M.* Dan' proshlomu. N'yu-York.: Izd-vo im. Chexova, 1953. 409 s.
5. *Kejdan V.* Na puti k gradu zemnomu // *Vzy'skuyushhie grada: xronika chastnoj zhizni russkix religioznyx filosofov v pis'max i dnevnikax*. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1997. 752 s.
6. *Morozova M.K.* Moi vospominaniya // *Nashe nasledie*. 1991. № 6. S. 104–132.
7. *Morozova Ya.V.* Moskovskoe religiozno-filosofskoe obshhestvo pamyati Vladimira Solov'yova: voprosy' vzniknoveniya // *Vestnik RXGA*. 2008. № 2. S. 3–17.
8. Moskovskoe Religiozno-filosofskoe obshhestvo pamyati Vl. Solov'yova // *Narod*. 1906. № 1. S. 15–18.
9. *Nosov A.A.* Ot «solov'yovskix obedov» k religiozno-filosofskomu obshhestvu // *Voprosy' filosofii*. 1999. № 6. S. 85–98.
10. Religiozno-filosofskoe obshhestvo v Moskve // *Knizhny'j vestnik*. 1906. № 10. S. 12–14.
11. *Sobolev A.V.* K istorii Religiozno-filosofskogo obshhestva pamyati Vladimira Solov'yova // *Istoriko-filosofskij ezhegodnik – 92*. 1992. S. 102–115.

M.E. Nabokina

Structural and Organizational Features of the Moscow Religious-Philosophical Society in Memory of Vladimir Soloviev

The article is devoted to the features of the organization and the internal structure of the Moscow Religious-Philosophical Society in Memory of Vladimir Soloviev. In the present article investigates: the features of the establishment period of MRPS, the basic composition of the participants, regulatory framework and the specific features of management of interpersonal relationships of investigated the society.

Keywords: Moscow religious and philosophical society; intelligentsia; intellectual history.

Д.С. Козлов

Публицистика русской эмиграции о советской молодежи. 1950–1960-е годы¹

В статье рассмотрено изменение представлений о советской молодежи в публицистике русской эмиграции 1950–1960-х годов. Автор прослеживает переход от взглядов на послевоенное советское поколение как на потенциальную революционную силу к различным вариантам классификации молодежи и анализу разных форм поведения молодых людей.

Ключевые слова: молодежь; «Оттепель»; русское зарубежье; эмиграция.

В историографии хрущевской «оттепели» значительное место занимают исследования, посвященные советской молодежи того времени. С одной стороны, интерес к данной теме обусловлен активизацией молодежной политики в СССР (реформа системы образования, освоение целины), появлением субкультуры стиляг, возникновением оппозиционных групп и сообществ, состоявших преимущественно из молодых людей. С другой стороны, для авторов, чья молодость пришлась на рубеж 1950–1960-х годов, обращение к «молодежным проблемам» дает возможность проанализировать собственный жизненный путь.

Большинство исследователей относятся к молодежи как к реально существующей социально-демографической группе, что открывает возможность для неоправданных обобщений. Такой подход был подвергнут обоснованной критике со стороны отечественного социолога Е.Л. Омельченко. Опираясь на работы Ф. Коэна, она оперирует понятием «юсизм» (youthism), понимая его как «представление молодежи в качестве единой и гомогенной группы, легко определяемой по внешним признакам и «особенностям» поведения, что служит основанием для ее скрытой или явной дискриминации» [17: с. 9]. Однако в некоторых случаях стоит говорить не столько о дискриминации, сколько о манипуляциях.

---

¹ Автор выражает признательность Фонду Марион Денхоф (Marion Dönhof Stiftung) за стипендию, возможность получения которой существенно облегчила написание работы.

Образ молодежи строится на ожиданиях или страхах, связанных с будущим. В новом поколении видят «другого», который может преумножить либо растратить культурный багаж, накопленный его предшественниками. Если для послевоенного Запада молодежь зачастую становилась источником «моральных паник», то советские молодые люди воспринимались у себя на родине «новым поколением строителей коммунизма».

Конструирование и трансляция того или иного образа «молодежи» могут менять молодежные идентичности (представления самих молодых людей о себе как о некоей группе) и формирующиеся на их основе жизненные стратегии. И наоборот: действительный образ жизни молодых людей корректирует представления о них. Изучение процесса взаимовлияния молодежных идентичностей и ожиданий от молодежи позволяет анализировать не только особенности молодежной культуры, но и те инструменты, с помощью которых производятся попытки изменить ее. В публицистике русской эмиграции 1950–1960-х годов образ молодежи формировался при взгляде на советское общество извне, как образ «другого». В то же время представители русского зарубежья обращались к советской молодежи с призывами к борьбе с коммунистическим режимом так, как если бы они действительно оставались соотечественниками.

В данной статье в основном рассматриваются публицистические работы, опубликованные в ФРГ организациями, чья деятельность была направлена на изучение СССР и/или на пропаганду антибольшевистских идей. Эмигранты, жившие в немецких городах, вплоть до закрытия Западного Берлина (1962 г.) чаще могли контактировать с советскими гражданами. Близость социалистического лагеря давала широкие возможности для антисоветской пропаганды. В Мюнхене с 1953 года действовала радиостанция «Освобождение» (с 1959 г. — Радио «Свобода»), из Германии в СССР отправлялась агитационная литература, в чистом виде являющаяся примером использования сконструированного образа молодежи.

Первая половина 1950-х:

формирование основных ожиданий от советской молодежи

Наиболее активную пропагандистскую политику вели члены «Народно-трудового союза российских солидаристов» (НТС). Основанный в 1930 году, за неполных три десятилетия своего существования он накопил значительный опыт практической борьбы против советского режима и завоевал славу наиболее активной политической организации русского зарубежья. Целью НТС на протяжении всего ее существования были попытки вызвать антикоммунистическую революцию в СССР, но в 1940–1950-е годы произошли изменения в ее стратегии и тактике. Аресты и гибель забрасываемых в СССР агентов демонстрировали бесперспективность акций прямого действия и лишали организацию моральной поддержки других эмигрантов. Невозможность создать в Советском Союзе ячейки классического типа привела к формулировке «молекулярной доктрины»:

на территории СССР должны автономно действовать «революционные молекулы» — не связанные с друг другом, подчиняющиеся зарубежному штабу НТС подпольные ячейки и отдельные активисты (см. подробнее: [19]). Деятельность зарубежных ячеек практически полностью переключалась на издание и распространение агитационной литературы и другие формы пропаганды.

Вплоть до середины 1950-х годов советская молодежь не представляла существенного интереса для организации. В 1953 году, оценивая перспективы революции в России после смерти Сталина, Е.Р. Романов (Островский) видел в качестве основной революционной силы армию и разочаровавшихся в коммунизме представителей «правящего слоя». Пассивными сторонниками восстания был назван «народ»: в первую очередь крестьянство и заключенные ГУЛАГа. О молодежи в выступлении Романова на расширенном редакционном заседании «Посева», изданного отдельной брошюрой, не было сказано ни слова [23].

За 1955 год НТС-овский еженедельник «Посев» опубликовал не более двадцати статей о советской молодежи, включая короткие информационные сообщения, перепечатываемые из советских газет. Но уже в этих материалах господствовало представление о советской молодежи как о потенциальном носителе революционных идей. На содержательность статей «Посева» влияло отсутствие репрезентативных источников информации о положении в Советском Союзе. В качестве доказательств наличия революционной ситуации авторы еженедельника приводили, в числе прочего, «упорные слухи о том, что на территории СССР “существует какая-то революционная организация”» [6: с. 1] Казалось бы, самыми надежными поставщиками сведений о действительном положении в России могли бы стать только что перешедшие границу бывшие советские граждане. Но «Посев» публиковал настолько бессодержательные, написанные общими фразами интервью и пересказы впечатлений перебежчиков, что у читателя могли возникнуть сомнения если не в существовании «нового эмигранта», то в том, не подверглись ли его слова серьезной редакции. Можно сравнить фрагмент рассказа «студента, вырвавшегося из СССР», и часть уже процитированной работы Е.Р. Романова «Силы революции...»:

Моя мысль заключается в том, что должно быть большое количество людей, которые бы одинаково думали и находились бы в разных слоях общества... чтобы эти люди не знали друг о друге... Тогда в какой-то момент, когда таких людей наберется много, можно будет совершить переворот... [13: с. 4]

...По всей стране возникают отдельные люди и маленькие группы людей, которые... заочно входят в революционную организацию. Все эти группы не связаны между собой, и их действия направляются общими указаниями Революционного Штаба <...> В определенный момент, когда количество «молекул» достигает миллионов... Революционный Штаб дает сигнал к восстанию [23: с. 48–49].

Оба текста представляют собой краткий пересказ «молекулярной доктрины», но прямых доказательств того, что с ней действительно были знакомы в Советском Союзе, нет¹. Даже сами представители НТС не отрицали малую эффективность вещания радиостанции «Свободная Россия» [16: с. 21], у организации не было действенных методов контроля за распространением на советской территории листовок, доставляемых туда почтой, с экипажами морских судов и с помощью воздушных шаров. Исследователь русской эмиграции А.В. Антошин приводит в своей монографии важные фрагменты из неопубликованных документов организации, свидетельствующие о сомнениях самих НТСовцев в возможности «молекулярной революции». На Втором поместном съезде Североамериканского отдела НТС Б.В. Прянишников заявлял, что «действительность говорит об обратном. <...> Есть... массовое неорганизованное недовольство, что никак не эквивалентно революционной ситуации» [1: с. 207].

Тем не менее желание обнаружить приметы надвигающейся русской революции заставляло авторов «Посева» проявлять чудеса интерпретации источников из-за «железного занавеса». «Перевод» сообщений советских газет «с условного советского жаргона на нормальный человеческий язык» [15: с. 17] делал самые незначительные события в жизни молодежи предвестием грядущего антикоммунистического восстания. Хулиганское нападение на комсомольского активиста расценивалось как «пример низового террора» [14: с. 6], а отказ от распределения по окончанию учебы — как нежелание «работать на “коллективного помещика”» [10: с. 3].

Усиление внимания к проблемам молодежи на страницах советской прессы с середины 1950-х годов несколько скорректировало взгляды НТС на советскую молодежь. Молодые люди и девушки стали считаться главным объектом пропаганды организации. В 1956 году на Съезде совета НТС было сформулировано отношение организации к советской молодежи: «Новое поколение, формирование которого началось в годы Отечественной войны, властно занимает свое место в жизни народа. Его выход на решающие государственные и общественные позиции неизбежен. Новое поколение ищет идеал. Партия не способна увлечь молодежь коммунистической идеей» [22].

В духе этого пункта резолюции публиковались и аналитические работы, посвященные проблемам советской молодежи. В выпущенной в 1959 году брошюре «Молодежь. Ее искания и борьба» А. Немиров обращался к молодым людям СССР как к «авангарду народа» и «врагам власти» [15: с. 28]. В приложении к брошюре были даны конкретные рекомендации по организации подпольной группы, конспирации, выпуску листовок и литературы. Помимо пропагандистского содержания работы Немирова важны и его попытки,

¹ Принципы «молекулярной революции» были близки идеям С.Г. Нечаева, изучавшимся советской молодежью в курсе отечественной истории, поэтому можно предположить появление децентрализованного подполья в СССР помимо пропагандистского влияния НТС. Такую «организацию» описывает в своих мемуарах, например, В.К. Буковский [2: с. 86–93].

классифицировав молодежь по ее отношению к режиму, представить ее в виде единого поколения «пятидесятников» [15: с. 7].

Таким образом, к середине 1950-х годов были сформулированы основные ожидания от советской молодежи. Ей предстояло, по мнению зарубежных авторов, стать главной силой антикоммунистической борьбы. Соответственно с этим представлением интерпретировалась любая информация о молодежи, поступающая из СССР. По мере того как сведений о новом поколении становилось больше, а их характер — разнообразнее, убежденность в единстве настроений молодежи сменилась попытками классифицировать ее относительно того, насколько та или иная подгруппа восприимчива идеям борьбы. Этому способствовала и появившаяся возможность вживую пообщаться с молодыми советскими гражданами.

Середина 1950-х: встречи эмигрантов с советской молодежью и изменения представлений о ней

Во второй половине 1950-х въезд в СССР для иностранных граждан стал проще, активизировался обмен академическими и профессиональными делегациями, двусторонне (хотя и с существенными ограничениями) развивался международный туризм. Эмигранты получили возможность непосредственного общения с соотечественниками, что сказалось на изменении пропагандистской тактики и постепенной корректировке взглядов на советскую молодежь. В 1958 году НТС сформулировал так называемые «лорские соглашения», в соответствии с которыми основной агитационной работой отныне становилась деятельность курьеров, «поддерживающих контакт с конкретными лицами и группами в России» [16: с. 28]. Широко использовалась и «зарубежная оперативка» — встречи с советскими туристами, моряками и членами различных делегаций с целью устной агитации и передачи им литературы.

Открывшиеся возможности использовали и другие эмигрантские организации. В СССР направлялась агитационная литература и произведения, недоступные советскому читателю. За рубеж для публикации начали вывозиться рукописи и самодеятельные издания. Тем не менее до середины 1960-х годов система распространения информации «самиздат – тамиздат – самиздат» еще не была отлажена. Вплоть до 1960 года литературно-художественный журнал НТС «Грани» практически не публиковал произведений из-за «железного занавеса», а до 1964 года такие публикации были единичными [16: с. 27].

Знакомить читателей с неподцензурной советской литературой приходилось с помощью отлаженного метода внимательного чтения коммунистической печати: по критическим статьям о современной поэзии цитировались фрагменты «крамольных» стихотворений, в опубликованных официально текстах выискивался антисоветский смысл. Невозможность связаться с автором порой приводила к искажениям текстов произведений, пренебрежению авторской волей. Одно из наиболее цитируемых в эмигрантской публицистике

1950-х стихотворение «Слепая» Лидии Гладкой печаталось без ведома автора, по публикации в «Комсомольской правде» с искажениями цитаты и фамилии автора [4: с. 33–34; 8: с. 10–11; 15: с. 8].

Интересно проанализировать состав выпущенного в 1958 году Центральным объединением политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) сборника стихотворений «Поиски правды: оппозиционные стихи советских поэтов» [18]. Составители сборника «выбрали стихи молодых поэтов... исходя из тех соображений, что они — будущее страны и их сегодняшние настроения будут определять завтрашний день России» [18: с. 7]. Тем не менее и оппозиционность стихотворений, и принадлежность авторов к молодому поколению можно оспорить. «Стихотворения Юрия Живаго» шестидесятивосьмилетнего Б.Л. Пастернака уже были известны по зарубежным публикациям романа, басня сорокапятiletнего С.В. Михалкова, стихотворения Е.А. Евтушенко и Б.А. Ахмадулиной печатались в советской прессе, наиболее острые произведения М. Курганцева и И. Харабарова были перепечатаны из критических обзоров молодежной поэзии. Анонимная подборка стихотворений Л.Н. Чертова «Стихи московского студента. Неопубликованное» [18: с. 31–38], видимо, была вывезена из СССР однокурсником поэта А. Дольбергом (Д. Бургом) еще в 1956 году, либо записана им же по памяти уже в эмиграции.

Среди литературы, отправлявшейся в СССР, выделяется сборник обращений знаменитых эмигрантов к советской молодежи «Старые — молодым» [25]. Его целью издатели считали возможность «дать только прямой ответ на вопросы [о жизни Русского зарубежья] представителей нового поколения России» [25: с. 5]. Но основным посылом создания книги можно считать формирование у советской молодежи представлений не столько об эмиграции, сколько о духовной жизни дореволюционной России и культуре первых лет советской власти. Показывая богатство и разнообразие утраченной культуры, «на сапогах» унесенной в эмиграцию, писатели, ученые, священнослужители и художники были убеждены, что «пора России снова стать Россией» [25: с. 37]. Надежды на эти преобразования были обращены именно к молодежи, но под «подпольной работой свободомыслящих» [25: с. 30] авторы подразумевают не выстраивание революционных ячеек, а внутреннее освобождение и самообразование.

Несколько отличался взгляд на советское общество представителей «второй волны» эмиграции — людей, выросших в Советском Союзе и покинувших его во время Второй мировой войны и вскоре после нее. С одной стороны, советский этап истории России не был для них абсолютно чужим, как для пореволюционных эмигрантов. С другой стороны, прожившие несколько лет в среде русского зарубежья, в своих работах они воспроизводили многие устоявшиеся за рубежом представления об СССР.

Так, автор наиболее обстоятельного исследования о советской молодежи Давид Бург (Александр Дольберг), бежавший на Запад во время поездки

в ГДР в 1956 году, в своих работах ставил под сомнение распространенное, в первую очередь среди эмигрантов первой волны, убеждение в оторванности молодежи от культурных традиций дореволюционной России и западного мира: «Россия не орвелловская “Океания”. Человек, родившийся там, живет и развивается отнюдь не в культурном, историческом и политическом вакууме» [3: с. 33]. В доказательство этого он, в отличие от других, приводил не только влияние на духовное освобождение произведений русской литературы XIX века (см. напр.: [25: с. 45]), но и сходное воздействие на молодежь по-новому прочитанных работ классиков марксизма [3: с. 34]. Он отмечал и открывшийся в 1950-е годы (по крайней мере, для жителей столичных городов) доступ к зарубежной прессе и спецхранам библиотек, и возможность общения с иностранцами: «В Москве... я читал “Животноводческую ферму” Орвелла, “Поверженного кумира”, а также “Мрак в полдень” Кеслера...» [3: с. 33]. С другой стороны, книга Бурга «Оппозиционные настроения молодежи...» [4] содержит ту же убежденность в потенциальной революционности нового поколения, что и агитационные брошюры НТС.

Для эмигрантов, покинувших Россию раньше, общение с представителями советской молодежи, приезжавшими в Европу в составе туристических групп и различных делегаций, или встречи с юными соотечественниками во время их собственных визитов в СССР заставляли во многом пересмотреть свое отношение к молодежи. Портреты советских молодых людей и девушек, появлявшиеся на страницах путевых очерков 1950–1960-х годов, существенно отличались от образов «палачей-комсомольцев» и их юных жертв в мемуарной литературе первых пореволюционных десятилетий (см. например: [24]). Не похожи они и на абстрактных молодых подпольщиков — предполагаемых читателей агитационной литературы.

В начале 1960-х годов ЦОПЭ выпустило серию брошюр «СССР сегодня», описывавших встречи с соотечественниками. Анонимные сообщения сгруппированы тематически, часть из них посвящена непосредственно молодежи. Редакторы сборников не стремились дать какой-либо комментарий авторским наблюдениям, поэтому, вступая друг с другом в противоречие, сообщения дают более подробную картину настроений и взглядов молодых людей.

Все авторы отмечали интерес, с которым молодые соотечественники относились к общению с эмигрантами, но в основном юношей и девушек интересовала западная культура, подробности жизни за рубежом — не многие решались вести «откровенную антикоммунистическую беседу» [26: с. 81]. В целом, авторы говорили, скорее, о скептицизме по отношению к советскому режиму и разочарованности в нем, нежели об откровенно антисоветских настроениях. Не было единства и среди противников советской власти. Один из авторов сборника предложил следующую классификацию инакомыслящих: «Люди, критикующие режим, могут быть разделены на три категории:

а) верующие, б) люди, научившиеся думать вследствие полученного образования, в) марксисты, считающие настоящее правительство немарксистским... или просто бездарным» [26: с. 55].

Советская молодежь оказалась неоднородной не только по политическим взглядам. Встретившиеся с ее представителями эмигранты отмечали, что разница во взглядах и интересах зависела от социального положения, достатка, места жительства молодых людей. Многие в характеристиках зависело от автора конкретного наблюдения. Если для одного из них «не больше десяти процентов верующих» — «совсем не такой маленький процент для молодежи» [26: с. 57], то другой с сожалением отмечал, что «церкви они [молодые люди] не знают» [27: с. 29].

Возможность живого общения с новым поколением граждан СССР во многом изменила представления российской эмиграции о советской молодежи. На смену представлений о ней как о монолитной социальной группе, потенциально готовой к антисоветской борьбе, пришло понимание того, что «молодежь» состоит из конкретных молодых людей и девушек, чьи интересы могут абсолютно не касаться политики. Рубеж 1950–1960-х годов отмечен дискуссиями о молодежи, в которых аргументами становились уже не только политические убеждения участников спора, но и конкретные сведения, полученные из СССР.

Конец 1950-х – 1960-е:

начало дискуссии о советской молодежи

Попытки понять, какой же на самом деле была советская молодежь, предпринимались не только на страницах журналов, газет и брошюр. Доклады о конкретных проблемах молодежи и варианты социологического анализа нового советского поколения предлагались участниками конференций, проводимых эмигрантами. Наиболее серьезной дискуссионной площадкой русского зарубежья стал основанный в 1950 году в Мюнхене Институт по изучению истории и культуры СССР (с 1956 года — Институт по изучению СССР) (см. подробнее: [20]), но интересные доклады звучали и на других конференциях.

До конца 1950-х годов положение молодежи рассматривалось в ряду прочих проблем внутренней политики СССР. Сообщениям того времени присущи те же штампы, что и агитационным материалам. Авторы безапелляционно утверждали, что «полнейшую неудачу потерпело коммунистическое воспитание в области привития советской молодежи непримиримости и ненависти к “буржуазному миру”, к “врагам социализма”» [28: с. 100], возмущались тем, что «советская печать всячески скрывает истинное положение о студенческом движении в СССР» [7: с. 156].

Интересно, что в своем стремлении показать молодежь антисоветски настроенной, эмигрантские исследователи порой полностью копировали риторiku комсомольских работников. Но, сходясь в характеристиках молодежи с советскими идеологами, авторы-эмигранты делали абсолютно иные выводы

относительно этих характеристик. Так, М. Штигер, описывая послевоенное советское поколение вполне в духе официальной комсомольской риторики: «...они дети второй половины двадцатого столетия, века атомной энергии, атомных бомб, спутников и межпланетных полетов, времени второй технической революции» [28: с. 85], — видел в этом свидетельство нарастающего конфликта поколений. По его мнению, поколение «отцов» просто не могло и не хотело понять своих «детей», выросших в совершенно других условиях. Советская же общественная наука отрицала «буржуазную» концепцию поколенческого конфликта и предлагала теорию преемственности поколений: новая генерация советских людей, используя достижения предшественников, вместе с ними строит коммунистическое общество [5: с. 371].

Не столь однозначно воспринимали новое поколение авторы статей сборников, посвященных непосредственно советской молодежи, хотя ряд исследователей продолжали выискивать следы подпольного молодежного движения в скупых сообщениях советской прессы и «неофициальных источниках». Последние давали более достоверную информацию о положении дел. Вряд ли можно назвать политически «экстремными» убеждения молодых людей из группы «Голубые лошади», описанной в «Комсомольской правде». «Мы живем в фиолетовом мраке. Да здравствует фиолетовое настоящее и фиолетовое будущее», — цитировали «программный документ» советская газета, а вслед за ней и автор-эмигрант Ю. Дьячков [11: с. 37]. В то же время «неофициальные источники» сообщали о том, что «в период с лета 1957 по весну 1958 года по Советскому Союзу прокатилась волна арестов среди молодежи... Всем им были предъявлены обвинения в “антисоветской пропаганде”» [11: с. 9]. Действительно, в 1957–1958 годах были арестованы несколько десятков молодых людей по всему Советскому Союзу [21: с. 264–496]. Информацию об арестах автор статьи мог получить либо от анонимных корреспондентов в СССР, либо, что скорее, от вернувшихся в Германию немецких военнопленных, содержавшихся в конце 1950-х в одних лагерях с осужденными за антисоветскую пропаганду.

В целом на рубеже 1950-х и 1960-х годов риторика антисоветской борьбы и бунта постепенно уступила место анализу духовных поисков, брожения в умах молодых людей. Факты, которые ранее были бы проинтерпретированы как зачатки революционного движения, теперь объяснялись попытками молодых людей найти пространство, свободное от наскучившей идеологии. Некоторые авторы признавали, что «существует множество промежуточных категорий молодых людей между правверными комсомольцами и открыто несогласными» [29: р. 26], и при этом «большинство советской молодежи, может быть, и не разделяя коммунистических идей, лояльно относится к режиму» [12: с. 18].

Брожение в умах советской молодежи связывалось с прекращением террора после смерти Сталина, развенчанием культа его личности и, как следствие, отсутствием страха репрессий [29: Foreword]. «Во времена Сталина

она [молодежь] не имела собственного мнения ни по одному вопросу. <...> XX съезд КПСС с сенсационной речью Н. Хрущева снял “табу”... Молодежь заговорила открыто», — утверждал один из сотрудников Мюнхенского института А.И. Лебедь. С другой стороны, он подчеркивал, что «молодежи всех времен и всех народов присущи свободомыслие, отрицание авторитетов, любознательность, критическое отношение к действительности, политическая активность, тяга к знаниям, прогрессивность взглядов и революционность идей» [12: с. 4–5]. С такой точки зрения далеко не все поступки советских молодых людей и девушек определялись их политическими взглядами — многое объяснялось особенностями возрастной психологии.

Анализируя материалы конференций Института по изучению СССР, можно проследить характерную для эмигрантов тенденцию в освещении проблем нового советского поколения. До конца 1950-х годов молодежь интересовала исследователей лишь как одна из страт советского общества, внимание к ней усилилось с появлением большего числа источников и усилением внимания к проблемам молодежи внутри СССР. Расширение базы для анализа позволило отойти от политически ангажированных выводов и предложить различные варианты классификации молодежи, в которых каждой из подгрупп соответствовали свои интересы. Наиболее простой вариант предложил М.Д. Сантерр, различавший «под-советскую» молодежь (конформистов) и «обычную», такую же как «ребята с Монпарнаса, или студенты Швабинга» [12: с. 144].

Российских эмигрантов и советскую молодежь разделяли не только государственные, но, и порой это было более важно, возрастные границы. Тем не менее представители русского зарубежья считали новое поколение советских людей своими соотечественниками и обращали к ним свои надежды на переустройство родной страны. Отсутствие достоверной и достаточной информации заставляло эмигрантов конструировать желаемый образ молодежи исходя из собственных воззрений на будущее России, свободной от коммунистического правительства. К этому абстрактному молодому человеку скорее, чем к действительным юношам и девушкам СССР, были обращены пропагандистские материалы эмигрантских организаций. Исходя из убежденности в тотальном неконформизме советской молодежи, производился анализ сообщений советской прессы — самого доступного источника информации. Постепенное увеличение информационного потока из-за «железного занавеса» и появившаяся в середине 1950-х годов возможность непосредственного общения с молодыми гражданами Советского Союза заставили часть публицистов и общественных деятелей русского зарубежья отказаться от представлений о советской молодежи как о движущей силе грядущей русской революции. В дискуссиях рубежа 1950–1960-х годов произошел отход от представлений о советской молодежи как о единой социальной группе, были предложены различные варианты ее классификации, причем политическая индифферентность большинства подгрупп воспринималась как должное. Интерес, проявляемый молодыми гражданами

данами СССР к эмигрантским изданиям, скорее был обусловлен желанием почерпнуть информацию о жизни на Западе и о дореволюционной культуре России, нежели поисками политических альтернатив советскому строю. «Основной исторической миссией сегодняшней советской молодежи..., — резюмировал в 1968 году публицист П. Корин, — надо считать воспитание своего потомства (то есть следующего нового поколения) в духе свободолюбия и бесстрашия перед властью» [9: с. 238]. Несмотря на разочарование в поколении «пятидесятников», не сумевшем освободить Россию от советской власти, авторы русского зарубежья стали возлагать надежды уже на следующее поколение. Таким образом, можно считать, что именно возрастная принадлежность, а не политические взгляды молодых людей в первую очередь влияли на формирование представлений российских эмигрантов о роли возрастных страт в общественной жизни СССР.

Литература

1. Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2008. 659 с.
2. Буковский В.К. «И возвращается ветер...» Письма русского путешественника. М.: «Демократическая Россия», 1990. 464 с.
3. Бург Д. О некоторых чертах идейного брожения в Советском Союзе // Социалистический вестник. 1958. № 2–3. С. 31–34.
4. Бург Д. Оппозиционные настроения молодежи в годы после «оттепели». Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1960. 64 с.
5. Глотов Б.А. Преемственность поколений // Социология молодежи: энциклопедический словарь / Под ред. Ю.А. Зубок, А.И. Ковалева и др. М.: Academia. С. 370–371.
6. Еще одно подтверждение. В СССР существует революционная организация! // Посев. 1955. № 3 (454). 16 января. С. 1.
7. Карча Р. Вопросы образования и воспитания на XX съезде КПСС // VIII конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 23–24 июля 1956 г.) XX съезд и советская действительность: доклады и дискуссии. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1956. С. 149–160.
8. Кирюшин Б.Т. Обзор событий в СССР после смерти Сталина. 1953–1958. Вторая тетрадь. Б.м., 1960. 80 с.
9. Корин А. Советская Россия в 40–60-х годах. США [Франкфурт-на-Майне: Посев], 1968. 244 с.
10. Молодежь отвергает насилие КПСС // Посев. 1956. № 5 (508). 5 февраля. С. 3.
11. Молодежь Советского Союза: сб. ст. / Отв. ред. А.И. Лебедь. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1959. 104 с.
12. Молодежь Советского Союза. XIV конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 5–6 ноября 1962 г.). Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1962. 160 с.
13. Н.Т. Молодежь ищет новые пути борьбы. Рассказ студента, вырвавшегося из СССР // Посев. 1955. № 5 (456). 30 января. С. 4.
14. Н.Т. «Я, как коммунист, обеспокоен...» // Посев. 1955. № 24 (475). 12 июня. С. 6.
15. Немиров А. Молодежь. Ее искания и борьба. Б.м., 1959. 48 с.

16. НТС. Мысль и дело. Б.м., 1990.
17. *Омельченко Е.Л.* Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: автореф. дис. ... док. соц. наук. М., 2005. 48 с.
18. Поиски правды. Оппозиционные стихи советских поэтов. Мюнхен: ЦОПЭ, 1958. 44 с.
19. *Поремский В.* К теории революции в условиях тоталитарного режима («Молекулярная теория») // Поремский В. Проблемы национальной революции. Б.м.: Посев, 1952. С. 73–102.
20. *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 54–70.
21. 58/10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991 гг. Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 944 с.
22. Резолюции съезда Совета НТС // Посев. 1956. № 4 (507). 29 января. С. 5.
23. *Романов Е.* Силы революции: движущие, противодействующие и сопутствующие. Б.м.: Посев, 1953. 68 с.
24. *Солоневич Б.Л.* Молодежь и Г.П.У. Жизнь и борьба советской молодежи. София: Изд. «Голос России», 1937. 464 с.
25. Старые — молодым. Б.м. 1960. 108 с.
26. СССР сегодня. Вып. 1. Б.м.: ЦОПЭ, 1961. 108 с.
27. СССР сегодня. Вып. 2. Б.м.: ЦОПЭ, 1962. 52 с.
28. *Штугер М.* Проблема молодежи в СССР // XII конференция Института по изучению СССР (Мюнхен, 27–29 октября 1960 г.) Проблемы советской внутренней политики. Мюнхен, 1960. С. 85–102.
29. Youth in Ferment. Munich: Institute for the studies of the USSR, 1962. 101 p.

References

1. *Antoshin A.V.* Rossijskie e'migranty' v usloviyax «xolodnoj vojny'» (seredina 1940-x – seredina 1960-x). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta, 2008. 659 s.
2. *Bukovskij V.K.* «I vozvrashaetsya veter...» Pis'ma russkogo puteshestvennika. M.: «Demokraticeskaya Rossiya», 1990. 464 s.
3. *Burg D.* O nekotory'x chertax idejnogo brozheniya v Sovetskom Soyuze // Socialisticheskij vestnik. 1958. № 2–3. S. 31–34.
4. *Burg D.* Oppozicionny'e nastroeniya molodezhi v gody' posle «ottepeli». Myunxen: Institut po izucheniyu SSSR, 1960. 64 s.
5. *Glotov B.A.* Preemstvennost' pokolenij // Sociologiya molodezhi: e'nciklopedicheskij slovar' / Pod red. Yu.A. Zubok, A.I. Kovaleva i dr. M.: Academia. S. 370–371.
6. Eshhe odno podtverzhdenie. V SSSR sushhestvuet revolyucionnaya organizaciya! // Posev. 1955. № 3 (454). 16 yanvarya. S. 1.
7. *Karcha R.* Voprosy' obrazovaniya i vospitaniya na XX s'ezde KPSS // VIII konferenciya Instituta po izucheniyu SSSR (Myunxen, 23–24 iyulya 1956 g.) XX s'ezd i sovetskaya dejstvitel'nost': doklady' i diskussii. Myunxen, Institut po izucheniyu SSSR, 1956. S. 149–160.
8. *Kiryushin B.T.* Obzor soby'tij v SSSR posle smerti Stalina. 1953–1958. Vtoraya tetrad'. B.m., 1960. 80 s.
9. *Korin A.* Sovetskaya Rossiya v 40–60-x godax. SShA [Frankfurt-na-Majne: Posev], 1968. 244 s.

10. Molodezh' otvergaet nasilie KPSS // Posev. 1956. № 5 (508). 5 fevralya. S. 3.
11. Molodezh' Sovetskogo Soyuza: sb. st. / Otv. red. A.I. Lebed'. Myunxen: Institut po izucheniyu SSSR, 1959. 104 s.
12. Molodezh' Sovetskogo Soyuza. XIV konferenciya Instituta po izucheniyu SSSR (Myunxen, 5–6 noyabrya 1962 g.). Myunxen: Institut po izucheniyu SSSR, 1962. 160 s.
13. *N.T.* Molodezh' ishhet novy'e puti bor'by'. Rasskaz studenta, vy'rvavshegosya iz SSSR // Posev. 1955. № 5 (456). 30 yanvarya. S. 4.
14. *N.T.* «Ya, kak kommunist, obespokoen...» // Posev. 1955. № 24 (475). 12 iyunya. S. 6.
15. *Nemirov A.* Molodezh'. Ee iskanija i bor'ba. B.m., 1959. 48 s.
16. NTS. My'sl' i delo. B.m., 1990.
17. *Omel'chenko E.L.* Identichnosti i kul'turny'e praktiki rossijskoj molodezhi na grani XX–XXI vv.: avtoref. dis. ... dok. soc. nauk. M., 2005. 48 s.
18. Poiski pravdy'. Oppozicionny'e stixi sovetskix poe'tov. Myunxen: COPE', 1958. 44 s.
19. *Poremskij V.* K teorii revolyucii v usloviyax totalitarnogo rezhima («Molekulyarnaya teoriya») // *Poremskij V.* Problemy' nacional'noj revolyucii. B.m.: Posev, 1952. S. 73–102.
20. *Popov A.V.* Myunxenskij institut po izucheniyu istorii i kul'tury' SSSR i vtoraya volna e'migracii // *Novy'j istoricheskij vestnik.* 2004. № 1 (10). S. 54–70.
21. 58/10. Nadzorny'e proizvodstva Prokuratury' SSSR po delam ob antisovetskoj agitacii i propagande. Mart 1953–1991 gg. Annotirovanny'j katalog / Pod red. V.A. Kozlova i S.V. Mironenko. M.: Mezhdunarodny'j fond «Demokratiya», 1999. 944 s.
22. Rezolyucii s'ezda Soveta NTS // Posev. 1956. № 4 (507). 29 yanvarya. S. 5.
23. *Romanov E.* Sily' revolyucii: dvizhushhie, protivodejstvuyushhie i soputstvuyushhie. B.m.: Posev, 1953. 68 s.
24. *Solonevich B.L.* Molodezh' i G.P.U. Zhizn' i bor'ba sovitskoj molodezhi. Sofiya: Izd. «Golos Rossii», 1937. 464 s.
25. Stary'e — molody'm. B.m. 1960. 108 s.
26. SSSR segodnya. Vy'p. 1. B.m. : COPE', 1961. 108 s.
27. SSSR segodnya. Vy'p. 2. B.m. : COPE', 1962. 52 s.
28. *Shtiger M.* Problema molodezhi v SSSR // XII konferenciya Instituta po izucheniyu SSSR (Myunxen, 27–29 oktyabrya 1960 g.). Problemy' sovetskoj vnutrennej politiki. Myunxen, 1960. S. 85–102.

D.S. Kozlov

Russian Emigrant Journalism about Soviet Youth. 1950–1960s

Transformation of the Soviet youth conception in Russian emigrant press in 1950–1960s is presented in this article. The author traces the transition from the view on the post-war Soviet generation as the potential revolutionary force to the variety of the youth classification and the analysis of different forms of its actions.

Keywords: emigration; Russian emigrants; «Thaw» period; the youth.

А.А. Овчинников

Зенитная артиллерия в приграничных сражениях Западного фронта

В статье рассматриваются боевые действия зенитной артиллерии Западного фронта в начале Великой Отечественной войны. Опубликованные на сегодняшний день исследования содержат лишь отрывочные данные. В статье на основе архивных материалов предпринята попытка более комплексного и системного анализа действий советских зенитчиков.

Ключевые слова: зенитная артиллерия, Западный фронт, Великая Отечественная война.

Зенитная артиллерия не только стояла на страже нашего неба, но и сражалась с наземным противником. Однако на Западном фронте в ходе приграничных сражений ряд объективных факторов не позволил ей показать всю свою мощь.

22-е июня большая часть зенитной артиллерии Западного особого военного округа встретила на сборах в 107-ми км восточнее г. Минска на окружном полигоне в г. Крупки. В частности, там находились 4-й, 7-й и 304-й зенитные артиллерийские дивизионы 6-го механизированного корпуса, 86-й стрелковой и 36-й кавалерийской дивизии. Таким образом, многие войсковые зенитные части оказались далеко в тылу и не могли оказать поддержки войскам. Так, отдельный зенитный дивизион 36-й кавалерийской дивизии 22 июня во время объявления тревоги находился на сборах в лагерях в Крупках и оказался оторван от своей дивизии. Действуя самостоятельно, 24 июня по приказу заместителя начальника Барановичского бригадного района ПВО полковника К.И. Шафранского, он занял оборону в районе станции Столбцы. В дивизионе снарядов и патронов не было, поэтому зенитчики вынуждены были добывать оружие самостоятельно — у отходящих на восток обозов собрали 700 снарядов (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 143). В течение трех дней зенитчики этого дивизиона отбивали воздушные атаки противника, сбив при этом шесть самолетов. 27 июня в 5:00 передовые части немецких войск подошли к ст. Столбцы, и зенитчики вынуждены были совмещать борьбу с наземным противником и вражескими самолетами. Несмотря на это, зенитчикам дивизиона тем утром удалось сбить два немецких самолета. В 11:20 группа танков с мотоциклистами прорвалась через р. Неман в м. Столбцы. Батареи зениток прямой наводкой уничтожили до 37-ми танков противника и

следовавших за ними мотоциклистов. Двум танкам все же удалось прорваться в расположение дивизиона и в упор расстрелять две батареи 76-мм зениток, но там же они были уничтожены гранатами. В ходе этого боя фашисты многократно пытались ввести в заблуждение советских зенитчиков: пуская танки в разведку и в бой, немцы прикрепляли к ним красные флажки, а во время боя 27 июня к командному пункту подползли двое в форме военнослужащих Красной Армии и просили не открывать огонь, так как из леса, откуда шел противник, «должны были выйти наши оставшиеся танки». Из обстрелянных танков, фашистские знаки которых были прикрыты красным материалом, в форме комсостава Красной Армии выходили немецкие офицеры и при сближении вели огонь по нашим командирам и красноармейцам. Во время наступления к руководившему боем полковнику К.И. Шафранскому в форме лейтенанта НКВД подбежал шпион-диверсант и начал призывать бойцов к расправе над полковником, называя его изменником родины, предателем. Диверсант выхватил из рук Шафранского маузер и пытался его убить. При проверке «представитель НКВД» оказался диверсантом без документов с надетой поверх одежды немецкого офицера-парашютиста формой нашего командира (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 145). Тем не менее немцам не удалось ввести в заблуждение советских зенитчиков и все их ухищрения оказались напрасными. К исходу 29 июня зенитный полк передислоцировался в г. Могилев. Во время движения колонны из Минска в Могилев счетверенной зенитно-пулеметной установкой была отбита атака пяти немецких танков и двух автомашин с пехотой. В результате отважных действий расчета зенитной установки два танка противника были сожжены и один подбит. С 30 июня полк встал на защиту неба над Могилевым. До 2 июля зенитчиками было сбито пять немецких самолетов (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 190), что стало существенной помощью нашим войскам, расположенным в городе.

Отлично действовал 346-й отдельный зенитный дивизион 85-й стрелковой дивизии под командованием капитана Гомболевского. Его 12 орудий стояли на окраине г. Гродно и 22 июня, в течение дня, израсходовав всего около 600 снарядов, сбили пять немецких бомбардировщиков [1: с. 53] (в то время как за все время войны на один сбитый самолет противника приходилось в среднем 598 выстрелов зенитной артиллерии среднего калибра [4: с. 68]). Однако к исходу дня 22 июня поступил приказ командующего 3-й армией генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова об отходе из г. Гродно. 86-й зенитный артиллерийский дивизион 2-го стрелкового корпуса также метко бил врага. 24 июня он сбил один вражеский самолет и подбил пять, израсходовав всего 317 76-мм зенитных выстрела [2: с. 183].

393-й зенитный дивизион 42-й стрелковой дивизии утром 22 июня под огнем противника вывел из горящего Бреста три пушки без снарядов, после чего был направлен в г. Береза-Картузская за боеприпасами (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27 «а». Л. 368). Получив снаряды, дивизион уже в первый день войны сбил до четырех самолетов противника, а на следующий день — еще четыре. Однако

танковые части противника обходили наши войска с флангов и заставляли дивизию отступать. В то же время было нарушено снабжение, поскольку почти все окружные артиллерийские склады были уничтожены, в результате боеспособность дивизиона оказалась заметно снижена.

На территории округа помимо войсковой зенитной артиллерии располагались шесть бригадных районов ПВО. Белостокский бригадный район прикрывался силами 4-й бригады ПВО (иногда ошибочно называют 13-ю бригаду ПВО). Это была довольно внушительная сила — только 479-й зенитный артиллерийский полк этой бригады имел на вооружении 60 орудий. Однако действия бригады по отражению первых налетов фашистской авиации сковывались приказом командующего Западной зоной ПВО генерал-майора артиллерии С.С. Сазонова, согласно которому, во избежание провокаций до особого распоряжения открывать огонь по самолетам противника запрещалось [3: с. 19]. Только после 8-ми часов утра 22 июня этот приказ был отменен командующим 10-й армией генерал-лейтенантом К.Д. Голубевым. Однако к этому моменту значительное количество важных объектов (склады, аэродромы, железнодорожные пути) было уничтожено фашистской авиацией.

Барановичский бригадный район ПВО прикрывали 518-й и 751-й зенитные артиллерийские полки. 518-й полк ПВО располагался в г. Барановичи и имел на вооружении два дивизиона 85-мм пушек. Однако уже в первый день войны у зениток полка стали заканчиваться снаряды и немецкие бомбардировщики начали безнаказанно бомбить наши войска. 518-й полк ПВО вынужден был отступать на восток. 28 июня штаб 13-й армии докладывал, что через его боевые порядки «прошел 518-й зенитный артиллерийский полк, который имеет новую матчасть, но ни одного снаряда» [2: с. 173]. Гродно защищали 64 зенитки 751-го полка ПВО. Снарядов им хватило только на два часа. Уже с 6-ти часов утра немецкие самолеты безнаказанно летали над городом на минимальной высоте, гоняясь даже за одиночными людьми! («Архитектура Гродно»: Гродненские истории. Часть V. Утром 22 июня // URL://<http://harodnia.com/a239.php> (дата обращения: 23.08.2012 г.). Ввиду оставления г. Гродно и нарушения снабжения зенитчики вынуждены были отступать, оставив войска без прикрытия с воздуха.

Небо над Минском защищала 7-я отдельная бригада ПВО. К 23 июня в районе Минска развернулись на огневых позициях восемь зенитных батарей двухорудийного состава. Несмотря на то, что 188-й зенитный артиллерийский полк этой бригады только получил новые 85-мм пушки и осваивал их в процессе боя (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 77), в этот день зенитчики сбили над Минском шесть самолетов противника. Для введения в заблуждение нашей системы ПВО немцы использовали самолеты с советскими опознавательными знаками (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 27. Л. 77). Использование немцами советских опознавательных знаков также приводило к неоднократному обстрелу нашей зенитной артиллерией своих самолетов над Минском.

В результате командование фронта вынуждено было отдать приказ о запрете полетов советской бомбардировочной авиации в районе Минска.

В целом зенитные части Западного фронта в начале войны хорошо показали себя как в борьбе с авиацией, так и с танками противника, однако нарушение снабжения сильно снизило их боевые возможности. В начале июля месяца Западный фронт на одну 85-мм зенитку в среднем получал по три выстрела в день (ЦАМО. Ф. 208. Оп 2524. Д. 2. Л. 106). И это при среднем расходе 598-ми выстрелов на один сбитый самолет противника! Таким образом, несмотря на хорошие первоначальные результаты, роль советской зенитной артиллерии в приграничных сражениях неуклонно снижалась в связи с фактическим прекращением снабжения, что в конечном счете и привело к значительным потерям наших войск от авиации противника.

Литература

1. *Галицкий К.Н.* Годы суровых испытаний 1941–1944. Записки командарма. М.: Наука, 1973. 600 с.
2. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 35. М.: Воениздат, 1958. 208 с.
3. Трагедия 1941-го. Причины катастрофы: сборник / Ред.-сост. Г. Пернавский. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 416 с.
4. *Широкорад А.* Зенитные автоматы // *Авиация и космонавтика.* 1996. № 10. С. 37–69.

References

1. *Galiczkij K.N.* Gody' surovy'x ispy'tanij 1941–1944. Zapiski komandarma. M.: Nauka, 1973. 600 s.
2. Sbornik boevy'x dokumentov Velikoj Otechestvennoj vojny'. Vy'p. 35. M.: Voenizdat, 1958. 208 s.
3. Tragediya 1941-go. Prichiny' katastrofy': sbornik / Red.-sost. G. Pernavskij. M.: Yauza; E'ksmo, 2008. 416 s.
4. *Shirokorad A.* Zenitny'e avtomaty' // *Aviatsiya i kosmonavtika.* 1996. № 10. S. 37–69.

A.A. Ovchinnikov

Anti-aircraft Artillery in the Border Battles of the Western Front

The article considers the battles of the anti-aircraft artillery of the Western Front at the beginning of the Great Patriotic war. The currently published researches provide only fragmentary data. In this article on the basis of archival data made an attempt is made for the complex and the system analysis of the actions of the Soviet anti-aircraft gunners.

Keywords: anti-aircraft artillery; Western Front; Great Patriotic war.

С.М. Крыкин

Зерновая «диета» варварских соседей античных эллинов

Статья посвящена особенностям производства зерновых культур эпохи древности. Соседи античных греков не смогли обеспечить товарное производство зерна. Их земледелие не было столь важным делом, источники доходов правители варваров искали в других сферах.

Ключевые слова: зерно; пшеница; ячмень; урожай; хлеб.

В эпоху мезолита люди вынужденно обратили внимание помимо мясной на растительную пищу и, в частности, на злаковые растения. В неолите для стабилизации пищевого рациона кое-где началось искусственное возделывание ряда растений, их domestикация. Возможность сохранения и концентрации пищевых ресурсов позволила оформиться демографическим массивам, которые обрели организацию в виде ранней государственности. Наиболее успешные земледельце-скотоводы породили первые цивилизации, собирая социальный и технологический опыт со всех им доступных территорий.

Спустя многие века, в раннем железном веке, для греков и римлян их образ жизни уже являлся образцовым, важной характеристикой их цивилизации, глобально превосходившей во всем окружавших их варваров. Оценочной категорией цивилизации постепенно стала «правильность» на контрасте многое делавших иначе представителей варварских племен — наиболее жестко это получилось в изложении Аристотеля. Между тем земледельце-скотоводы (причем с превалированием в стаде традиционно мелкого рогатого скота), античные эллины своими достижениями в немалой степени были обязаны природной среде своего расселения, позволившей наладить рыночное сельское хозяйство. Знаменитая средиземноморская триада «пшеница – оливки – виноград» после длительного экспериментирования на технологической базе раннего железного века позволила достичь урожаев, значительно превысивших потребности многих эллинских полисов. Сухие субтропики юга Балканского полуострова оказались весьма для этого удобны, а климатические колебания здесь — не столь существенны

по сравнению с соседями греков, населявшими умеренно континентальную зону. Исследования советских ученых С.А. Семенова [12] и Ю.А. Краснова [6] давно убедили, что ранее освоения железа развитие высокоурожайного земледелия во многих природных зонах Земли просто нереально. В эпоху энеолита севернее будущей эллинской цивилизации сформировались культуры высокого уровня с достаточно развитым земледелием, но еще в эпоху бронзы они прекратили свое существование и на смену оседлым земледельце-скотоводам пришли подвижные скотоводо-земледельцы. Конец II тыс. до н. э. ознаменовался существенным похолоданием, однако в XII–XI вв. до н. э. стало суше и теплее (при этом рухнули древние ахейские княжества). Потом, в середине IX–VIII вв. до н. э., снова стало влажнее и прохладнее. В VII–VI вв. до н. э. снова произошло потепление, однако с начала V и до I в. до н. э. наблюдалось заметное похолодание, сопровождавшееся дождями [18: с. 72; 17: с. 113; 2: с. 4]. При этом качественный состав флоры и фауны не мог серьезно измениться [9: с. 7]. Результатами активной деятельности людей стали постепенное обеднение животного мира и распространение domesticированных растений. Верхушка племен варварской периферии эллинской цивилизации была заинтересована в возможности обмена с наиболее развитыми полисами, для чего были необходимы излишки производства этих племен.

Эталонные раскопки германской экспедиции в греческой Македонии в устье Вардара показали освоение здесь с эпохи бронзы обеих разновидностей пленчатой пшеницы-полбы (*Triticum monococcum*, *Triticum dicoccum* — одно- и двузернянки) и ячменя, чьи посевы дополнялись выращиванием проса, винограда и инжира. В позднебронзовую эпоху пшеница превалировала над ячменем для возможного осуществления обмена с микенским югом. При переходе к раннему железному веку в посевах решительно возобладал ячмень, дополнявшийся однозернянкой и просом [15: с. 242].

Чем же были интересны античным грекам для вероятного экономического сотрудничества их варварские соседи? Опыт шеститысячной греческой армии, проникшей на рубеже V–IV вв. до н. э. в глубь Фракии по приглашению соправителя Одрисского царства под началом знаменитого Ксенофонта, раскрыл элементарную неспособность содержать такое войско из ресурсов этой географически пространной, варварской державы. Производственные возможности сельского хозяйства античного общества и их многовековых соседей-фракийцев существенно различались.

Согласно сведениям Диодора (XX, 22), в 309 г. до н. э. боспорский царь Сатир применил в сражении у реки Фат всех имевшихся у него наемных пехотинцев — 2 тысячи эллинских гоплитов и 2 тысячи фракийских пельтастов. Помимо этих пехотинцев, Сатир содержал наемный флот из 20 триер с аттическими экипажами, то есть еще 4-х тысяч моряков. В свое время В.Д. Блаватский [1: с. 201–204] рассчитал, что именно на это правитель Боспора трагил доходы от поставок 400 тысяч медимнов (21 млн литров или примерно 16 тыс. тонн) пшеницы в Афины. Названный объем поставок составлял до половины необходимого Аттике зернового им-

порта. На сотню лет раньше типовые расценки услуг наемников соответствовали 1 дарикю (= 1 кизикину = 30 «тяжелых» драхм) в месяц рядовому гоплиту (*Xen. Anab.* I, 3, 21; VII, 6, 1). И таким образом, 8 тысяч боспорских наемников требовали на свое содержание как минимум 96 тысяч золотых монет, или 480 талантов.

Фракийский царевич Севт (будущий одрисский царь Севт II) обещал поэтому воинам Ксенофонта плату именно 1 кизикин в месяц (*Xen. Anab.* VII, 2, 36), и таким образом пришлому войску были обещаны 30 талантов в месяц. Если припомнить, что 1 обол в сутки предположительно требовался минимальной по численности семье из трех человек на еду, то таких суточных семейных пайков можно было бы приобрести до 648 тысяч (годовое содержание примерно 12,5 тысяч минимальных семей).

После завершения карательной акции Севта против отколовшихся было от Одрисского царства фракийских племен меландитов, финов и транипсов, которая заняла более двух месяцев, наемникам был предложен расчет. Поначалу Севт располагал двухтысячным одрисским отрядом, сил которого явно не хватало для выполнения военной задачи, почему и потребовалось дополнительное войско, которому помимо питания полагалось заплатить. Царевич предложил эллинам 1 талант, 600 быков, 4 тысячи овец и 120 рабов (*Xen. Anab.* VII, 5, 15), что было воспринято как полный провал соглашения. Весьма непростым делом оказалось просто прокормить наемников: Ксенофонт (VII, 1, 36–41) детально описывает неудачную попытку авантюриста Койратада доставить необходимое продовольствие — воинам пришлось полагаться на добычу в ходе нападений на непокорные фракийские села.

Кстати, Севт по ходу операции дважды предлагал Ксенофонту сократить численность наемного эллинского контингента до 1 тысячи воинов (*Xen. Anab.* VII, 6, 43 и 7, 50–51). Итого — 5 талантов в месяц или 60 в год. Значит, цари Боспора, чьи подданные насчитывали, по мнению А.А. Масленникова, не более 200–250 тысяч человек, могли собрать только для этих целей ровно в 8 раз больше средств за счет интенсивности высокоразвитого сельского хозяйства.

Но стоит ли преувеличивать технологические достижения античных эллинов по сравнению с их соседями, которые могли легко заимствовать положительный опыт? В 1990 году в ходе раскопок у села Ветрен Пловдивской области была открыта стела с греческим текстом договора середины IV в. до н. э. Жители располагавшегося там эмпория Пистирос решили документально узаконить условия своих отношений с племенной верхушкой Одрисской Фракии в лице одного из трех поделивших ее преемников загадочно убитого в 359 г. до н. э. Котиса I — предположительно Аматока [30: № 5557*ter* – P. XLIII–XLIV, 244]. Начатый клятвой именем Диониса декрет среди прочих содержал пару важных фрагментов:

«Земля и пастбища, которые принадлежат эмпоритам (γῆν καὶ βοσκήν ὅσῃν ἔχουσιν ἐμπορίται), — это не подлежит отнятию».

«Клеры пистиренцев не обменивать и не поручать другому лицу».

Прежде предполагалось, что античные эллины не решались строиться на территориях далее трех дней пути от морских берегов, вне возможности прямой поддержки с кораблей. Практика оказалась иной, причем совсем не единичной. В данном же случае Пистирос был основан еще в последней четверти V в. до н. э. в далекой от побережья глубине фракийских земель. Отношения оказались взаимовыгодными и явно наладились. Эмпориты пахали землю на глазах своих фракийских соседей и потому едва ли могли долго обладать неким технологическим превосходством. Однако удастся добраться до механизма получения Одрисами избыточного зерна от своих фракийских подданных.

До нас дошел любопытный отрывок из Псевдо-Аристотеля (*Oeconom.* 1351 A 18–32): будто бы по совету знаменитого афинского стратега и наемника Ификрата одрисский царь Котис I приказал подвластному ему населению засеять для него сверх обычного три (пять — по Полиену) медимна, чтобы выращенное на этих специальных делянках собрать на продажу царем и потратить на приглашение наемников. Болгарский историк Н. Неделчев [21: с. 46–47; 22: с. 26] просто заключил, что для царя Котиса три медимна (один медимн являлся традиционной для античности мерой сыпучих тел, примерно 52,5 литров зерна, и такое количество зерна могло весить порядка 40 кг) высевалось на трех декарах (0,3 гектара) земли, что при низкой урожайности якобы давало полтора центнера зерна. Ветеран болгарской науки Ив. Венедиков [26: с. 54] без сносок и аргументов почему-то определял урожайность у племени финнов на юго-востоке Фракии в размере десяти центнеров с гектара. Между тем пассаж Страбона (VII, 4, 6) об урожайности плодородных долин Крыма позволяет рассуждать об одной тысяче литров (менее восьми центнеров с гектара) [1: с. 158–160]. По нормам количества зерна для посевов, согласно указанию Плиния Старшего (*Nat. Hist.* XVIII, 198–199), предполагались 5 модиев пшеницы и 6 модиев ячменя на один югер (четверть гектара) земли, то есть на один гектар засеивались 3–3,5 медимна пшеницы или 4 медимна ячменя (норма по Цицерону близ Леонтин). У северопонтийских земледельцев урожайность пшеницы не превышала сам-6 или сам-7, а ячменя — сам-5 (то и другое примерно по десять центнеров с гектара). По Колумелле (*De re rust.* III, 3, 4), урожайность в Италии обыкновенно составляла сам-4, тогда как на плодороднейшей Сицилии достигала сам-12 и даже сам-15. В.Д. Блаватский [1: с. 174 и сл.] вычислил норму делянки для одного пахаря на античном Боспоре в 6,3 гектара, проанализировав одну из выкладок у Колумеллы (*De re rust.* II, 12, 7). В.И. Кузищин [7: с. 43] рассчитал, что типичный римский раб благодаря кооперации способен был обрабатывать до 14–17 югеров (от 3,5 до 6 гектаров) под зерновое поле, тогда как семья свободного римского земледельца возделывала в порядке вещей от 4-х до 14-ти югеров (1–3,5 гектаров). Суммируя собранную информацию, можно заключить, что фракийцы должны были для своего царя Котиса возделывать дополнительно по одному гектару пашни на хозяйство. При этом, правда, вспоминается весьма разорительное

для архаической Аттики шестидольничество, предшествовавшее проведению знаменитых реформ Солона.

Считаю нужным добавить, что Н. Неделчев считает факт в одной из «стратегем» Полиена (VII, 32) дублетом информации Псевдо-Аристотеля, только вместо трех медимнов предлагалось засеять пять. Между тем в свое время Хр. Данов [4: с. 136] четко расчленил свидетельства Псевдо-Аристотеля и Полиена: соответственно Ификрат посоветовал Котису засеять по три медимна, а юпарх (ὕπαρχος) Севт предложил одному из преемников Котиса, Керсеблепту, приказать своим подданным крестьянам сеять дополнительно уже по пять медимнов. Похоже, что у Одрисов наметилась была традиция включения в рыночную систему классического античного мира, пресеченная, однако, вторжениями войск Филиппа II и Александра.

Насколько экстраординарной выглядела такая налоговая деятельность царя Котиса, свидетельствует наблюдение Демосфена (XXXIII, 110): будто бы Керсеблепт, сын и один из наследников Котиса, имел ежегодные доходы от греческих эмпориев во Фракии более 300 талантов, если не вел войн, а иначе же — никакие. Описывая грандиозный поход объединенных сил фракийцев в 429 г. до н. э. под руководством Ситалка против Македонии, довольно внимательный к фактам и цифрам Фукидид (II, 95–101) называет численность армии в 150 тысяч бойцов. Резонно, что поход продолжался немногим более недели вследствие недостатка припасов и добытой трофейной пищи. Кстати, Геродот (II, 167) относил фракийцев к числу народов, которые пренебрегали занятием ремеслами и вообще физическим трудом, предполагая делом истинно благородным войну (аналогично скифам, персам и лидийцам). Любопытно также, что Геродот причислил фракийцев к перечню скотоводческих народов, хотя сам только скифов считал абсолютными скотоводами и потому неодолимыми в войне (*Hdt.* IV, 46, 2).

Невзирая на усилия отдельных Одрисов попользоваться плодами собственно фракийского земледелия, мнимые потенции этих землепашцев преувеличивать не следует. Конечно, прибрежная Фракия была плодородной. Живший в III в. до н. э. Аполлоний Родосский в своей поэме «Аргонавтика» (I, 580–630, 793–826) устами фракийской царицы Хипсипилы в рассказе Ясону помянул «заснеженную пахотную землю Фракии». Будто бы подтверждались стародавние утверждения Гомера, для которого Фракия являлась тучнопочвенной и матерью овец. Когда во Фракии Одиссей со спутниками сошли на берег, то пили много вина, заклали много овец и быков (*Hom. II.* II, XI, 22), потом захватили много женщин и прочей добычи. Гомеру македонская Пиерия показалась прекрасной, а Пеония тоже провозглашалась толстопочвенной. Очень похоже, что в его представлении только квалифицированное земледелие могло успешно дополнять хорошо развитое скотоводство [26: с. 31–31]. Однако вспоминается сакраментальное заключение Геродота (V, 6), что у фракийцев «возделывать землю было самым позорным делом». Платон (*De leg.*, 885) же заметил еще большее: фракийцы по образцу

многих прочих варварских племен использовали своих многочисленных жен для работ по обработке земли, для охраны и надзора за скотом, а также в качестве прислуги — то есть для тех самых функций, которые полисные греки стремились перепоручить своим рабам. Подлинно мужским делом было воевать и грабить в традиции племен отсталых или скотоводческих, как то заметили для фракийцев все трое великих классических греческих историков. Безусловно, недоразвитые ремесла и сельское хозяйство приводили к эксплуатации в наиболее трудоемкой производственной деятельности женщин и младших членов семейств [26: с. 50].

Интересно, что зерно так или иначе составляло значительную часть рациона питания даже у кочевников: так, завтрак многих номадов представлял собой кашу или похлебку из толченого зерна. У степных скифов возделывались ячмень и просо, которые активно использовались помимо собственно в пищу также в качестве твердых кормов для скота [3: с. 35–36]. В античном Крыму пленчатые одно- и двузернянка лишь немного дополняли посевы голозерных пшениц, однако и при полном преобладании популяций голозерной пшеницы пленчатые полбы все-таки дожили на полуострове до 1920-х годов. Предположительно полбу особо ценили скифы левобережья Днепра, и именно они принесли двузернянку на север Крыма [10: с. 32]. Прибывшие в Крым греческие колонисты застали там приспособленные для сухого и жаркого климата сорта голозерной пшеницы, пленчатого ячменя и бобовых растений [10: с. 31; 13: с. 69]. Показательно, что именно особая популяция мягкой и карликовой пшеницы *Triticum aestivo-compactum Schieman* стала основной культурой на хоре Херсонеса. По не связанной прямо со скифами версии, древние пленчатые одно- и двузернянка (полбы) и спельта остались в виде незначительных примесей, и лишь иногда двузернянка (эммер) высевалась специально на склонах и сухих плато в предгорьях [13: с. 50]. По мнению молдавской специалистки З.В. Янушевич [13: с. 50; 10: с. 32], пленчатые пшеницы, то есть одно- и двузернянка, едва ли годились для вывоза на экспорт — много времени и сил отнимал процесс очистки зерна от чешуй, а для перевозки урожая в колосках требовался объем тары на 60 % больше, нежели для голозерных пшениц.

По сравнению с голозерными пшеницами, полбы оказываются более устойчивыми к засухе или, наоборот, излишней влажности [9; 13: с. 71–78]. Однако урожаи полбы нормально хранились в снопах или колосьями, а не очищенным зерном [13: с. 76], что как минимум утраивало объем сохранявшейся продукции и требовало солидных помещений для ее хранения. Ячмень же от всходов до колошения обладает коротким вегетационным периодом (38–45 дней), выдерживает самый суровый климат, но требует при этом плодородной и хорошо обработанной почвы.

На будущих фракийских землях еще в неолите распространились полба-двузернянка и шестирядный голозерный ячмень, в примеси с которыми изредка представлены полба-однозернянка и мягкая пшеница. В энеолите — те же пленчатые пшеницы и многорядный голозерный ячмень, а вот

мягкая пшеница специально не культивировалась. В эпоху бронзы ситуация существенно не менялась, давно известное просо не вошло в систему. Как ни странно, по раннему железному веку наблюдения палеоботаников практически отсутствуют. Однако на раннефракийском поселении на холме Невбет-тепе в центре Пловдива (ант. Филиппополь) на рубеже II–I тыс. до н. э. зафиксировано превалирование обеих полб над какими-то иными пшеницами и ячменем. Скупая сводка по памятникам раннего Средневековья фиксирует, что иногда полба-однозернянка опережала мягкую пшеницу, однако чаще и с течением времени наблюдается все более полное преобладание мягкой пшеницы с дополнением посевами ячменя, ржи, овса [9: с. 49–52]. В раннесредневековой Фракии возделывались известные еще с праисторических времен просо, чечевица и горох, из технических культур — лен.

Черноземная Добруджа, где ныне процветает земледелие, с гомеровских времен была населена прославленными конеборцами-гетами — сами греки и потом воспринимали их сугубо как подвижных скотоводов. Здесь возделывались полбы [20: с. 29], и они должны были обеспечить кашами древних скотоводов. Кстати, и земледельческая специализация гетов севернее Дуная, на землях нынешних Румынии и Молдовы [11: с. 184 и сл.], не представляется доказанной. Вообще превалирование ячменя и полб на полях у фракийцев практически с эпохи начала выращивания зерновых может рассматриваться как важный аргумент в пользу глобального заключения об отсутствии у них товарного земледелия, в частности, и товарной экономики вообще. Тот факт, что эмпоритам из Пистироса в сердце Одрисской Фракии гарантированно предоставлялись земельные клеры и пастбища, свидетельствует прежде всего об этом. Золото и вообще солидные доходы у фракийской элиты водились, но главным образом не за счет сельскохозяйственной деятельности собственных подданных-соплеменников.

Утверждения покойного руководителя болгарских фракологов А. Фола во втором издании вузовского учебного пособия по фракологии определенно вызывают смущение. Сформировавшееся в начале неолита (Караново I) фракийское земледелие будто бы в энеолите достигло исключительно высокого уровня благодаря использованию водохранилищ и разливов рек, что привело к производству в достатке пшеницы, ячменя, вики, бобовых растений и винограда [29: с. 63–64]. А с эпох средней и поздней бронзы, якобы благодаря достижениям бронзолитейщиков, наметились тенденции к интенсивному земледелию при возделывании перечисленных культур, а именно полбы одно- (в болгарском оригинале стоит «едро», т. е. «крупно» — явная невнимательность или опечатка) и двузернянки, ячменя, вики, бобовых и винограда [29: с. 73]. Последователь А. Фола Калин Порожанов уделил некоторое внимание проблеме уровня развития древнефракийского земледелия [24: с. 149–152; 28: с. 113]. Он заметил, что еще в энеолите кое-где в будущей Фракии земледелие рано возобладало над прочими способами

добычи пищи (пример — объект у с. Голямо Делчево, Камчийска Стара планина [27: с. 74–75]) либо же еще местами уступало скотоводству и охоте (селище у с. Винница, Шуменско [25: с. 107]). Раскопки раннебронзового селища у с. Эзеро, Новозагорско, якобы продемонстрировали, согласно утверждению К. Порожанова, примерную равноценность земледелия и скотоводства [10: с. 481], в то время как Р. Георгиева осталась во мнении, что земледелие возобладало там со столь раннего времени и доминировало после [16: с. 92]. Болгарский археолог Б.Д. Борисов проанализировал материалы с разновременных памятников в центральной части Верхнефракийской низменности и пришел к выводу о безусловном превалировании скотоводства в полустепной части района в отличие от местностей с близостью к воде, где аналогично с эпохи ранней бронзы возобладало земледелие — обе эти тенденции работали даже и в римское время [14: с. 13]. Что касается разновидностей доминировавших злаковых на полях Фракии в неолите и энеолите, то подтверждаются приоритеты пленчатых пшениц-полб и ячменей, причем имевшие также место голозерные пшеницы представлены были предельно скромно [23: с. 49–53].

В отношении фракийцев эпохи поздней бронзы и начала раннего железного века в части возделывания ими пшеницы и ячменя опорными считаются свидетельства Гомера (*Hom. Il.* XIV, 122–124; XX, 495; *Hom. Od.* IV, 761; V, 126, 488–489; VI, 7–10, VIII, 378, 560; XIII, 282–284; XIX, 111–112; XX, 105–109). Не упустим и важной его оговорки, что гарантией урожайности являлись дожди (*Hom. Od.* IX, 357–358; XIII, 282–284). Таким образом, еще Гомер был информирован, что фракийское земледелие — не поливное, а богарное. К. Порожанов акцентирует, что античные авторы обыкновенно сообщали о ситуации в южной части Фракии, то есть на северном побережье Эгеиды. Из злаковых у фракийцев болгарский историк выделяет полбу, пшеницу и ячмень, при этом объявляя их почему-то экстенсивными культурами, в отличие от будто бы интенсивных винограда, овощей и бобовых. К. Порожанов осторожно объявляет земледелие ранних фракийцев сравнительно низкотоварным и потому, по причине слабой доходности, мало влиявшим на процесс социально-экономического расслоения общества.

В написанной по жесткой марксистской схеме докторской монографии о древней Фракии Т.Д. Златковской [5] недостатки подлинно научной информации, по сути, подменялись железной логикой архаического стереотипа времен античной классики, согласно которой Фракия рассматривалась как страна с ретроградным, недоразвитым, по сравнению с эллинским, обществом, которое продолжало сохранять первобытные родовые начала. При этом советский этнолог, наряду со многими болгарскими фракологами, пришла к нелогичному выводу о высоком уровне земледелия у южных фракийцев, даже якобы высокотоварного. Однако миф о высокой продуктивности фракийской агрикультуры нуждается в опровержении. Именно Т.Д. Златковская оказалась

близка к правильному осознанию сведений античных авторов, но ей не хватило знаний о специфике зерновых культур. Наиболее ярким свидетельством последнего являются ничем тогда не обоснованные и ошибочные утверждения типа: «Несмотря на отсутствие пока анализов древнего зерна из раннефракийских археологических комплексов, несомненно возделывание мягкой пшеницы (*Triticum vulgare Vill.*): вероятно, именно ее имеют в виду античные авторы, упоминая о пшенице. Эта культура была известна племенам, населявшим Фракию еще в эпоху энеолита и в бронзовом веке. Но, вероятно, большое значение имела твердая пшеница-двузернянка, или эммер (*Triticum dicocum*), более распространенная в древности на Балканском полуострове вообще и резко преобладающая в ранних археологических памятниках Болгарии. Пшеница-однозернянка (*Triticum monocosmum L.*) — это полба, о которой с пренебрежением упоминал Демосфен» [5: с. 34–35].

Демосфен (*Chers.* VIII, 45) в своей речи о положении дел на Херсонесе Фракийском поведал конкретно о фракийских зимних ямах-погребках с полбой и просом. Фракийское зерно упоминалось Псевдо-Аристотелем (*Oeconom.*, II, 1351 A), Фронтином (III, 15, 5) и Теофрастом (*De caus. plant.*, IV, 2, 5). Теофраст при этом описал характерные особенности условий вегетации: «Фракийское зерно имеет много шелухи и поздно прорастает. Причина того и другого — холода. И поэтому фракийское зерно, даже посеянное рано в другом месте, прорастает и вызревает позднее, и наоборот: зерно, принесенное из другого места и там посеянное, рано прорастает». Речь будто бы шла о фракийской пшенице, однако французский исследователь О. Жарде, акцентируя на использовании Теофрастом определения *πολύχιτων*, предположил, что речь тут шла не о пшенице (голозерной — как обычно воспринимают это слово), а о зерновых культурах с твердой оболочкой типа проса или полбы. Плиний Старший (*Hist. Nat.*, XVIII, 69) конкретно называл, вероятно в традиции Теофраста, фракийские злаки со многими оболочками (*plurimis tunicis vestitur*) пшеницей. Бесспорно, речь шла о пленчатых пшеницах-полбах. Акцентирую также, что фракологи без комментариев отбрасывают указание Помпония Мелы (*Pomp. Mela. De chronograph.*, II, 2) о суровости климата глубинной Фракии по сравнению с ее приморской частью (Северная Эгеида), холодах и малом плодородии почв, что вело к затрудненной и поздней вегетации, причем даже плодовых деревьев выросло мало.

Между тем надолго установились давние выводы Хр. Данова, смысл которых сводился к доказательствам высокой товарности фракийского земледелия [4]. Объяснить это может тот важнейший момент, что ко времени выхода сборника «Античное общество» (М., 1967) палеоботаника еще не подтвердила наблюдений Теофраста, Псевдо-Аристотеля и Плиния Старшего. Хр. Данов отринул утверждения о возделывании фракийцами лишь низших видов пшеницы. Между тем собранная им информация о плодородии фракийских земель касается исключительно приэгейских территорий, где землю возделывало отнюдь не реликтовое население. Можно использовать информацию Аппиана (*Bel. Civ.*, 426–427) о ситуации на мысе Серион близ устья Хеброта (ныне Марица): «...даже при нали-

чии плодородной почвы в древнее время не был населен, поскольку фракийцы не были мореплавателями и не спускались на побережье, опасаясь вторжения со стороны моря. Халкидяне и другие эллины, которые были мореплавателями, его заняли и привели к расцвету с помощью торговли и земледелия. Фракийцы были довольны совершавшимся там обменом сезонных продуктов, пока в конце концов Филипп, сын Аминты, изгнал халкидян и прочих греков, и там уже больше ничего не оставалось кроме руин храмов».

Голозерная мягкая пшеница на фракийских землях в неолите в виде редкой примеси вместе с полбой-однозернянкой дополняла полбу-однозернянку и шестирядный голозерный ячмень. И дальше, вплоть до гомеровских времен, палеоботаниками специальные посевы и сборы на фракийских памятниках не зафиксированы. Затем для посевной базы исторических фракийцев невольно оформилась ситуация *ante quem* — *post quem*. Скромная сводка по памятникам раннего Средневековья убеждает, что и тогда полба-однозернянка иногда опережала по распространению голозерную пшеницу. Но все же более частое и обыкновенно более позднее преобладание мягкой пшеницы сопровождалось посевами ячменя, ржи (не признававшейся античными греками) и овса [9: с. 49–52]. Эта растительная пища дополнялась также известными с праисторических времен просом, чечевицей и горохом. Особо следует коснуться вопроса о распространении на южнофракийских землях гексаплоидных *Triticum aestivo-compactum Schiem.* и *Triticum compactum Host.*, а также тетраплоида *Triticum durum Desf.*, то есть сочетаний мягкой и карликовой, карликовой и твердой пшениц. Они были сравнительно редки, возделывались в неолите, изредка в эпоху бронзы и затем только в Средние века. В нынешней Болгарии мягкая пшеница представлена 13-ю разновидностями для разных условий и почв.

Для сравнения с фракийцами интересны наблюдения палеоботаников в отношении аграрной деятельности других соседей античных греков — прикубанских меотов [8]. Среди прочих злаковых решительно доминировало сочетание мягкой и карликовой пшениц *Triticum aestivo-compactum Schiem.*, часто попадалось просо, изредка полба *Triticum dicocum* и, как ни странно, рожь *Secale cereale*, крайне редко ячмень и единично чечевица. Предположительно меоты выращивали мягкую пшеницу для перепродажи на вывоз через Боспор в Грецию, а просо — для себя и своего скота.

Достаточно интересная ситуация складывалась близ классического Византия, основанного на территории по соседству с фракийскими племенами. Еще Полибий (IV, 45) писал о жителях полиса: «Они владеют очень богатой землей, и, когда обрабатывают ее, она дает им изобильные и богатые урожаи». Позднее Цицерон в своей речи против Пизона (*In Pis.*, 35) невольно засвидетельствовал высокую хлебородность Эгейской Фракии вообще и земель близ Византии в частности. Задолго до этого спартанский наварх Анаксибий заявил представителю шеститысячное наемное войско Ксенофону (*Anab.*, VII, 1, 13): «Еду найдете во фракийских селах. Там много ячменя, пшеницы и других припасов». Те же блага обещал наемникам и авантюрист Койратад, посуливший им выгод-

ный рейд во фракийскую Дельту близ Византия (*Xen. Anab.*, VII, 1, 33–41) ради той же «большой добычи». Сам Ксенофонт многократно обсуждал с нанявшим войско Севтом возможности снабжаться продовольствием в попадавшихся фракийских селах (*Xen. Anab.*, VII, 3, 5 et 9). Ив. Венедиков [26: с. 52–54] подсчитал, что 6 тысяч греков в 10,5 км и еще 12-ти часах пешего марша от проливов в селах фракийцев финнов за более чем месяц употребили порядка 180 тонн зерна в качестве хлебного довольствия, причем главным образом ячменя.

Помимо пшеницы-полбы и ячменя фракийцы выращивали и другие, менее значимые зерновые культуры. Например, в северной части Фракии производилась βριζα — это местное название донес нам знаменитый римский медик Гален (*De alim. facult.* I, 113), и, вероятнее всего, оно обозначало считавшуюся у античных греков сорняком рожь [26: с. 63]. Упомянутое Демосфеном фракийское просо в некоторых местах оказывалось даже базовой культурой. Так, Ксенофонт (*Anab.* VII, 5) писал о «просоедах»-мелинофагах в горах Странджи, причем наемники презрели это сомнительное с их точки зрения угощение даже по сравнению с ячменем. Атеней (IV, 131a) иронически воспроизвел мнимое приданое фракийской принцессы: «Два табуна буланых лошадей, стадо коз, подземное хранилище с луком и пифос проса». Действительно, просо *Panicum miliaceum L.* распространилось у фракийцев с эпохи бронзы.

Кроме того, палеоботаники заметили у фракийцев окультуренный, где-то тоже в эпоху бронзы, прежний засоритель посевов полбы-двузернянки овес *Avena sativa*. На Балканах в условной земледельческой триаде пшеницу и ячмень дополняли бобовые культуры, тогда как на Ближнем Востоке третьим компонентом являлся лен [9: с. 15–20].

Литература

1. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: АН СССР, 1953. 208 с.
2. Блаватский В.Д. Природа и античное общество. М.: Наука, 1976. 79 с.
3. Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989. 110 с.
4. Данов Хр. К вопросу об экономике Фракии и ее черноморского и эгейского побережий в позднеклассическую и эллинистическую эпохи // Античное общество. М., 1967. С. 131–139.
5. Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. М.: Наука, 1972. 268 с.
6. Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. 168 с.
7. Кузицин В.И. Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н. э. – I в. н.э. (Проблема производительности рабского труда и его эволюции) // Античное общество. М., 1967. С. 38–45.
8. Лебедева Е.Ю. Результаты исследований палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник 5. М.: Наука, 1994. С. 108–112.
9. Лисицына Г.Н., Филипович Л.А. Палеоботанические находки на Балканском полуострове // *Studia Praehistorica* 4. София, 1980. С. 5–80.

10. *Николаенко Г.М., Марченко Л.В.* Антропогенное воздействие на природу в регионе Юго-Западного Крыма в IV—III вв. до н. э. // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Наукова думка, 1994. С. 30–43.
11. *Никулицэ И.Т.* Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев: Штиинца, 1987. 270 с.
12. *Семенов С.А.* История земледелия. Л.: Наука, 1974. 318 с.
13. *Янушевич З.В.* Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоботанические исследования. Кишинев: Штиинца, 1986. 91 с.
14. *Борисов Б.* Състояние, проблеми и перспективи на археологическите проучвания в района комплекса «Марица – Изток» // «Марица – Изток». Археологически проучвания. Т. I. София, 1991. С. 13–32.
15. *Васић Р.* Рец.: Helmut Kroll. Die Pflanzenfunde. Kastanas // Старинар. XXXVI. 1985. Београд, 1985. С. 242.
16. *Георгиева Р.* Проучвания на желязната епоха в района на «Марица – Изток» // «Марица – Изток». Археологически проучвания. Т. I. София, 1991. С. 91–104.
17. *Георгиева Р, Спиридонов Т., Рехо М.* Тъкани и местно облекло (края на II–I хил. пр. н. е.) // Етнология на траките. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. С. 112–154.
18. *Георгиева Р, Спиридонов Т., Рехо М.* Храна и хранене (края на II–I хил. пр. н. е.) // Етнология на траките. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. С. 71–111.
19. *Езеро.* Раннобронзовото селище. София: Издателство на Българската академия на науките, 1979. 548 с.
20. *История на Добруджа.* Т. I. София: Издателство на Българската академия на науките, 1984. 196 с.
21. *Неделчев Н.* Thracia libera. Велико Търново: Vital, 1996. 140 с.
22. *Неделчев Н.* Към въпроса за аграрните отношения в предримска Тракия // Thracia Antiqua 8. София, 1982. С. 21–28.
23. *Попова Цв.* Палеоботанични изследвания от археологически обекти в Североизточна България // Археология. София, 1991. № 2. С. 49–53.
24. *Порожанов К.* Общество и държавност у траките: средата на II – нач. на I хил. пр. Хр.). София: Бълг. академия на науките. Ин-т по тракология, 1998. 207 с.
25. *Радунчева А.* Винаща. Енеолитното селище и некропол (Разкопки и проучвания. Кн. 6). София: Издателство на Българската академия на науките, 1976. 146 с.
26. *Развитие на земеделието по българските земи / Съст. Ив. Венедиков.* София: Земиздат, 1981. 151 с.
27. *Тодорова Х.* Археологическо проучване на селищната могила и некропола при Голямо Делчево (Разкопки и проучвания. Кн. 5). София: Издателство на Българската академия на науките, 1975. С. 5–204.
28. *Тракийска древност: кратка енциклопедия.* София: Аргес, 1993. 315 с.
29. *Фол А.* История на българските земи в древността до края на III в. пр. н.е. Изд. 2-е. София: Изд-во на университета «Св. Климент Охридски», 1997. 449 с.
30. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. V. София: Издателство на Българската академия на науките, 1997. 495 p.

References

1. *Blavatskij V.D.* Zemledelie v antichny'x gosudarstvax Severnogo Prichernomor'ya. M.: AN SSSR, 1953. 208 s.
2. *Blavatskij V.D.* Priroda i antichnoe obshhestvo. M.: Nauka, 1976. 79 s.
3. *Gavrilyuk N.A.* Domashnee proizvodstvo i by't stepny'x skifov. Kiev: Naukova dumka, 1989. 110 s.
4. *Danov Xr.* K voprosu ob e'konomike Frakii i eyo chernomorskogo i e'gejskogo poberezhij v pozdneklassicheskuyu i e'llinisticheskuyu e'poxi // Antichnoe obshhestvo. M., 1967. S. 131–139.
5. *Zlatkovskaya T.D.* Vozniknovenie gosudarstva u frakijcev. M.: Nauka, 1972. 268 s.
6. *Krasnov Yu.A.* Rannee zemledelie i zhivotnovodstvo v lesnoj polose Vostochnoj Evropy'. M.: Nauka, 1971. 168 s.
7. *Kuzishhin V.I.* Normy' i stepen' e'kspluatacii truda sel'skoxozyajstvenny'x rabov v Italii II v. do n. e'. – I v. n.e'. (Problema proizvoditel'nosti rabskogo truda i ego e'volucii) // Antichnoe obshhestvo. M., 1967. S. 38–45.
8. *Lebedeva E.Yu.* Rezul'taty' issledovanij paleobotanicheskix materialov s meotskix pamyatnikov Prikuban'ya // Bosporskij sbornik 5. M.: Nauka, 1994. C. 108–112.
9. *Lisiczy'na G.N., Filipovich L.A.* Paleobotanicheskie naxodki na Balkanskom poluostruve // Studia Praehistorica 4. Sofiya: 1980. S. 5–80.
10. *Nikolaenko G.M., Marchenko L.V.* Antropogennoe vozdejstvie na prirodu v regione Yugo-Zapadnogo Kry'ma v IV–III vv. do n. e'. // Severo-Zapadny'j Kry'm v antichnuyu e'poxu. Kiev: Naukova dumka, 1994. S. 30–43.
11. *Nikulicze I.T.* Severny'e frakijcy' v VI–I vv. do n. e'. Kishinev: Shtiincza, 1987. 270 s.
12. *Semenov S.A.* Istoriya zemledeliya. L.: Nauka, 1974. 318 s.
13. *Yanushevich Z.V.* Kul'turny'e rasteniya Severnogo Prichernomor'ya. Paleobotanicheskie issledovaniya. Kishinev: Shtiincza, 1986. 91 s.
14. *Borisov B.* S'toyanie, problemi i perspektivi na arxeologicheskite prouchvaniya v rajona kompleksa «Maricza – Iztok» // «Maricza – Iztok». Arxeologicheski prouchvaniya. T. I. Sofiya, 1991. S. 13–32.
15. *Vasih R.* Rec.: Helmut Kroll. Die Pflanzenfunde. Kastanas // Starinar. XXXVI. 1985. Beograd, 1985. S. 242.
16. *Georgieva R.* Prouchvaniya na zhelyaznata epoxa v rajona na «Maricza – Iztok» // «Maricza – Iztok». Arxeologicheski prouchvaniya. T. I. Sofiya, 1991. S. 91–104.
17. *Georgieva R, Spiridonov T., Rexo M.* T'kani i mestno obleklo (kraya na II–I xil. pr. n.e.) // Etnologiya na trakite. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Oxridski», 1999. S. 112–154.
18. *Georgieva R, Spiridonov T., Rexo M.* Xrana i xranene (kraya na II–I xil. pr. n.e.) // Etnologiya na trakite. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Oxridski», 1999. S. 71–111.
19. *Ezero.* Rannobronzovoto selishhe. Sofiya: Izdatelstvo na B'lgarskata akademiya na naukite, 1979. 548 c.
20. *Istoriya na Dobrudzha.* T. I. Sofiya: Izdatelstvo na B'lgarskata akademiya na naukite, 1984. 196 s.
21. *Nedelchev N.* Thracia libera. Veliko T'rnovo: Vital, 1996. 140 c.
22. *Nedelchev N.* K'm v'prosa za agrarnite otnosheniya v predrimska Trakiya // Thracia Antiqua 8. Sofiya, 1982. S. 21–28.

23. *Popova Cv.* Paleobotanichni izsledvaniya ot arxeologicheski obekti v Severoiztochna B'lgariya // Arxeologiya. Sofiya, 1991. № 2. S. 49–53.
24. *Porozhanov K.* Obshhestvo i d'rzhavnost u trakite: sredata na II–nach. na i xil. pr. Xr.). Sofiya: B'lg. akademiya na naukite. In-t po trakologiya, 1998. 207 s.
25. *Raduncheva A.* Vinica. Eneolitnoto selishhe i nekropol (Razkopki i prouchvaniya. Kn. 6). Sofiya: Izdatelstvo na B'lgarskata akademiya na naukite, 1976. 146 s.
26. Razvitie na zemedeliето po b'lgarskite zemi / S'st. Iv. Venedikov. Sofiya: Zemizdat, 1981. 151 s.
27. *Todorova X.* Arxeologicheskо prouchvane na selishhnata mogila i nekropola pri Golyamo Delchevo (Razkopki i prouchvaniya. Kn. 5). Sofiya: Izdatelstvo na B'lgarskata akademiya na naukite, 1975. S. 5–204.
28. Trakijska drevnost: kratka enciklopediya. Sofiya: Arges, 1993. 315 s.
29. *Fol A.* Istoriya na b'lgarskite zemi v drevnostta do kraya na III v. pr. n.e. Izd. 2-e. Sofiya: Izd-vo na universiteta «Sv. Kliment Oхridski», 1997. 449 s.
30. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae (IGBR). Vol. V. Sofiya: Izdatelstvo na B'lgarskata akademiya na naukite, 1997. 495 p.

S.M. Krykin

Grain «Diet» of Barbarian Neighbors of Ancient Hellenes

The article is devoted to the peculiarities of grain production of antiquity. Neighbors of ancient Greeks were not able to provide the commodity grain production. Their agriculture was not so important to them. The barbarian rulers search for sources of income in other areas.

Keywords: grain; wheat; barley; harvest; bread.

А.Г. Караваяев

Потомки Марка Антония — правители восточных государств

В статье исследуются малоизученные вопросы римской генеалогии, в частности, родственные связи римской аристократии и восточных эллинистических династий. Рассмотрение нисходящей генеалогии потомства триумвира Марка Антония показывает, что родственники представителей римского нобилитета Поздней республики и императоров династии Юлиев-Клавдиев являлись правителями государств различных частей Средиземноморья.

Ключевые слова: Древний Рим; эллинизм; генеалогия; династии.

В изучении античной истории немаловажное значение имеют исследования в области генеалогии, прослеживающей родственные связи исторических личностей. Данные генеалогии и просопографии позволяют прояснить многие исторические события и, таким образом, играют существенную роль в познании прошлого. Ярким примером может служить изучение родственных связей между представителями римской аристократии периода Поздней республики и Ранней империи, времени изменения политического строя Римского государства и окончания эпохи эллинизма в странах Средиземноморья.

В связи с этим необходимо обратить внимание на уникальный и малоизученный в отечественном антиковедении исторический факт: посредством династических связей на рубеже нашей эры правителями ряда эллинистических государств являлись потомки представителей аристократических фамилий Рима и ближайшие родственники римских императоров. Это связано с личностью Марка Антония (14.01.83 – 01.08.30 гг. до н. э.), сподвижника диктатора Г. Юлия Цезаря и триумвира. Потомки М. Антония от третьего и четвертого браков (с Фульвией и Октавией Младшей) принадлежали к фамилиям Антониев, Домициев Агенобарбов, Клавдиев Неронов, Валериев Мессал, Корнелиев Сулл и др., имевшим прямое отношение к династии Юлиев-Клавдиев, три императора которой (Калигула, Клавдий, Нерон) были прямыми потомками триумвира.

Цель настоящей статьи состоит в изучении обширной нисходящей генеалогии потомства М. Антония от второго (с кузиной Антонией Гибридой) и пятого (с египетской царицей Клеопатрой VII) браков. При этом нужно отметить, что в античных источниках генеалогические сведения носят фрагментарный характер, поэтому только комплексное изучение и сопоставление

данных исторических свидетельств делает возможным извлечение просопографической информации и, следовательно, восстановление генеалогий.

Старшая дочь триумвира от второго брака Антония (ок. 55/50 – после 29 г. до н. э.) [21: Pars I. A 705; 16: s. 380. № 12] в 36/35 г. до н. э. стала женой знатного грека Пифодора (ок. 70 — после 29 г. до н. э.) (Strabo, XII, 3, 29) [11: p. 227–228; 21: Pars III. P 835]. По сообщению Страбона, он был уроженцем г. Нисы в Малой Азии и переселился в г. Траллы «ради славы этого города», выделяясь дружбой с триумвиром Гнеем Помпеем (Strabo, XIV, 1, 42). Немалая роль династического брака Пифодора и Антонии в истории Средиземноморья отмечена в исследованиях [3: с. 89, 127]. Их дочь Пифодорида (ок. 30/29 г. до н. э. – ок. 38 г.), названная Страбоном «женщиной мудрой, способной руководить государственными делами» (Strabo, XII, 3, 29), стала царицей Понтийского царства [11: p. 224–225; 21: Pars III. P 834]. Она являлась двоюродной сестрой четвертого императора Рима Клавдия, прославленного римского полководца Германика, консула 32 г. Гнея Домиция Агенобарба (отца принцепса Нерона), последнего мавретанского царя Птолемея, которые также были потомками М. Антония. На востоке Антония и Пифодорида получили греческие эпитеты: первая — «Эвергетиды» (благотельница), вторая — «Филометора» (любящая мать). Их имена упоминаются в посвятителной надписи из г. Смирны (Малая Азия) [19: № 1407], найденной в 1868 году и исследованной Т. Моммзеном в приложении к Корпусу латинских надписей. Ученый убедительно доказал, что царица Пифодорида являлась внучкой триумвира Марка Антония [17: Vol. I. p. 270–276]. Исследование Т. Моммзена продолжил отечественный ученый А.В. Орешников [5: с. 3–7]. В настоящее время происхождение Пифодориды от М. Антония не вызывает сомнений.

В 12 г. до н. э. Пифодорида стала женой царя Понта Полемона I Эвсеба [21: Pars III. P 405], сына ритора Зенона из г. Лаодикеи на Лике (Малая Азия). Известно, что среди родственников Полемона были влиятельные политические деятели и ученые [9: с. 309; 10: с. 214; 14: p. 53]. Полемон получил римское гражданство с родовым именем «Marcus Antonius», триумвир Марк Антоний назначил его царем Киликии Трахеи (App., B. C., V, 75). После отстранения от власти понтийского царя Дария, внука Митридата VI, Антоний сделал Полемона также царем Понта (Strabo, XII, 3, 38). После падения Антония Полемон перешел на сторону Октавиана и в 14 г. до н. э. получил от Августа Боспорское царство (Dio Cass., Hist. Rom., 54, 24), но погиб в 8/7 г. до н. э. в борьбе с местными племенами (Strabo, XI, 2, 11; XII, 3, 29).

Таким образом, престолы Понта и Боспора перешли к его вдове Пифодориде, которая правила в Понтийском царстве в 8 г. до н. э. – 22/23 г. При этом по решению императора Августа условием ее признания в статусе полноправной и законной царицы был повторный брак, совершенный в 3/2 г. до н. э. с царем Каппадокии и Малой Армении Архелаем I Филопатором (Strabo, XII, 3, 29) [21: Pars I. A 830; 9: с. 327]. Он поддержал Марка Антония в войне

триумвиров. После низложения в 36 г. до н. э. царя Ариарата X Эвсеба Филладельфа и пресечения династии Ариобарзанидов Архелай (носивший тогда имя Сисинна), как родственник Ариарата X по боковой линии и тоже потомок Ариобарзана I Филоромэя, распоряжением Антония стал царем Каппадокии (App., В. С., V, 7) [6: с. 117–118; 3: с. 74; 4: с. 216]. Известно, что принцепс Тиберий начал свою гражданскую деятельность с защиты Архелая в нескольких процессах (Suet., Tib., 37; Tac., Ann., II, 42) [14: р. 158]. Архелай правил более пятидесяти лет и умер в 17 г., после чего Каппадокия была превращена в римскую провинцию (Strabo, XII, 1, 4; Dio Cass., Hist. Rom., 7, 17) [6: с. 118, 125; 3: с. 124]. Нужно упомянуть также, что царь Архелай являлся внуком верховного жреца г. Комана в Каппадокии Архелая (ум. 55 г. до н. э.) (Strabo, XII, 2, 3), выдававшего себя за сына великого понтийского царя Митридата VI Эвпатора (Strabo, XVII, 1, 11; Dio Cass., 39, 75, 1–2). Это позволило ему в 56 г. до н. э. стать царем Египта, женившись на его правительнице Беренике IV (Strabo, XII, 3, 34), старшей сестре знаменитой Клеопатры VII.

От Полемона I и Пифодориды ведет свое начало понтийская династия Полемонидов [17: Vol. II. р. 263; 5: с. 17]. Из сообщения Страбона известно, что супруги имели троих детей (Strabo, XIII, 3, 29), которые носили родовое имя «Marcus Antonius» и являлись двоюродными племянниками принцепса Клавдия и троюродными братьями и сестрой императора Гая Калигулы. Император Нерон приходился им троюродным братом по отцу и троюродным племянником по матери. Старший сын, которого, вероятно, звали Марк Антоний Полемон, был соправителем матери, оставаясь частным человеком (Strabo, XII, 3, 29), а позже стал правителем г. Ольба (Киликия Трахезя) в сане верховного жреца [9: с. 332, 335; 11: р. 225; 20: р. 41]. Второй сын Марк Антоний Зенон [21: Pars III. Z 5] в 18 году стал царем Великой Армении (Strabo, XII, 3, 29) с тронным именем Арташес III. Корнелий Тацит в «Анналах» повествует, что в столице страны Артаксате римский полководец Германик (его двоюродный дядя и тоже потомок Марка Антония) возложил на него знаки царского достоинства (Tac., Ann., II, 56).

Дочь Полемона I и Пифодориды Антония Трифена (ок. 10 г. до н. э. – 49 г.) [21: Pars I. A 718], троюродная сестра римских императриц Мессалины и Агриппины Младшей, после смерти матери считалась правительницей Понта в качестве опекунши, регентши и соправительницы своих малолетних детей [9: с. 334–335], что подтверждается эпиграфическими данными, величающими ее как царицу, дочь и мать царей [19: № 144, 147, 148; 20: р. 44–46]. Антония Трифена связала родственными узами правящий род Полемонидов и Одрисскую династию Фракии, известную с VI в. до н. э. В середине I в. до н. э. она разделилась на две линии: Астейскую (потомки Садаласа I) и Сапейскую (потомки Котиса I), из которой происходил супруг Трифены Гай Юлий Котис III (VIII) [21: Pars I. C 1269], царь восточной части Фракии (Strabo, XII, 3, 29). Он был сыном царя всей Фракии Реметалка I (ум. 13 г.). После кончины Реметалка I принцепс Окта-

виан Август отдал власть над одной частью фракийцев его брату Рескупорию II, а над другой — его сыну Котису III (Тас., *Ann.*, II, 64) [11: p. 175–176; 14: p. 152–156; 17: Vol. II. p. 262]. В 19 году Котис был убит Рескупорием II (Тас., *Ann.*, II, 66). Тогда же решением римского сената власть во Фракии была разделена между сыном Рескупория Реметалком II и малолетними детьми Котиса, опекуном которых стал римский претор Требеллиен Руф (Тас., *Ann.*, II, 67; III, 38) [8: с. 197; 24: p. 555].

Сестрой Котиса, как показано в исследовании С.Ю. Сапрыкина [7: с. 163–165], являлась боспорская царица Гипеирия, супруга царя Аспурга, сына правительницы Динамии и правнука Митридата VI Эвпатора, ранее называвшаяся дочерью Антонии Трифены [20: p. 50]. Сыновьями Гипеирии были последующие цари Митридат III (VIII) Филопатор и Тиберий Юлий Котис I, который, став «другом римского народа», продолжил сарматско-фракийскую династию Боспора (род Аспургидов или так называемая династия Тибериев Юлиев), известную до середины IV века.

Четверо детей Котиса III и Антонии Трифены были троюродными племянниками императора Калигулы и четвероюродными братьями и сестрой принцепса Нерона. Они носили перешедшее им от отца родовое имя «Gaius Iulius» и некоторое время воспитывались при дворе императора Тиберия. В октябре 38 года по решению римского сената Гай Калигула даровал сыновьям Антонии Трифены некоторые подвластные Риму территории. Гай Юлий Реметалк III [21: Pars III. R 52] был объявлен царем Фракии [19: № 145], при этом его сестра Пифодорида Младшая стала его соправительницей [9: с. 333–334] (ранее предполагалось, что она была супругой кузена Реметалка II [20: p. 48–49]). Гай Юлий Котис IV (IX) [21: Pars I. C 1270] стал царем Малой Армении (Dio Cass., *Hist. Rom.*, 59, 12) и правил до своего смещения принцепсом Клавдием в 47 году (Тас., *Ann.*, XI, 8–9). Гай Юлий (позже — Марк Антоний) Полемон II (ок. 15/12 г. до н. э. — ок. 70/74 г.) [21: Pars III. P 406], ошибочно названный «сыном Полемона» у Диона Кассия (Dio Cass., *Hist. Rom.*, 59, 12), после смерти боспорского царя Аспурга был объявлен Калигулой царем Понта и Боспора, но власть на Боспоре перешла к сыну Аспурга Митридату VIII. Император Клавдий в 41 году признал Полемона царем Понта и части Киликии (Dio Cass., *Hist. Rom.*, 60, 8). В 64 году Понтийское царство было упразднено его родственником императором Нероном (Suet., *Nero*, 18; Тас., *Hist.*, III, 47; Eutrop., *Brev.*, VII, 14; Aur. *Vict.*, *De Caes.*, 5, 2), при этом Полемон II сохранил владения в Киликии, где правил до времени императора Гальбы [1: с. 182–185].

Полемон породнился с домом Иродиадов — царей, тетрархов, этнархов Иудеи и прилегающих областей. Женой понтийского царя стала Юлия Береника [21: Pars II. I 431], правнучка Ирода Великого, дочь царя Иудеи и Самарии Марка Юлия Ирода Агриппы I (11/10 г. до н. э. — 44 г.) и его двоюродной сестры и жены Кипры [11: p. 107–108]. Иосиф Флавий повествует, что после смерти своего мужа, царя Халкиды Ирода II, она сама уговорила Полемона

жениться на ней, на что тот согласился, рассчитывая на ее богатство. Но этот брак закончился разводом, и Полемон отказался от иудаизма (Ios. Flav., Ant., XX, 7, 3). Родственником Юлии Береники был прокуратор Иудеи и префект Египта Тиберий Юлий Александр [21: Pars II. I 92], первым провозгласивший в 69 году полководца Флавия Веспасиана новым римским императором (Suet., Vesp., 6). Второй раз Полемон II вступил в брак с Юлией Маммеей, дочерью правителя г. Эмесы (Сирия) Сампсигерама II (ок. 20 г. до н. э. – 42 г.) [13: p. 70, 222, 224]. В ознаменование этого союза Полемон II принял титул великого царя (Βασιλέων Μεγάλου).

Далее следует обратиться к потомству Марка Антония от пятой супруги, царицы Клеопатры VII (70/69 – 12.08.30 г. до н. э.), «женщины, обладавшей величайшим значением своей эпохи» (Ios. Flav., Ant., XV, 4, 2). (Впрочем, брак этот был заключен по египетским обрядам и с точки зрения римского права являлся незаконным.) Клеопатра Теа Филопатра принадлежала к египетской династии Птолемеев, основанной диадохом Александра Македонского, ставшим в 305 г. до н. э. царем Птолемеем I Сотером. Среди ее предков — многие греческие и восточные династии, от македонских Аргеадов до персидских Ахеменидов. Так, например, шестияродной сестрой Клеопатры являлась правительница Боспора Динамия [21: Pars II. D 182], внучка знаменитого Митридата VI Эвпатора (обе царицы были потомками царя Понта Митридата II и селевкидской принцессы Лаодики III).

Трое детей триумвира и царицы (также принадлежавших к династии Птолемеев) были открыто признаны отцом. Во время торжественной церемонии в Александрии в 34 г. до н. э. Антоний даровал Клеопатре и своим детям восточные провинции Рима и зависимые царства, чем усугубил всеобщее негодование в Риме (Dio Cass., Hist. Rom., 49, 41). По сообщению Плутарха, Клеопатра стала царицей Египта, Кипра, Африки и Келесирии, а ее сыновья получили парфянский титул «царь царей» (Plut., Ant., 54). Марк Антоний отмечал, что «многочисленное потомство и появление на свет будущих царей умножает знать» (Plut., Ant., 36). Своего старшего сына Александра Гелиуса (40 – после 20 г. до н. э.) Антоний провозгласил царем Армении и царем царей Мидии и части Парфии [21: Pars I. A 359]. В 34 г. до н. э. после победы над Арменией Марк Антоний заключил договор с царем Мидии Атропатены Артаваздом I (ок. 65 – 20 гг. до н. э.) [21: Pars I. A 955] и обручил сына с его малолетней дочерью Иотапой (Plut., Ant., 53) [21: Pars II. I 33]. Артавазд был также правителем Малой Армении (под именем Артавазда III) (Dio Cass., Hist. Rom., 54, 9) [2: с. 155] и происходил из древнего и могущественного рода Аршакидов, царей Парфии с середины III в. до н. э. Захвативший Египет в 30 г. до н. э. Октавиан расторг помолвку, Иотапа вернулась на родину и позже вступила в брак с царем Коммагены Митридатом III (ум. 12 г. до н. э.) [21: Pars II. M 452; 22: p. 83; 6: с. 129]. Коммагенская династия Птолемаидов была

ответвлением рода Ервантидов (Оронтидов), царей Армении, считавших себя потомками Ахеменидов. Младший сын триумвира и царицы Птолемей Филадельф (36 – после 20 г. до н. э.) [21: Pars III. P 770] был провозглашен царем Киликии, Сирии и Финикии (Plut., Ant., 54; Dio Cass., Hist. Rom., 49, 32).

Дочь Клеопатра Селена (40 г. до н. э. – ок. 6/11 г.) [21: Pars I. C 897] стала царицей Ливии и Киренаики (Plut., Ant., 54; Dio Cass., Hist. Rom., 49, 32, 41; 50, 25–26). Она была замужем за Гаем Юлием Юбой II (52 г. до н. э. – 23 г.) [21: Pars II. I 48], царем Мавретании с 25 г. до н. э., самым ученым и образованным среди царей того времени (Plut., Ant., 87; Dio Cass., Hist. Rom., 51, 15; Strabo, XVII, 3, 7). Он был сыном последнего царя Нумидии Юбы I (ум. 46 г. до н. э.), внучатого племянника знаменитого Югурты, и происходил из династии Масиниссидов. Этот род восходил к сестре прославленного карфагенского полководца Ганнибала (Luc., Phars., 8, 287), чьи предки Баркиды были потомками мифологической царицы Дидоны, возлюбленной героя Энея. Юба был взят в Рим Г. Юлием Цезарем, получил римское гражданство и родовое имя «Gaius Iulius». Плутарх пишет, что он «попал в счастливейший плен, так как из варвара и нумидийца превратился в одного из самых ученых греческих писателей» (Plut., Caes., 55). Октавиан Август женил его на Клеопатре Селене и даровал часть отцовских владений (Amp., Lib. Mem., 38, 2) [14: p. 60–61]. Второй женой Юбы II стала Глафира [21: Pars II. G 109], дочь вышеупомянутого царя Каппадокии Архелая от его брака с армянской принцессой (Jos. Flav., Ant., XVII, 13, 4). Ее потомки от первого брака с сыном Ирода Великого Александром [21: Pars I. A 361] являлись царями Великой Армении [21: Pars III. T 149, 150].

Сыном Юбы и Селены был последний царь Мавретании Птолемей (ок. 10 г. до н. э. – 40 г.) [21: Pars III. P 764], которого пригласил в Рим и позже казнил его двоюродный племянник император Калигула (Strabo, XVII, 3, 7; Suet., Cal., 35; Dio Cass., Hist. Rom., 59, 29). Мавретания была присоединена к империи при императоре Клавдии, который являлся двоюродным братом царя Птолемея. Супругой Птолемея была Юлия Урания, чье имя упоминается в эпитафических источниках и относительно происхождения которой в исследованиях нет единства мнений. Вероятно, она была связана с династиями Парфии и Эмесы и являлась дочерью Сампсигерама II Эмесского [21: Pars III. S 124] либо парфянского царя Фраата IV [21: Pars III. P 297; 22: p. 252].

Корнелий Тацит в своем труде «История» упоминает о внучке Марка Антония и царицы Клеопатры по имени Друзилла [21: Pars II. D 170] и повествует, что ее взял в жены прокуратор Иудеи Антоний Феликс [21: Pars I. A 659; 15: p. 179–180], которого Тацит называет рабом на троне (Tac., Hist., V, 9). Он был вольноотпущенником дочери Марка Антония Антонии Младшей и братом временщика Палланта (Tac., Ann., XII, 53). В 52 году император Клавдий назначил Феликса прокуратором Иудеи (Jos. Flav., Ant., XX, 7, 1) [23: p. 269]. Поэтому, вступив в брак, он стал «внучатым зятем того самого Антония, вну-

ком которого был Клавдий» (Тас., Hist., V, 9). На основании данного источника можно заключить, что Друзилла была дочерью Клеопатры Селены и мавретанского царя Юбы II, однако эпиграфический материал дополняет сведения о родословной мавретанского царского дома. Предполагается, что дочь Селены традиционно для птолемеевской династии называлась Клеопатрой, а супруга Феликса Друзилла являлась дочерью мавретанского царя Птолемея и получила уже римское имя [20: р. 56; 22: р. 251–252]. Светоний, упоминая об Антонии Феликсе в биографии императора Клавдия, называет его супругом трех цариц (*trium reginarum maritus*) (Suet., Claud., 28). Известно также, что следующей женой Феликса стала иудейская принцесса Юлия Друзилла (ок. 15/20 – 79 гг.), сестра супруги понтийского царя Полемона II Береники [21: Pars II. D 169; 18: р. 746]. Вместе с Феликсом она упоминается в «Деяниях святых апостолов» в связи с допросами апостола Павла (Acta Apost., 24, 24–26). От Друзиллы у Феликса родился сын Антоний Агриппа [21: Pars I. A 642], который погиб вместе с матерью в Помпеях при извержении Везувия 24 августа 79 года (Ios. Flav., Ant., XX, 7, 2).

Юлия Друзилла ранее была замужем за правителем Эмесы, сыном Сампсигерама II Азизом (ум. 54 г.) [21: Pars I. A 1359; 23: р. 270, 273], брат и преемник которого Гай Юлий Сохэм (ум. 73 г.) [21: Pars III. S 545] стал первым супругом мавретанской принцессы Друзиллы (Ios. Flav., Ant., XX, 8, 4) (стемма династии Сампсигерамидов [12: р. 35] показывает Сохэма сыном Азиза, что противоречит данным источника). В 54 году Сохэм получил от императора Нерона царский титул (Тас., Ann., XIII, 7), после чего пользовался родовым именем «Gaius Iulius». На стороне Рима он участвовал в Иудейской войне (Ios. Flav., Bell. Iud., II, 18, 9; III, 4, 2; VII, 7, 1), но после смерти Сохэма его владения были присоединены к провинции Сирия (Тас., Ann., XII, 23). Потомками Сохэма и Друзиллы являлись дальнейшие представители эмесской династии, среди которых царь Армении середины II в. н. э. Сохэм [21: Pars III. S 546] и жрец Юлий Бассиан [21: Pars II. I 130; 13: р. 72, 217]. Дочь последнего Юлия Домна (ум. 217 г.) [21: Pars II. I 438] стала супругой императора Септимия Севера (146–211 гг.) и положила начало правлению в Риме «сирийских императриц» (SHA, Sev., III, 9). Римские императоры Каракалла (174/186–217 гг.) и Гета (189–212 гг.), дети Юлии Домны, а также сыновья ее племянниц Юлии Созмии и Юлии Маммеи императоры Элагабал (204–222 гг.) и Александр (206/208–235 гг.) были, таким образом, прямыми потомками триумвира Марка Антония и Клеопатры VII. Также из сборника «Scriptores Historiae Augustae» известно (SHA, Trig. tyr., XXX, 2), что потомком Клеопатры и, следовательно, Антония была знаменитая правительница Пальмиры Септимия Зенобия (Bathzabbai) (ок. 240 – 272/274 гг.) [21: Pars III. S 355], проводившая политику расширения своего государства, но побежденная императором Аврелианом (SHA, Aurel., XXVIII, 1–3). Впоследствии она жила в Италии и

предположительно вышла замуж за римского сенатора. Ее потомки принадлежали к римской аристократии и пользовались известностью в позднейшее время (SHA, Trig. tyr., XXVII, 2; Eutrop., Brev., IX, 13, 2).

В заключение можно упомянуть также еще одну генеалогическую связь между Римом и Востоком — союз Юлия Цезаря и Клеопатры, от которого родился сын Цезарион (47–30 гг. до н. э.) [21: Pars III. P 769], последний царь Египта Птолемей XV Филопатор Филометор. Однако брака с царицей Цезарь не заключал, а его сын был казнен своим родственником Октавианом и потомства не оставил (Plut., Ant., 81; Suet., Aug., 17).

Представленный генеалогический обзор показывает, что римские принцессы, представители нобильских фамилий и восточные монархи были связаны родством. Некоторые императоры Рима и властители Средиземноморья имели своим родоначальником триумвира Марка Антония, политическая деятельность которого во многом была связана с восточными областями римского государства. Династические связи с римскими императорами имели цари Понта, Боспора, Фракии, Египта, Мавретании, Киликии, Каппадокии, Коммагены, Великой и Малой Армении, Мидии, Иудеи, Эмесы, Пальмиры. Они являлись союзными Риму монархами — «друзьями Цезаря и друзьями римлян» (*amici Caesaris et amici populi Romani*). Многие представители восточных династий, возводя свою родословную к Антонию, а через него — к римской *nobilitas*, наряду с выдающимися фамилиями Рима вошли в правящую элиту Римской империи. Проведенное исследование родственных связей между римскими и восточными правителями позволяет сделать вывод о значимости использования данных генеалогии для изучения политической истории античного мира.

Литература

1. *Абрамзон М.Г.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). СПб.: Акра, Гуманитарная Академия, 2005. 256 с.
2. *Бокщанин А.Г.* Парфия и Рим. Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II: Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 304 с.
3. *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.: АН СССР, 1951. 136 с.
4. *Машкин Н.А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: АН СССР, 1949. 686 с.
5. *Орешиников А.В.* Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1902. № 34. С. 1–17.
6. *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I–III вв. н. э. М.; Л.: АН СССР, 1949. 264 с.
7. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002. 272 с.
8. *Сапрыкин С.Ю.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире: сб. ст. М.: Наука, 1995. С. 181–203.

9. *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. 348 с.
10. *Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове и образе. М.: Прогресс, 1984. 312 с.
11. *Amici Populi Romani. Prosopographie der auswärtigen Freunde Roms (Prosopography of the Foreign Friends of Rome).* Red. 03 / Ed. A. Coskun. Waterloo, Ontario: Waterloo Institute for Hellenistic Studies, 2010. 284 p.
12. *Ball W.* Rome in the East: The transformation of the an empire. L.; N. Y.: Routledge, 2002. xx, 525 p.
13. *Birley A.R.* Septimius Severus. The African emperor. L.; N. Y.: Routledge, 1999. xii, 294 p.
14. *Bowersock G.W.* Augustus and the Greek World. Oxford: The Clarendon Press, 1965. xii, 178 p.
15. *Braund D.C.* Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. L.; Canberra: Croom Helm; N. Y.: St. Martins Press, 1984. iv, 228 p.
16. *Drumann W.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd. I. Berlin: Verlag von G. Borntraeger, 1899. viii, 486 s.
17. *Ephemeris Epigraphica. Corporis Inscriptionum Latinarum supplementum. Vol. I.* Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1872. vi, 316 p.; Vol. II. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1875. ii, 518 p.
18. *Goodman M.* Judaea // The Cambridge Ancient History. Vol. X: The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69 / Ed. A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 737–781.
19. *Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. Vol. IV / Ed. G. Lafaye.* Paris: Librairie Ernest Leroux, 1927. viii, 744 p.
20. *Macurdy G.H.* Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire. Baltimore: The Johns Hopkins press, 1937. xii, 148 p.
21. *Prosopographia Imperii Romani. Saec. I. II. III. Pars I / Ed. E. Klebs.* Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1897. x, 492 p.; Pars II / Ed. H. Dessau. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1897. iv, 446 p.; Pars III / Ed. P. de Rohden, H. Dessau. Berolini: Apud Georgium Reimerum, 1898. iv, 504 p.
22. *Roller D.W.* The World of Juba II and Kleopatra Selene: Royal Scholarship on Rome's African Frontier. N. Y.; L.: Routledge, 2003. xvi, 352 p.
23. *Smallwood E.M.* The Jews under Roman rule: From Pompey to Diocletian. Leiden; Boston: E. J. Brill, 1976. xviii, 596 p.
24. *Wilkes J.J.* The Danubian and Balkan provinces // The Cambridge Ancient History. Vol. X: The Augustan Empire, 43 B.C. – A.D. 69 / Ed. A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 545–585.

References

1. *Abramzon M.G.* Римское владычество на Востоке: Рим и Киликия (II в. до н. э. – 74 г. н. э.). СПб.: Akra, Gumanitarnaya Akademiya, 2005. 256 s.
2. *Bokshhanin A.G.* Парфия и Рим. Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира. Ч. II: Система политического дуализма в Передней Азии. М.: Изд-во Моск. un-та, 1966. 304 s.

3. *Golubczova E.S.* Severnoe Prichernomor'e i Rim na rubezhe nashej e'ry'. M.: AN SSSR, 1951. 136 s.
4. *Mashkin N.A.* Principat Avgusta. Proisxozhdenie i social'naya sushhnost'. M.; L.: AN SSSR, 1949. 686 s.
5. *Oreshnikov A.V.* Pifodorida i ee rod v Pontijskom czarstve // *Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arxivnoj komissii.* 1902. № 34. S. 1–17.
6. *Ranovich A.B.* Vostochny'e provincii Rimskoj imperii v I–III vv. n. e'. M.; L.: AN SSSR, 1949. 264 s.
7. *Sapry'kin S.Yu.* Bosporskoe czarstvo na rubezhe dvux e'pox. M.: Nauka, 2002. 272 s.
8. *Sapry'kin S.Yu.* Zhenshhiny'-pravitel'niczy' Pontijskogo i Bosporskogo czarstv (Dinamiya, Pifodorida, Antoniya Trifena) // *Zhenshhina v antichnom mire: sb. st.* M.: Nauka, 1995. S. 181–203.
9. *Sapry'kin S.Yu.* Pontijskoe czarstvo. Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. M.: Nauka, 1996. 348 s.
10. *Xafner G.* Vy'dayushhiesya portrety' antichnosti. 337 portretov v slove i obraze. M.: Progress, 1984. 312 s.

A.G. Karavaev

Descendants of Marcus Antonius — Rulers of East Countries

In article the low-studied questions of the Roman genealogy, in particular, related communications of the Roman aristocracy and east Hellenistic dynasties are investigated. Consideration of descending genealogy of posterity of triumvir Marcus Antonius shows that relatives of representatives of Roman nobility the Late republic and emperors of Julio-Claudian dynasty were rulers of the countries of various parts of the Mediterranean.

Keywords: Ancient Rome; Hellenistic Age; genealogy; dynasties.

К.А. Лукьянов

Сила и слабость норвежских бондов IX–XI веков

Статья посвящена проблеме сложности общественного положения норвежских домохозяев в конце «Эпохи викингов». На материале скандинавских саг автор стремится выявить особенности и показать специфику отдельного периода социально-го и политического развития древнегерманского общества Норвегии. Приходится признать, что, обладая многими свободами, бонды не всегда могли их реализовать на деле: их влияние в обществе было различным и зависело от множества причин.

Ключевые слова: норвежские бонды; тинг; вождь; конунг.

Тема особого социального положения народных масс скандинавского полуострова стала важным объектом внимания для историков, занятых исследованием переходных форм развития общества, имеющих место при распаде родоплеменных и формировании раннефеодальных отношений [1; 3–9]. Благодаря их наработкам мы знаем о большом объеме прав и свобод, которыми обладали жители севера Европы, в отличие от населения запада [1–2; 11]. При этом в современном общественном сознании сложился портрет смелого и независимого домохозяина, крайне воинственного и строго соблюдающего чувство личного достоинства. Назвать этот стереотип неверным сложно, но и от реальности он так же далек хотя бы по причине излишней идеализации прошлого. Проблема объема свобод и возможности их реализации в обществе все еще остается, на наш взгляд, актуальной. Без понимания, каким на самом деле был правопорядок в норвежских землях, мы получим весьма статичную картину того, как должно было быть по законам и обычаям, но порой не существовало на деле.

Для рассмотрения данного вопроса необходимо обратить внимание на некоторые реалии норвежского общества того времени. Начнем с того, что человек, не владеющий оружием, вряд ли мог претендовать на личную свободу. Тем более что опасность попасть в жернова какого-либо конфликта была крайне высока. В этих условиях ратное мастерство было залогом выживания как в обороне от непрошенных гостей, так и в нападении, например в случае нехватки ресурсов. Поэтому базовым индикатором социального положения свободного человека было владение оружием, при помощи которого он и отстаивал свои интересы. Оружие было всегда при них, в том числе и во время проведения народных собраний — тингов. Ситуация, когда вождь являлся

на тинг, а «бонды, собравшиеся там, были во всеоружии» — вполне рядовая для того времени [12: с. 139]. Разумно полагать, что, превосходя в количестве даже самую большую дружину любого вождя, общинники вели себя весьма уверенно и часто пытались диктовать правителям свою волю. Их консервативные желания и потребности регулярно расходились с инициативами конунгов.

В этом смысле крайне показательным является дошедшее до нас описание событий, происходивших на Фростатинге, народном собрании жителей Грандхейма, в конце 990-х годов. Из него мы узнаем, что «когда тинг начался, конунг (Олав Трюггвисон) обратился к народу, требуя принятия христианства. Но едва он начал говорить, как бонды закричали, чтобы он замолчал, грозя, что в противном случае они нападут на него и прогонят прочь» [12: с. 139]. Такая угроза вполне имела под собой основание, и «видя, что бонды в ярости, а также что рать их настолько велика, что он не сможет ей противостоять, Олав конунг повернул свою речь так, как будто он уступает бондам» [12: с. 140].

Могущество общинников, действующих спаянно и руководимых авторитетным лидером, несомненно. Однако в случае отсутствия руководителя, способного возглавить бондов, их влияние на происходящее вокруг стремительно падало. Проблема непокорности общинников решалась либо ликвидацией их лидеров, будь то Железный Скегги [12: с. 141] или Эйнар Брюхотряс [12: с. 427], либо путем переговоров [12: с. 186–187], либо методом шантажа (сначала проходили убийства и грабежи в их усадьбах, а затем — навязывание своей воли оставшимся в живых) [12: с. 271–272]. Но даже после этого принятие власти вождя не гарантировало верности общинников, если, по их мнению, их продолжали притеснять. Сколько бы ни подавлял недовольных конунг Олав Святой, он так и не смог добиться массовой поддержки среди простого населения, за его спиной присягнувшего датскому правителю Кнуту Могучему [12: с. 324–336]. Силовой способ решения проблемы непокорных был хорош лишь вкупе с другими, но их-то у конунга-христианизатора и не было, что в конечном итоге привело к падению его власти.

Учитывая столь серьезный потенциал бондов, нужно пояснить, почему они чаще проигрывали противостояния, чем выигрывали. Даже победив конунга Олава Святого в прямом военном противостоянии в битве при Стикластадире в 1030 году, они добились обратных результатов и лишь ухудшили свое положение, что прекрасно видно по законам нового правителя — Свейна. Причины этого кроются в том, что, в отличие от вождей, воины-бонды далеко не всегда расценивали боевые действия как средство для самоутверждения и обеспечения всем необходимым в жизни. Бонды в сагах — это почти всегда свободные земледельцы, в экономическом плане — производители благ в обществе. Уже одно это — положение в системе производственного распределения общественных обязанностей — не позволяло им регулярно заниматься военным ремеслом. Правда, их также нельзя сравнить и с зависимыми

крестьянами Западной Европы. Основой жизни бондов был одаль, родовое земельное владение, передаваемое по наследству. Обладавшие такими земельными владениями бонды были объединены в общины и вместе отстаивали свои интересы.

Для решения возникавших проблем периодически созывали тинг. Наиболее важной причиной такой кооперации была трудность самообороны от внешних врагов. Именно для решения этого вопроса общины стали приглашать выдающихся воинов и их соратников, выделяя их за это из процесса производства. Со временем эти выдвиженцы становились вождями и приобретали немалое влияние. Но традиции, обычаи и даже правовые нормы менялись несколько медленнее, чем сами условия жизни. Тинг продолжал быть местом, где выбирали и утверждали военного предводителя, согласовывали с ним различные вопросы взаимодействия [12: с. 74–76], учреждали законы [12: с. 72]. Из выше перечисленного уже стало ясно, что многие переговоры проходили крайне напряженно, иногда переходя в прямое вооруженное столкновение. Но конунги, переигрывавшие с подобным прессингом, недолго удерживались на престоле, а вовремя понимавшие опасность, как Магнус Добрый, получали возможность спасти свою власть, отказавшись от репрессивной политики [12: с. 387–388].

Но, как бы там ни было, подобный союз был необходим и бондам, иначе без вождя их войско превращалось в плохо управляемую массу. «Это была огромная толпа», описываемая в различных сагах, особенно красочно — в «Саге об Олаве Святом» [12: с. 355]. Для превращения агрессивного людского собрания в боеспособную армию и был необходим вождь, способный направить бушевавшую энергию в нужное русло. Пусть бонды и были воинами, они не были профессионалами. После гибели Эйнара Брюхотряса от рук людей Харальда Сурового, возглавившего недовольство общинников, «у бондов опустились руки, потому что они остались без предводителя. Они подбадривали один другого, говоря, что позор не отомстить за своего вождя, и все же никто не двинулся с места» [12: с. 425–427]. Не были бонды и регулярной армией. Еще к временам Хакона Доброго было решено, что «их ополчение должно было собираться, когда чужеземное войско вторгалось в страну» [12: с. 78]. Более того, они обязаны были самостоятельно не только вооружиться, но и предоставить корабли. Вожди служили гарантом защиты от внешнего нападения — команды викингов, вендов или датских вождей регулярно представляли угрозу для Норвегии.

Ради безопасности бондам приходилось не только терпеть агрессию наемного войска в мирное время, но и содержать вождей с дружинами, оторванных от производства, путем «кормления». Дабы бойцы целиком и полностью смогли сосредоточить свои усилия на ратном искусстве, их поочередно содержали общины. Все пиршества сопровождалось религиозным компонентом и были предназначены скорее для сплочения «воинов-защитников» и «тружеников тыла». Ни о каком налоге в Норвегии времен «Эпохи Викингов» речи быть не могло, скорее,

вожди считались обязанными выполнять свои функции. Неспособные к этому попадали в сложную ситуацию. Ятмаландцы и хельсингьяландцы, жители пограничных районов между Норвегией и Швецией, родом из первой, самостоятельно решали, кому из конунгов платить подать за защиту [12: с. 291–292]. Не уступали им в самостоятельности и жители норвежского Уппленда [12: с. 444], правда, им не позволили долго проводить такую политику. Вожди, оценившие блага жизни за счет «кормления», частенько соперничали между собой, предпочитая не замечать пожелания бондов, если те разнились с их интересами [12: с. 447]. Дабы не зависеть от желаний масс, склонных к переменам, вожди всячески пытаются позиционировать сборы на собственное содержание как обязательные. Подати из жеста доброй воли постепенно превращались в своеобразный протоналог. Так, норвежские конунги активно начали навязывать свои услуги соседним со страной Атлантическим общинам, например, Фарерской. Последние активно сопротивлялись [10: с. 142–211; 12: с. 278].

Еще одной важной обязанностью бондов было участие в ополчении. Оно созывалось правителями страны для решения крупномасштабных военных задач, в том числе — обороны Норвегии от иноземных захватчиков. Обычно организацией ополчения на местах занимались лендрманны или другие влиятельные и приближенные к властителям вожди. Разъезжая по местным тингам, они сообщали населению о мобилизации и контролировали процесс сбора. «На этом тинге каждый показывал свое оружие, и проверялось, все ли, кто был должен, снарядили свои корабли», — находим мы в источнике свидетельство обязанности общинников приходить в войско со своим вооружением [12: с. 296]. Учитывая, что среди них были люди, выжитые со своих земель влиятельными богачами вроде Харека с Тьотты или разграбленные людьми конунгов-христианизаторов, становится очевидным, что вооруженность, как и социальное положение этих воинов, значительно различались. Усиление прав одних слоев общества происходило за счет других.

Литература

1. *Анохин Г.И.* Общинные традиции норвежского крестьянства. М.: Наука, 1971. 207 с.
2. *Губанов И.Б.* Структура древнескандинавского общества по материалам родовых саг // Скандинавские чтения 1998 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Наука, 1999. С. 40–48.
3. *Гуревич А.Я.* Круг Земной и история Норвегии // Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Ладомир: Наука, 1995. С. 612–632.
4. *Гуревич А.Я.* Норвежское общество в раннее Средневековье // Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. С. 151–368.
5. *Гуревич А.Я.* О некоторых особенностях норвежского феодализма // Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. М.: Традиция, 2009. С. 371–384.

6. *Гуревич А.Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии // Гуревич А.Я. Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. С. 127–340.
7. *Гуревич А.Я.* Так называемое «отнятие одаля» королем Харальдом Прекрасноволосым (Из истории возникновения раннефеодального государства в Норвегии) // Скандинавский сборник II. Таллин: Эстонское государственное изд-во, 1957. С. 8–37.
8. *Гуревич А.Я.* Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм // История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет: сб. науч. ст. М.: Изд-во Российского гуманитарного университета, 2005. С. 28–49.
9. *Закс В.А.* «Эдда» Снорри Стурлусона и социальная действительность раннесредневековой Скандинавии // Скандинавский сборник XXV. Таллин: «Ээсти Раамат», 1980. С. 7–18.
10. Сага о Фарерцах. Исландские саги. Т.2 / Пер. прозаич. текста с древнеисл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; Стихи в пер. А.В. Циммерлинга и С.Ю. Агишева; под ред. С.Ю. Агишева, А.В. Бусыгина, В.В. Рыбакова. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 142–211.
11. История Норвегии / [А.Я. Гуревич, В.В. Рогинский, А.С. Кан (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. 710 с.
12. *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. / Издание подготовили: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М.: Ладомир: Наука, 1995. 685 с.

References

1. *Anoxin G.I.* Obshhinny'e tradicii norvezhskogo krest'yanstva. М.: Nauka, 1971. 207 s.
2. *Gubanov I.B.* Struktura drevneskandinavskogo obshhestva po materialam rodovy'x sag // Skandinavskie chteniya 1998 goda. E'tnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty'. SPb.: Nauka, 1999. S. 40–48.
3. *Gurevich A.Ya.* Krug Zemnoj i istoriya Norvegii // Snorri Sturluson. Krug Zemnoj / Izdanie podgotovili: A.Ya. Gurevich, Yu.K. Kuz'menko, O.A. Smirniczkaya, M.I. Steblin-Kamenskij. М.: Ladomir: Nauka, 1995. S. 612–632.
4. *Gurevich A.Ya.* Norvezhskoe obshhestvo v rannee srednevekov'e // Gurevich A.Ya. Izbranny'e trudy'. Norvezhskoe obshhestvo. М.: Tradiciya, 2009. S. 151–368.
5. *Gurevich A.Ya.* O nekotory'x osobennostyax norvezhskogo feodalizma // Gurevich A.Ya. Izbranny'e trudy'. Norvezhskoe obshhestvo. М.: Tradiciya, 2009. S. 371–384.
6. *Gurevich A.Ya.* Svobodnoe krest'yanstvo feodal'noj Norvegii // Gurevich A.Ya. Izbranny'e trudy'. Krest'yanstvo srednevekovoj Norvegii. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburg. un-ta, 2006. S. 127–340.
7. *Gurevich A.Ya.* Tak nazy'vaemoe «otnyatie odalya» korolem Haral'dom Prekrasnovolosy'm (Iz istorii vzniknoveniya rannefeodal'nogo gosudarstva v Norvegii) // Skandinavskij sbornik II. Tallin: E'stonskoe gosudarstvennoe izd-vo, 1957. S. 8–37.
8. *Gurevich A.Ya.* Yazy'k istoricheskogo istochnika i social'naya dejstvitel'nost': srednevekovy'j bilingvizm // Istoriya — neskonchaemy'j spor. Medievistika i skandinavistika: stat'i razny'x let: sb. nauch. st. М.: Изд-во Россиjsкого гуманитарного университета, 2005. С. 28–49.

9. Zaks V.A. «E'dda» Snorri Sturlusona i social'naya dejstvitel'nost' rannesrednevekovoj Skandinavii // Skandinavskij sbornik XXV. Tallin: «E'e'sti Raamat», 1980. S. 7–18.
10. Saga o Farerczax. Islandskie sagi. T. 2 / Per. prozaich. teksta s drevneisl., obshh. red. i komment. A.V. Cimmerlinga; stixi v per. A.V. Cimmerlinga i S.Yu. Agisheva; pod red. S.Yu. Agisheva, A.V. Busygina, V.V. Rybakova. M.: Yazyki russoj kul'tury, 2004. S. 142–211.
11. Istoriya Norvegii / [A.Ya. Gurevich, V.V. Roginskij, A.S. Kan (otv. red.) i dr.]. M.: Nauka, 1980. 710 s.
12. *Snorri Sturluson*. Krug Zemnoj / Izdanie podgotovili: A.Ya. Gurevich, Yu.K. Kuz'menko, O.A. Smirniczkaya, M.I. Steblin-Kamenskij. M.: Ladomir: Nauka, 1995. 685 s.

K.A. Lukianov

Force and Weakness of Norwegian Bonds of IX–XI Centuries

The Article is devoted to a problem of complexity of social status of Norwegian bonds in the end of the «Viking Age». On the data of the Scandinavian sagas the author aspires to reveal features and to show specificity of a single period of social and political development of ancient German society of Norway. We have to admit that having a lot of freedom, bonds were not always able to implement them in practice: their influence in society was different and depended on many factors.

Keywords: the Norwegian bonds; Ting; the leader; konung.

Р.В. Фурцев

Политика миланских дипломатов при дворе Максимилиана I в 1494–1495 годах

В статье с использованием системного и историко-сравнительного подходов анализируется дипломатическая практика представителей Лодовико Моро при дворе Максимилиана I в период начальной фазы Итальянских войн. Автор раскрывает основные цели и задачи миланских послов и показывает способы их достижения. Рассмотрены структура, механизм и особенности функционирования миссий Милана в ходе решения внешнеполитических проблем, главной из которых являлся вопрос военного сдерживания Франции с опорой на союз с империей.

Ключевые слова: политика; дипломатия; империя; Сфорца; Максимилиан I.

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Конец XV века стал важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В этот период изменяются границы, формируются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Аспекты внешней политики любой страны особенно четко вырисовываются во время международных конфликтов, что дает возможность более детально проследить весь ход дипломатических отношений. Знаковым событием в Европе в 1494–1495 годах стала итальянская кампания французского короля Карла VIII. Поскольку в ту эпоху одним из ключевых игроков на европейской политической сцене выступал Максимилиан I Габсбург, то многие государства Италии искали с ним союза ради сдерживания французской экспансии. Не было исключением и правитель Милана Лодовико Сфорца по прозвищу Моро, развивший бурную дипломатическую деятельность для достижения собственных целей. Весомым фактором внутренней политики империи, оказавшим, однако, существенное влияние на внешнеполитическую ситуацию в Европе, явился в эти годы Вормский рейхстаг, который привнес новую динамику в развитие империи, что не в последнюю очередь связано с попытками сословий провести реформы государственного управления и создать себе более прочную основу во взаимоотношениях с Габсбургом.

По сравнению с посольствами других итальянских государств дипломатическая миссия Милана при дворе Максимилиана I в середине 90-х годов

XV века была представлена значительно большим числом как официальных лиц, так и разного рода агентов, информаторов и лоббистов, что объяснялось немалыми финансовыми ресурсами миланского правителя Лодовико Сфорцы. Ведущими дипломатами, отстаивавшими интересы Милана в империи в данный период, были Эразмо Браша и Анджело Фиоренца [2: р. 445]. Браша, пользовавшийся особым доверием Габсбурга, с осени 1494 года действовал в качестве постоянного представителя Сфорцы при королевском дворе и располагал целым штатом сотрудников, помогавших ему выполнять официальные поручения в отношениях с монархом и имперскими сословиями. Среди помощников Браши прежде всего стоит упомянуть его родного брата Санкто, а также Бальтазара Пустерлу и Джованни Марлиано. Эта тройка активно участвовала в дипломатической подготовке герцогской инвеституры Лодовико. Причем если Пустерла и Марлиано присутствовали на Вормсском рейхстаге в роли наблюдателей лишь в начальной фазе работы имперского собрания, то Эразмо Браша и особенно Фиоренца принимали участие в заседаниях рейхстага вплоть до принятия заключительной резолюции [7: №1578а, р. 169]. Официальным дипломатическим статусом обладал и секретарь королевы Бьянки Марии Джованни Колла, с мая-июня 1495 года находившийся в непосредственном окружении главы империи.

Кроме того, постоянные представители либо эмиссары Сфорцы при дворе эрцгерцога Филиппа в Нидерландах также косвенно или напрямую (если Максимилиан I сам находился в тех краях) могли вступать в контакт с монаршим двором. Поэтому Лодовико придавал большое значение бесперебойному функционированию своей миссии в Бургундии и Нидерландах, в том числе и для решения политических вопросов в координации с миланскими дипломатами в Германии. Так, в ноябре 1494 года посол Милана при дворе эрцгерцога Филиппа Маффео Пировани получил от Моро распоряжение оказать поддержку Эразмо Браше в его переговорах о герцогской инвеституре во время пребывания Максимилиана I в Антверпене [7: №1161, р. 122]. Из-за стратегической важности нидерландских областей, служивших мостом между империей и Францией, Англией и скандинавскими королевствами, направляемые туда дипломаты должны были обладать почти идеальными профессиональными и личными качествами, чтобы организовать и оптимально использовать беспрепятственный обмен информацией. Наконец, послы Максимилиана I после выполнения их миссии при французском дворе зачастую возвращались в империю через Фландрию, Брабант и Бургундию, что тоже давало миланским дипломатам возможность получить некоторые актуальные сведения.

Также и французские послы, курсируя между Парижем и Вормсом, проезжали через эти области, чем успешно пользовались представители Милана для расширения собственных контактов и сферы влияния путем активной дипломатической коммуникации, особенно если французов в их поезд-

ках сопровождали миланские агенты. Например, в апреле 1495 года посол Карла VIII Юмбер де Батарне прибыл в Вормс вместе с агентом Сфорцы Корнелиусом Нибья, который еще в Париже установил связь с этим французским дипломатом и сумел расположить его к интересам и желаниям правителя Милана. Хотя такие агенты и шпионы действовали скорее неформально, но тем не менее во многих европейских столицах их признавали и даже общались с ними на полуофициальном уровне.

Поскольку основная сфера деятельности агентов заключалась в оказании помощи официальным представителям Милана, что предполагало тесное взаимодействие между послами и шпионами, то нередко агенты рекрутировались из числа родственников и друзей дипломатов. В этом смысле показателен пример еще одного члена семьи Браша — Томазо, который в марте 1495 года по поручению своего брата Эразмо организовал через миланских торговцев и банкиров во Фландрии денежные переводы в королевскую казну. К тому же за несколько месяцев до этих событий Томазо уже был вовлечен в разрешение ленно-правового спора между Миланом и Монферратом по поводу крепости Инчизы, причем на официальном уровне переговоры вели его братья Эразмо и Санкто [6: р. 374].

Кроме того, в роли неформальных наблюдателей и агентов при дворе Габсбурга выступали также лица непосредственно из семейного круга Сфорцы, причем главным образом они попадали в окружение Максимилиана I в качестве придворного персонала королевы Бьянки Марии, племянницы Лодовико. Однако их поступки не всегда соответствовали желаниям миланского правителя, что наглядно показывает скандал, произошедший в конце 1494 года вокруг придворной дамы и родственницы королевы Виоланты Каймо и ее супруга, королевского советника Пьетро. Согласно сведениям Эразмо Браши и Джованни Коллы, Виоланта, узнав о внезапной смерти Джангалеаццо, повела себя подозрительно и попыталась настроить королеву против Лодовико. После того как Браша добился от Моро ее отзыва, супруги Каймо подали ходатайство Максимилиану I с просьбой остаться при дворе и в итоге получили согласие монарха [7: № 1236, р. 131]. Этот случай обнаруживает как трудности Лодовико в распоряжении своими агентами и доверенными лицами, так и возможности последних проводить при габсбургском дворе свою собственную политику. Особенно миланский персонал в придворном штате королевы из-за ее наивного, подверженного чужому влиянию характера, очевидно, больше занимался собственными делами и нуждами, зачастую даже в ущерб Сфорце, и полностью проконтролировать его из Милана было весьма затруднительно.

Большого успеха Моро достиг в использовании должностных лиц империи в собственных политических целях. Располагая, в отличие от испытывавшего перманентную нехватку средств Максимилиана I, значительными материальными ресурсами, Лодовико мог выплачивать им пенсии ради лоббирования миланских интересов, что было обычным явлением для той эпохи. Например, во время Вормсского рейхстага в отстаивании интересов Милана в различных

вопросах особо выделялись бургундский казначей и королевский советник Жан Бонтан и влиятельный придворный канцлер Конрад Штюрцель [7: № 3458, р. 436]. Подобные «служебные отношения», базировавшиеся на выплате пенсий в обмен на лоббирование определенных интересов, могли сохраняться годами еще и потому, что вознаграждение от миланского правителя представляло собой для чиновников немецкого короля лучшую возможность заработка.

Итак, в политической рутине основные практические задачи выполняли постоянные послы и специальные уполномоченные, назначаемые нередко на долгий срок. Но для более полной защиты интересов Милана нельзя было обойтись и без придворных и чиновников, открыто получавших пенсии, а также действовавших тайно агентов и шпионов. На высшей ступени дипломатической иерархии стояли церемониальные послы, выполнявшие в первую очередь символические представительские функции в ходе торжественных государственных актов. На эти должности назначались, как правило, особо выдающиеся личности [4: р. 190]. На рейхстаге в Вормсе таким послом от Милана был гуманист и доктор гражданского и церковного права Джозон дель Майно, которому во время официального акта инвеституры Лодовико Миланом выпала честь произнести в Миланском соборе хвалебную речь в адрес новоиспеченного герцога [7: № 3446, р. 434]. А видные политические деятели Антонио ди Тривульцио и Франческо Висконти в марте 1495 года участвовали в подписании пакта о создании Венецианской лиги, представляя интересы Сфорцы. В официальных процедурах церемониальных послов всегда сопровождали поверенные в делах, что придавало церемониальным актам формально-деловой характер [4: р. 189]. Такие миссии с репрезентативными функциями были рассчитаны на короткий срок и, как правило, обозначали удачное завершение переговоров либо заключение договоров, которые сначала вели и выработывали профессиональные дипломаты.

В ходе Вормсского рейхстага миланские представители в основном вели консультации по четырем политико-юридическим и военным проблемам. Все они так или иначе сводились к вопросу укрепления власти Сфорцы в Милане: обеспечение его правовой легитимации в качестве герцога путем пожалования ему инвеституры, оборона границ миланского контадо с Францией, нейтрализация угрозы со стороны швейцарцев и оказание военной помощи Максимилиану I против французов во время ожидавшегося итальянского похода Габсбурга. Хотя в той или иной степени все миланские послы и агенты отстаивали интересы Лодовико в этих вопросах, но все же некоторым дипломатам были поручены особые задачи в рамках переговорного процесса. Так, Эразмо Браша с ноября 1494 года, когда он принес ленную клятву Максимилиану I за своего господина, работал над своим главным делом (*causa principale*) — опубликованием ленной грамоты [7: № 1235, р. 131]. Спецпосланники Марлиано и Пустерла, занимавшиеся с декабря 1494 года вплоть до самого акта пожалования проблемами инвеституры, четко придерживались указаний Браши, что скорее не соответствовало дипломатическим традициям в подобных случаях. Тем

не менее Эразмо в одном из посланий Сфорце в апреле 1495 года из Страсбурга жаловался, что он чувствует себя стесненным в своей работе из-за присутствия коллег [7: №3396, р. 426]. Очевидно, Браша, будучи королевским советником и доверенным лицом Габсбурга, всецело осознавал свое видное положение при дворе и не боялся высказывать жалобы по поводу возможного ограничения свободы действий, что вполне могло быть вызвано трениями и разногласиями между дипломатами. Фактически Эразмо в роли главного диспетчера миланской миссии при дворе Максимилиана I устроил инвеституру Лодовико и использовал при этом не столько сотрудничество со своими коллегами, сколько превосходные отношения с королем. Из его дипломатической корреспонденции следует, что помимо организации обязательных миланских платежей в казну империи Браша также провел переговоры и договорился о выплате пенсий или соответственно ленных такс некоторым имперским князьям, в том числе такой важной персоне, как архиепископу Майнцскому [7: № 1534, р. 164].

Реализацией второй по значимости проблемы миланской дипломатии занимался Анджело Фиоренца. Ее суть состояла в том, чтобы уговорить Максимилиана I как можно скорее отправиться в итальянский поход и одновременно нанести удар по Франции с территории Бургундии. Кроме того, Фиоренца, имевший богатый военный опыт, должен был распространять в окружении короля информацию о передвижениях французских войск в Италии и принимать участие в обсуждении военно-стратегических планов. Наряду с драматическим описанием французской угрозы для Апеннинского полуострова Фиоренца использовал в своей аргументации и расхожие доводы, подчеркивая взаимосвязь императорского авторитета и обязанности монарха совершить заальпийский поход [7: № 1972, р. 227]. С другой стороны, подобно венецианским дипломатам посланник Сфорцы, отвергая очередные финансовые требования Максимилиана I, обращал внимание монарха на огромные военные расходы Милана и доказывал невозможность дальнейших финансовых вливаний в королевскую казну на данном этапе.

Осуществляя поставленные перед ним задачи, Фиоренца вел интенсивные дискуссии с важнейшими участниками рейхстага, включая курфюрстов. Так, спустя два месяца после своего прибытия в Вормс он в мае 1495 года сообщал в Милан, что ему удалось убедить в необходимости итальянского похода архиепископа Трирского и графа Вюртембергского, однако курфюрст Майнца по-прежнему оставался глух к его уговорам. В противоположность дипломатической тактике Браши Фиоренца был настроен на тесное сотрудничество с другими итальянскими послами в Вормсе. Прежде всего это касалось венецианцев Контарини и Тревизана и в меньшей степени неаполитанца Монтибуса. Однако в результате его миссия не привела к желаемому успеху: в тот момент, когда Карл VIII уже отступал из Италии, имперское войско еще не было даже мобилизовано. А присланный Максимилианом I вспомогательный отряд ландскнехтов под командованием Эрика Брауншвейгского скорее доставил лишние неудобства миланскому герцогу [7: № 2152, р. 253].

А тот факт, что Браше все же удалось относительно без проблем выполнить свое поручение, объясняется, с одной стороны, сущностью дела. Ведь, не неся никаких расходов и не ограничивая себя в правах, князя и курфюрсты смогли заполучить миланские ленные таксы в обмен на предоставление Лодовико чисто символических привилегий, в то время как итальянская кампания и война с Францией потребовали бы от них активного участия и немалых финансовых затрат. С другой стороны, Браша лучше разбирался в политических хитросплетениях при королевском дворе и отличался большей дипломатической чуткостью, обратившись сначала к лидеру сословной оппозиции Бертольду Майнцскому и получив его поддержку. Отсутствие сотрудничества с другими итальянскими послами Эразмо с лихвой компенсировал взаимодействием со своими братьями Санкто и Томазо. Наконец, свою роль сыграло близкое знакомство с Максимилианом I, сделавшее Брашу влиятельной персоной в придворных кругах. В своей работе он действовал достаточно независимо от установок из Милана и зачастую вопреки сложившейся дипломатической практике.

Во время событий Вормского рейхстага традиционная миланская экспансионистская политика в северном и северо-западном направлениях плавно перетекала в стремление защитить территории контадо от внешних угроз, что явно демонстрирует ленно-правовой спор между Миланом и Монферратом за обладание крепостью Инчиза, расположенной юго-восточнее Асти на берегу реки Бальбо. В первой половине XV века этот бург в качестве имперского лена достался Монферрату, но в 1470 году маркграф Инчизы принес оммаж миланскому герцогу Джангалеаццо Сфорце, а уже в 1479 году Лодовико де-факто принял крепость под свою юрисдикцию. Этим фактом и рядом прежних договоров семейства Сфорцы с Монферратом Моро обосновывал свои права на этот имперский феодал. На фоне надвигающегося вторжения армии Карла VIII в Италию спор был отдан на суд Максимилиану I и в итоге продолжался до лета 1497 года. Представлять интересы Милана в этой тяжбе тоже было поручено Эразмо Браше, однако на сей раз ему не хватило аппаратного веса, чтобы решить эту проблему. Габсбург колебался, ведь маркграфиня Монферратская Мария была его родственницей. Кроме того, посол Монферрата Урбано ди Серелонга обладал в этом деле однозначно лучшими связями с королевской администрацией в лице Лодовико Бруно и канцлера Бертольда [2: р. 283]. При этом Сфорца как в окружении Максимилиана I, так и в Италии во время прений на местах применил весь свой арсенал выдающихся дипломатов для усиления собственной позиции. К примеру, вышеупомянутый Джазон дель Майно при помощи Жана Бонтана, получавшего содержание от Лодовико, в январе 1495 года провел в Павии переговоры о правовых основах конфликта с представителями короля [6: р. 383]. Вскоре Эразмо Браша в ходе официальных юридических процедур и через установившиеся каналы связи с королевской администрацией понял бесперспективность этого дела для Сфорцы и в итоге в конце февраля 1495 года посоветовал миланскому герцогу формально завоевать Инчизу, разместив там гарнизон. Посол доказывал, что Максимилиан I не будет принимать ответных мер [7: № 1360, р. 145]. Возможно, Лодовико,

приняв стратегический план своего опытного дипломата, добился бы успеха. Однако он предпочел обычный путь официальных и неформальных обсуждений, затянувшихся надолго и не принесших Милану никакой весомой выгоды. При этом, как и прежде, вопрос защиты и контроля миланской территории, особенно альпийских перевалов на границе с Францией, оставался самым неотложным не только в военно-стратегическом, но и в политико-дипломатическом плане.

Ввиду прямой опасности со стороны Франции актуальность для Сфорцы представляла также проблема нейтрализации швейцарских кантонов с возможностью вербовать там наемников. Поскольку в XV веке Швейцария де-юре еще входила в состав империи, самым естественным для Лодовико в той ситуации было обратиться за посредничеством к Максимилиану I. Выполнение этой миссии было поручено Анджело Фиоренце как специалисту в военно-стратегических вопросах. Причем обеспечение границ Швейцарии с Францией и усмирение кантонов путем введения имперского контингента на территорию конфедерации играло лишь второстепенную роль. Важнее казалось сохранить мирные отношения альпийской республики с Миланом, которые по причине взаимных экспансионистских устремлений неизменно подвергались угрозе [1: р. 7].

Из-за де-факто автономного статуса, непрочной организационной структуры конфедерации и отсутствия общих либо надрегиональных административных центров периодически собиравшиеся заседания представителей всех кантонов служили единственной площадкой, где можно было дипломатическим путем повлиять на политику швейцарцев [3: р. 15]. Вследствие растущего значения альпийских наемников в военных условиях, вызванных итальянской экспедицией Карла VIII, послы и уполномоченные различных государств вели переговоры с властями кантонов о разрешении на вербовку наемников, поэтому для Сфорцы было крайне важно иметь постоянное дипломатическое представительство у северных соседей. После взятия войсками герцога Орлеанского Новары 10 июня 1495 года особую злободневность в свете словесных баталий миланских и французских послов приобретал назначенный на август того же года в Люцерне съезд кантональных делегатов. Дипломаты, конкурируя друг с другом, бились за предоставление лицензий на вербовку швейцарских ландскнехтов и за заключение союза с конфедерацией. Уполномоченный Сфорцы Джованни Морозини в своей деятельности делал ставку скорее на тайные переговоры, подкуп и правильную информационную политику, чем на официальную коммуникацию в рамках съезда [3: р. 105]. Активную поддержку ему оказывал венецианский секретарь Франческо да Юдаика [7: № 3534, р. 448]. Однако в соперничестве за благосклонность швейцарцев, среди которых длительное время отсутствовало единое мнение по вопросу возможных альянсов с той или иной стороной, в долгосрочной перспективе победу одержал король Франции, заключивший в апреле 1496 года договор с альпийской республикой. Морозини, похоже, упустил подходящий момент, чтобы в сепаратных переговорах переиграть французов и щедрыми подношениями склонить кантоны на сторону Лодовико. Дипломатическое поражение Милана уже обозначилось в начале сентября 1495 года, когда после отъезда французов

швейцарцы попросили Морозини и Юдаику покинуть Люцерн. Надеясь возобновить дискуссию в более благоприятной обстановке, послы отправились в пока еще проимперские города Берн и Цюрих. Тем не менее и там им не удалось переломить развитие ситуации в пользу миланского герцога.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на большой объем работы, проделанной его дипломатами, Моро в 1494–1495 годах смог достичь относительно незначительных политических успехов при дворе Максимилиана I как в рамках Вормского рейхстага, так и на съезде в Люцерне. Рейхстаг под руководством архиепископа-эрцканцлера Бертольда Майнцкого, яркого оппонента Габсбурга, намеренно затянул вопрос о проведении итальянского похода и нанесения удара по Франции до тех пор, пока из-за наступившей зимы переправить войско через Альпы было уже невозможно. В ходе инициированного при дворе ленно-правового процесса также не удалось добиться обеспечения миланской территории посредством контроля над стратегически важными укреплениями в районе границы с Монферратом и в конечном счете над всей северо-западной Италией с ее важнейшими путями сообщения с Францией. То же самое можно констатировать и о цели нейтрализации швейцарцев в вероятной войне против французов. Хотя Максимилиан I по просьбе уполномоченных Сфорцы направил в Швейцарию своих советников и дипломатов для оказания поддержки миланцам, но королевская миссия, изначально ссылавшаяся лишь на авторитет Габсбурга как римского короля и верховного сеньора, в результате ничем не смогла помочь делу Лодовико. Военная мощь Франции и щедро раздаваемые французские деньги и привилегии обладали большей пробивной силой, причем не только в конфедерации.

Инвеститура Сфорцы — единственная дипломатическая миссия Милана, которая завершилась успехом и являлась, как уже указывалось выше, целиком заслугой Эразмо Браши, обладавшего обширными связями при дворе. Его деятельность характеризовалась слабым взаимодействием с другими итальянцами. Кроме того, он предпочитал вести отдельные консультации со всеми заинтересованными князьями и курфюрстами, в том числе и с теми, кто отсутствовал на рейхстаге, поэтому Эразмо часто находился в разъездах. В этом Браша явно отличался от своих миланских коллег, сотрудничество с которыми он воспринимал скорее как помеху своей работе, высказывая по этому поводу жалобы Сфорце. Его «дипломатический штаб», на который он, очевидно, больше полагался, состоял главным образом из его же братьев. Во время его присутствия на рейхстаге ему сравнительно быстро удалось перетянуть на свою сторону Бертольда Майнцкого. В отличие от других миланцев при королевском дворе, Эразмо активно участвовал в имперской политике Габсбурга, что наряду с абсолютным доверием монарха принесло ему более заметное положение среди придворного персонала и послужило увеличению его авторитета. Когда Браша в связи с инцидентом вокруг Инчизы осознал, что его политического веса не хватит для улаживания спора в пользу Милана, он без колебаний посоветовал Лодовико военное решение проблемы. В силу своего ума и способностей Эразмо лучше понимал условия, царившие в окру-

жении Максимилиана I, и живо приспособлялся к ним. Поэтому весьма удивляет, почему Сфорца не доверил своему самому влиятельному дипломату непосредственное руководство решением наиважнейшей для итальянской лиги задачи — форсирование заальпийского похода Габсбурга, а поручил ему в качестве «causa principale» вопрос об инвеституре. По-видимому, обеспечение и легализация собственной власти казались ему важнее, чем защита итальянской политической системы.

Литература

1. *Gagliardi E.* Mailander und Franzosen in der Schweiz 1495–1499. Eidgenossische Zustände im Zeitalter des Schwabenkriegs // *Jahrbuch für Schweizerische Geschichte* 39. Zurich, 1914. 234 s.
2. *Hoflechner W.* Die Gesandten der europäischen Mächte, vornehmlich des Kaisers und des Reiches 1490–1500 // *Archiv für österreichische Geschichte* 129. Wien: Bohlaus, 1972. 645 s.
3. *Jucker M.* Gesandte, Schreiber, Akten. Politische Kommunikation auf eidgenössischen Tagsatzungen im Spätmittelalter. Zurich: Greiff, 2004. 302 s.
4. *Lunitz M.* Diplomatie und Diplomaten im 16. Jahrhundert. Studien zu den ständigen Gesandten Kaiser Karls V in Frankreich. Konstanz: Vorwerk, 1988. 279 s.
5. *Sanudo M.* La spedizione di Carlo VIII in Italia. Venezia: Fubini, 1873. 557 p.
6. *Schrocker A.* Die Festung Incisa. Eine Praktik aus der Zeit Maximilians I // *Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken* 51. Wien, 1971. S. 369–389.
7. *Wiesflecker H.* Ausgewählte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. Bd. 1. Wien-Köln: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1990. 468 s.

R. V. Furtsev

Policy of Diplomats at the Court of Milan Maximilian I in 1494–1495

The diplomatic practice of representatives of Lodovico Moro at the court of Maximilian I in the initial phase of the Italian Wars is analyzed in the article with the use of the system and the historical and comparative approaches. The author reveals the main goals and objectives of the Milanese ambassadors, and shows means of achieving them. The structure, mechanism and peculiarities of functioning of missions Milan in the course of solving foreign policy problems, the chief among which was the question of military containment of France with support for an alliance with the Empire.

Keywords: politics; diplomacy; empire; Sforza; Maximilian I.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

**Ф.А. Михайловский,
С.Н. Новикова**

Рабочая программа по истории как инструмент реализации требований ФГОС

Статья содержит методические рекомендации по составлению рабочих программ на основе требований ФГОС (авторы используют в качестве примеров различные типы уроков истории в 5-м классе).

Ключевые слова: рабочая программа; ФГОС; история 5-й класс.

В настоящее время важнейшим нормативным документом, содержащим совокупность требований, обязательных при реализации основной образовательной программы основного общего образования образовательными учреждениями, имеющими государственную аккредитацию, служит Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 декабря 2010 года за № 1897 (<http://standart.edu.ru>).

В документе указано, что современное информационное общество требует формирования новой дидактической модели образования, основанной на компетентностной образовательной парадигме. Последняя предполагает активную роль всех участников образовательного процесса в формировании мотивированной компетентной личности. Для достижения указанной цели необходимо изменение роли участников образовательного процесса. Если традиционная система преподавания предполагала в качестве основной функции учителя трансляцию информации, а главной функцией ученика — ее репродукцию, то в инновационной системе функции участников учебного процесса меняются. Учитель превращается из источника информации в консультанта. Он должен организовывать деятельность обучающегося по работе с информацией на основе используемой модели урока, а ученик — осуществлять поиск,

выбор, анализ, систематизацию и презентацию информации. Задача учителя — научить ребенка учиться, то есть самостоятельно овладевать знаниями и применять их в практической деятельности.

Основным образовательным результатом в этой парадигме является достижение стратегической цели российского образования — воспитание на идеалах демократии и правового государства, в соответствии с национальными и общечеловеческими ценностными установками успешного поколения граждан страны, владеющих адекватными времени знаниями, навыками и компетенциями. Пункт II.2.4. ФГОС о содержательном разделе общей образовательной программы каждого учебного заведения включает рабочие программы по отдельным учебным предметам. Рабочая программа должна содержать:

- пояснительную записку, конкретизирующую общие цели среднего (полного) общего образования с учетом специфики учебного предмета;
- общую характеристику учебного предмета, курса;
- обоснование места учебного предмета, курса в учебном плане;
- личностные, метапредметные и предметные результаты освоения конкретного учебного предмета, курса;
- содержание учебного предмета, курса;
- тематическое планирование с определением основных видов учебной деятельности обучающихся;
- описание учебно-методического и материально-технического обеспечения образовательного процесса.

Таким образом, рабочая программа по учебному предмету — это документ, который составляется с учетом особенностей образовательного учреждения, а также особенностей учащихся конкретного класса. Она также является индивидуальным инструментом учителя, позволяющим правильно определить наиболее эффективные для каждого класса содержание, формы, методы и приемы организации образовательного процесса с целью получения результата, соответствующего требованиям стандарта.

В свете сказанного рабочая программа по предмету играет значимую роль в реализации требований ФГОС. Различные специалисты (авторы учебников, методисты и учителя) предлагают свои варианты рабочих программ. Однако каждый учитель должен уметь составлять свою программу самостоятельно.

Наибольшие трудности возникают при определении планируемых результатов обучения на каждом уроке. Опытные учителя хорошо знают, какими должны быть предметные результаты обучения. Сложнее определить, какие метапредметные и личностные результаты должны быть достигнуты обучающимися на каждом занятии.

Рассмотрим этот вопрос на примере изучения истории Древнего мира в 5-м классе. Предварительно сформулируем ожидаемые результаты обучения пятиклассников, относящиеся ко всему курсу.

Предметные результаты:

- знание основных исторических фактов эпохи Древнего мира, социально-экономического, политического и культурного аспектов развития древних обществ;
- усвоение основного понятийного аппарата исторической науки и умение его применять для раскрытия сущности и значения исторических событий, явлений и процессов;
- умение сравнивать факты, события, явления истории Древнего мира и давать им оценку, высказывая при этом собственные суждения;
- умение применять счет лет в истории, соотносить год с веком, век — с тысячелетием, оперировать историческими датами, в том числе относящимися к периоду до нашей эры, выявлять синхронность и диахронность событий;
- умение читать историческую карту с опорой на легенду, находить и показывать на ней историко-географические объекты Древнего мира, описывать их положение в условиях изучаемого периода, анализировать и обобщать на элементарном уровне данные карты, дополняя и конкретизируя ими информацию учебника;
- способность оценивать вклад древних народов в мировую культуру.

Метапредметные результаты изучения пятиклассниками истории Древнего мира включают в себя:

- умение работать с разными источниками информации: находить информацию в тексте учебника, научно-популярной литературе, словарях и справочниках, в Интернете, анализировать и оценивать информацию, преобразовывать информацию из одной формы в другую;
- овладение составляющими исследовательской и проектной деятельности, включая умения видеть проблему, ставить вопросы, выдвигать гипотезы, давать определения понятиям, классифицировать, наблюдать, делать выводы и заключения, структурировать материал, объяснять, доказывать, защищать свои идеи;
- умение организовать свою учебную деятельность: определять цель и задачи работы, определять последовательность действий, прогнозировать и оценивать результаты своей работы;
- способность выбирать целевые и смысловые установки в своих действиях и поступках по отношению к окружающим;
- умение продуктивно взаимодействовать со сверстниками и взрослыми, адекватно использовать речевые средства для дискуссии, сравнивать разные точки зрения, аргументировать свою точку зрения, отстаивать свою позицию.

Личностные результаты изучения пятиклассниками истории Древнего мира подразумевают:

- формирование познавательного интереса к изучению истории и культуры Древнего мира;

– развитие толерантного отношения к истории, религии, традициям и культуре других народов с целью эффективного взаимодействия в современном поликультурном и многоконфессиональном обществе;

– воспитание эмоционально-ценностного отношения к фактам прошлого и бережного отношения к историческим памятникам, осознание необходимости их изучения и охраны.

Однако невозможно работать над достижением учащимися сразу всех этих результатов на каждом уроке. Для каждого урока в рабочей программе необходимо указывать планируемые результаты обучения, достижение которых возможно в рамках конкретного занятия.

Существуют разные типы уроков, и каждый из них позволяет учителю уделять внимание той или иной группе планируемых результатов в большей или меньшей степени. Рассмотрим несколько примеров.

1. «Увлекательный мир истории» — тема вводного занятия в 5-м классе. Целевая установка этого урока «Формирование представлений об истории как науке, изучающей жизнь и деятельность людей в прошлом, ее общественном значении, а также об исторических источниках как основе исторических знаний».

Предметными результатами обучения пятиклассников на первом уроке являются: усвоение понятия «всеобщая история», знание периодизации истории Древнего мира, первичные представления об археологии и вспомогательных исторических дисциплинах, умение различать письменные и вещественные исторические источники, знание структуры учебника и правил работы с ним.

Личностные результаты обучения: познавательный интерес к истории и понимание важности исторических исследований для жизни человека и общества.

Метапредметные результаты обучения подразумевают универсальные учебные действия (УУД), которыми должны овладеть школьники на занятии. Поскольку УУД суть действия универсальные, то они не связаны с конкретной учебной дисциплиной, носят надпредметный характер и формируются также на уроках по другим предметам. Формулируя метапредметные результаты, следует выделять познавательные, личностные, регулятивные и коммуникативные универсальные учебные действия.

На рассматриваемом уроке можно выделить следующие УУД.

Познавательные: умение работать с текстом параграфа и выделять в нем главное, раскрывать значение терминов.

Личностные: соблюдение дисциплины на уроке, уважительное отношение к учителю и одноклассникам.

Регулятивные: умение организовать выполнение заданий учителя.

Коммуникативные: умение слушать учителя и участвовать в обсуждении вопросов.

2. Уже в 5-м классе могут быть предложены уроки, являющиеся, по сути, практическими занятиями по источникам. Например, урок, посвященный изучению законов Хаммурапи. Цель данного занятия состоит в формировании представлений об истории Древневавилонского царства, а также о Законах Хаммурапи как важнейшем историческом источнике, и в приобщении учащихся к интерпретации исторических источников.

Предметными результатами обучения учащихся на уроке являются: знание причин возвышения Вавилона, роли царя Хаммурапи в истории Древневавилонского царства, содержания судебника царя; умение давать характеристику правлению царя и его законодательству; высказывание аргументированного суждения о значении законов Хаммурапи; умение показывать на карте Вавилон и границы Древневавилонского царства, а также работать с историческими документами.

Личностные результаты обучения на данном занятии состоят в формировании познавательного интереса к изучению исторических источников и понимания роли личности в истории.

Метапредметные результаты обучения на практическом занятии определяются следующими УУД.

Познавательные: умение работать с различными источниками и преобразовывать полученную информацию из одной формы в другую, отличать факты от мнений. Развитие элементарных навыков устанавливания причинно-следственных связей между объектами и явлениями.

Личностные: применение полученных знаний в практической деятельности; потребность в справедливом оценивании своей работы и работы одноклассников.

Регулятивные: умение организовать выполнение заданий учителя; развитие навыков самооценки и самоанализа.

Коммуникативные: умение воспринимать устную и письменную информацию; работать в группах; аргументировать свою точку зрения.

3. Примером комбинированного урока может служить урок по теме «Пелопонесская война». Цель занятия состоит в формировании представлений о причинах, ходе, результатах и значении Пелопонесской войны.

Предметными результатами обучения на данном уроке будут: знание причин, хода и итогов Пелопонесской войны; оценка личности Алкивиада и его роли в войне; объяснение причин поражения Афин в войне и оценка последствий этого; умение показывать на карте места основных сражений войны.

Личностными результатами обучения назовем познавательный интерес к истории, процессу научного познания, а также представление о многофакторности исторического процесса, о сочетании объективных и субъективных причин, влияющих на течение и исход событий.

Метапредметные результаты обучения определяются следующими УУД.

Познавательные: умение выделять главное в тексте; грамотно формулировать вопросы; работать с различными источниками информации; готовить сообщения и презентации и представлять результаты работы.

Личностные: способность выбирать целевые и смысловые установки в своих действиях и поступках по отношению к окружающим.

Регулятивные: умение организовать выполнение заданий учителя и делать выводы по результатам работы.

Коммуникативные: умение работать в составе творческих групп; развитие навыков выступления перед аудиторией.

4. Наконец, приведем пример повторительно-обобщающего урока. Такие уроки проводятся после изучения некоторых тем и разделов учебника. Рассмотрим повторительно-обобщающий урок по теме «Гражданские войны в период Римской республики». Цель занятия — обобщение и систематизация знаний учащихся.

Предметными результатами обучения на этом занятии будут: знание основных терминов, понятий и дат, причин гражданских войн в Риме и причин падения республики; умение давать характеристику периоду гражданских войн в Риме; описание личности деятелей римской истории периода гражданских войн; Знание и умение показывать на карте географические объекты, связанные с гражданскими войнами в Римской республике.

Личностные результаты обучения предполагают развитие познавательного интереса к истории и процессу научного познания; осознание неизбежности замены устаревшего государственного строя новым; понимание необходимости повторения для закрепления знаний.

Метапредметные результаты обучения на повторительно-обобщающем занятии определяются следующими УУД.

Познавательные: умение воспроизводить информацию по памяти; сравнивать и анализировать объекты; делать выводы на основании сравнений; давать определения понятиям; работать с тестами различного уровня сложности.

Личностные: уважительное отношение к учителю и одноклассникам; эстетическое восприятие объектов культуры; применение полученных знаний на практике.

Регулятивные: умение определять цель урока и ставить задачи, необходимые для ее достижения; представлять результаты работы; развитие навыков самооценки и самоанализа.

Коммуникативные: умение слушать учителя и одноклассников; аргументировать свою точку зрения; развитие навыков выступления перед аудиторией.

Учителю важно помнить, что процесс формирования УУД требует времени, постоянной работы из урока в урок. Это необходимо учитывать при составлении рабочей программы по предмету. На каждом последующем уроке

школьники должны осваивать все более сложные учебные действия и закреплять уже освоенные. Считаем, что предложенные структура и содержание рабочей программы способствуют реализации требований ФГОС и соответствуют новой дидактической модели образования, основанной на компетентностной образовательной парадигме.

*F.A. Mikhailovsky,
S.N. Novikova*

**The Educational Program on the History as an Instrument Implementation
of the Requirements of the FGOS**

This article contains methodical recommendations on the compilation of educational programs on the basis of the requirements of the FGOS (as the examples the authors use the different types of history lessons in the fifth grade in secondary school).

Keywords: educational program; FGOS; history of the fifth grade in secondary school.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
ПУБЛИЦИСТИКА**

**Рецензия на монографию Ю.Д. Акашева
«История народа Рос: от ариев до варягов»
(М.: Алгоритм, 2013. 336 с.)**

Проблема происхождения Руси и ее начальной истории волнует как историков-профессионалов, так и любителей.

В отечественной исторической науке уже в период ее зарождения русский народ рассматривался как один из самых древнейших и имеющий изначально свое собственное имя. Однако, начиная с XVIII века, когда в российской науке и культуре тон стали задавать иностранцы, презирующие все русское, постепенно утвердилось ложное представление о росах как о народе крайне отсталом, история которого начинается только со второй половины IX века, да и то благодаря норманнам, которые якобы дали русскому народу и государственность, и даже само название (этноним). Советские ученые довольно убедительно доказали несостоятельность «норманнской теории», однако четких ответов на вопрос «Откуда есть пошла Земля Русская?», поставленный еще русскими летописцами, они так и не смогли дать. Зато за рубежом появляются близкие по духу к «норманнской теории» идеи хазарского, иранского, египетского, скифо-сарматского и др. происхождения Руси, которые, несмотря на их абсурдность, находят, к сожалению, поддержку у некоторых современных отечественных историков, упорно продолжающих отказывать русскому народу в праве на свои собственные историко-этнические корни и на свою древнейшую историю.

Недостаточная изученность проблемы происхождения русского народа предоставляет благодатную почву для любителей всякого рода сенсаций и домыслов, не имеющих ничего общего с наукой, но пользующихся популярностью у определенной части читателей. Проблема используется теми авторами, которые в угоду определенным кругам стараются умалить значение исторической судьбы русского народа в его собственной и мировой истории.

Монография «История народа Рос: от ариев до варягов» написана доктором исторических наук, специалистом по древней истории русского народа

Ю.Д. Акашевым, который в 2000 году защитил по этой проблеме докторскую диссертацию. Исследователь опирается на обширный круг самых разнообразных источников. Он по крупицам собрал свидетельства о древнейших росах, содержащиеся в священных книгах, а также в средневековых источниках, включая русские летописи, сочинения византийских, арабских, персидских, сирийских, польских, голландских и других авторов. Их анализ произведен на высоком профессиональном уровне. Автор не только приводит соответствующие фрагменты источников, но, где это необходимо, производит их текстологический и лингвистический анализ, комментирует трактовку этих фрагментов различными учеными, всякий раз аргументируя свое согласие или несогласие с ними, и во многих случаях высказывает собственное оригинальное суждение.

В качестве источника активно используются данные славяно-русской мифологии, нашедшей воплощение в народных сказках, поверьях, обрядах, загадках, вышивке, деревянной резьбе, народных обычаях и традициях. При чем Ю.Д. Акашев продемонстрировал не только хорошее знание русской мифологии, но и умение проникнуть в ее глубинный, сакральный смысл и обнаружить в ней следы древнейшей истории русского народа. Заслуживает внимания обращение к священным книгам: Библии, Авесте, Ригведе, Корану. Насколько нам известно, эти книги в качестве источников по древнейшей истории русского народа в научных исследованиях используются впервые.

Еще один очень важный вид источников, которому исследователь придает огромное значение, — данные языка. Для ученого, занимающегося проблемами этногенеза, очень важно знать историю языка, историческую грамматику, ориентироваться в теоретических проблемах языкознания и, главное, чувствовать язык. Ю.Д. Акашев, закончивший в свое время историко-филологический факультет и имеющий хорошую лингвистическую подготовку, на наш взгляд, всем этим владеет и умело пользуется.

Ю.Д. Акашев предложил новый подход к изучению Руси изначальной: образование этносов относится к начальным этапам истории человечества. Такой подход позволяет начинать историю русского народа с его историко-этнических корней, уходящих в глубины общеиндоевропейской эпохи. Основополагающие признаки этноса складываются у росов задолго до распада индоевропейской языковой семьи, в длительный период их близости к древним арьям. В то время начинается формирование самосознания предков русского народа, которое определяет особенности русского стиля мышления и характера, того, что принято называть «загадочной русской душой».

Глубокая древность росов подтверждается, в частности, удивительным сходством русского языка с санскритом, особенно древнейшей его лексики, относящейся к терминологии семьи и рода, местоимениям, словам, обозначающим действие или состояние, явления природы и т. п. Поскольку санскрит является языком древних арьев, отмеченное явление свидетельствует о длительном соседстве этих двух народов, что могло иметь место в эпоху, пред-

шествующую уходу последних из Восточной Европы, то есть до конца III – начала II тыс. до н.э. В монографии также показано сходство мифологии и религиозных верований древних росов и арьев.

Таким образом, можно утверждать, что этногенез древних росов протекал одновременно с этногенезом древних арьев и историко-этнические корни русского народа уходят в глубь тысячелетий.

Проанализировав целый ряд письменных источников, в том числе и некоторые священные книги, автор пришел к выводу, что древнейшие росы были известны среди других народов Древнего мира и играли определенную роль в их истории. И именно поэтому их имя оказалось зафиксированным в этнографической таблице Книги Бытия — Первой книге Моисеевой из Ветхого Завета. Текстологический анализ этой таблицы, наблюдения над особенностями древнееврейского письма позволяют утверждать, что имя народа Рос здесь употреблено по отношению к младшему сыну Иафета — третьего сына Ноя — в форме *Θιρας* (*Tiras*, *Tiros*), в которой начальный элемент ти- (ѳи-) является древнерусским указательным местоимением (по типу летописного «ти Словене»), сросшимся с этнонимом Рос (Рас). Имя народа Рос (в форме *Рош*) называет и пророк Иезекииль, живший в VI в. до н.э., книга которого также вошла в состав Библии. В том, что это слово в книге пророка означает имя народа Рос (а не «голова» или «глава», как оно переведено в Вульгате), убеждают те факты, что в переводе Библии на греческий язык, осуществленном семью веками раньше Вульгаты, оно писалось как этноним *Ρως* и в более поздних средневековых источниках ассоциировалось с русским народом. Идентичным библейскому имени Рос (Тирас, Рош) является этноним *ар-Расс*, упоминаемый в Коране среди древнейших народов, которых жестоко покарал Аллах.

Сообщения о древнейших росах встречаются также и у позднеантичных и средневековых авторов (как европейских, так и восточных). Вполне возможно, что роксоланы (светлые аланы), которые упоминаются древними источниками, были частью росов, увлеченных потоком арьев на юг и давших начало Приазовско-Причерноморской Руси. Византийские авторы, сообщавшие о нападении росов на Византию в V и IX веках, видели в этом осуществление пророчества о народе Рос (Рош).

Древнейшие росы формировались из тех охотников, которые еще в каменном веке медленно продвигались на север вслед за дикими животными, увлекаемые последним отступающим ледником. Трудности освоения новых территорий, изменившиеся методы охоты, новая природно-климатическая среда, столкновения с чужаками — все это приводило к перестройке сознания первобытного человека, разграничению мира людей на своих и чужих, формированию этнически специфических символов. Высвободившуюся от ледника землю с многочисленными реками, озерами, болотами и редкими островками суши ее обитатели считали своей материнской землей и называли ее «Росой»,

«Рóсией», то есть росистой, влажной (в древнем русском языке слово *роса* означало не только капельки воды, но и вообще все влажное; то же значение имеет в санскрите слово *rasa*), а себя, живущих на этой земле, называли росами. Таким образом, этноним *росы* является древним самоназванием русского народа, а не заимствованным из других языков.

Время проживания древних росов по соседству с предками арьев, время их наиболее тесных контактов и взаимовлияния совпадает с их расселением по территории восточноевропейского Севера в период климатического оптимума (примерно с 4000 до 2700 г. до н. э.). По прошествии этого теплового периода и с наступлением резкого похолодания начинается массовый отток индоевропейцев с Европейского Севера. И в это время происходит еще более широкое расселение древнейших росов по Восточной и Средней Европе. Освоение новых территорий, соприкосновение и столкновения с иноязычными народами, а зачастую и жизнь в иноязычном окружении обусловили появление этнического термина «словене», образованного от лексемы «слово» и несшего в себе семантическую нагрузку со значением «единословники», «говорящие на одном языке», «понимающие друг друга».

Свое более древнее имя росы/русы и свои русские корни долгое время знали и помнили все славяне. Этот факт, например, отражен в «Хронике» польского историка XVI века М. Стрыйковского, который всех древних славян именовал «русацами», или «русскими славянскими народами». Это подтверждают и многочисленные данные топонимики и этнонимики.

В монографии в самом общем виде представлена модель расселения древнейших росов, которая позволяет найти ключ к ответам на многие вопросы и, в частности, на такие: причины разнообразия физических типов среди не только всех славян, но и конкретно русского народа; причины многообразия археологических культур, условно определяемых как славянские древности; существование Азовско-Причерноморской Руси, Руси Прибалтийской, Карпатской, Дунайской и др.

Внимательное прочтение русских летописей (Лаврентьевской, Густинской, Иоакимовской, Псковской 1-й, Софийской 1-й, Воскресенской и др.), изучение легенд, данных ономастики, геральдики, антропологии, сравнительного языкознания позволяют с твердой уверенностью заявить, что «варяги-русь», о которых идет речь в русских летописях, — это славяно-росы, жившие вдоль южного побережья Балтийского моря, что рассказ о призвании на княжение в Новгородскую землю в 862 году Рюрика и его братьев не есть выдумка летописца, а факт, основанный на вполне реальных исторических событиях, что имена Синеуса и Трувора — вовсе не следствие неверного перевода летописцем шведских слов, но являются русскими эпитетными именами.

Ю.Д. Акашев экспериментальным путем подтвердил идею о существовании у древних росов своей оригинальной древнейшей письменности.

Содержащийся в монографии Ю.Д. Акашева теоретический и конкретно-исторический материал, выводы ученого отодвигают хронологические рамки традиционных научных описаний древнейшей русской истории в глубь тысячелетий, открывают новую область исследования.

Рецензируемая монография не претендует на исчерпывающие ответы на многие вопросы, возникающие в связи с проблемой происхождения русского народа. Но она поможет изменить отношение исторической науки к началу Руси, ее истокам и утвердить мнение о русском народе как одном из древнейших, имеющем право не только на свою историю раннего Средневековья, но и историю Древнего мира. Книга «История народа Рос: от ариев до варягов», думается, будет интересна и специалистам, и всем любителям русской истории.

Ю.А. Огородников

Докторские и кандидатские диссертации по истории в МГПУ: итоги 2012 года

Для соискателей ученых степеней МГПУ 2012 год стал успешным — восемь из них с успехом защитили кандидатские диссертации, а Д.А. Ковылину, выпускнику докторантуры по кафедре отечественной истории, была присвоена ученая степень доктора исторических наук. Самыми популярными темами диссертационных исследований стали: государственная идеология и история сословий и социальных групп. Все диссертации написаны на высоком профессиональном уровне, их авторы не раз представляли результаты исследований на международных конференциях в Москве и за рубежом.

В докторской диссертации **Д.А. Ковылина «Кооперация в казачьих районах России во второй половине XIX – начале XX в.»** (научный консультант — доктор исторических наук, профессор С.П. Карпачёв) выведена новая научная идея специфики кооперирования в казачьих областях, обусловленная особой структурой управления и контроля на местах казачьей администрацией. Впервые в исторической науке в результате проведенного исследования доказано, что именно на территориях основных казачьих войск России, на которые не распространялась Столыпинская аграрная реформа, кооперирование получило наиболее интенсивное и всестороннее развитие. В диссертации доказано положение о том, что время зарождения кооперативного движения, время его становления совпали с пореформенным периодом, когда стали создаваться условия для развития рыночных отношений и возникла необходимость приспособления к новым социально-экономическим условиям. Данная работа вводит в научный оборот широкий круг ранее не опубликованных исторических источников, хранящихся в фондах центральных и региональных архивов. Введен в качестве дополнения к имеющимся в исторической науке классификациям потребительских обществ и научно обоснован такой тип потребительских обществ, как «станичные потребительские общества».

Диссертация является первым комплексным исследованием кооперативного движения на территориях казачьих войск. Автор воссоздает исторический путь российской кооперации на материалах казачьих регионов России, анализирует роль кооперации в экономической жизни, проведении социальной политики во второй половине XIX – начале XX века, устанавливает характерные черты и особенности казачьей кооперации. На исследуемых территориях пяти казачьих войск — Донском, Кубанском, Оренбургском, Сибирском и Уральском — к 1917 году проживало 82 % казачьего населения. Число участников кооперативных объединений здесь составляло 55 % населения этих территорий, 46,5 % всего казачьего населения России. Охват территории России, преобладание казачьего населения в данных регионах позволили автору рассматривать в исследовании именно эти казачьи войска с целью выявления общих закономерностей и специфики развития кооперативного движения в казачьих областях.

В кандидатской диссертации А.Д. Кубрик **«Жилище в жизни крестьян Нечерноземья второй половины XIX в.»** (научный руководитель — кандидат исторических наук, доцент Е.А. Токарева) доказана возможность строить исследования по крестьянской повседневности, опираясь на источники, созданные самими крестьянами. Необходимо подчеркнуть новаторский характер диссертации, в которой содержатся нетрадиционный подход к формированию источниковой базы и оригинальные выводы, обогащающие научную концепцию крестьянской повседневности второй половины XIX в. Диссертационным советом были высоко оценены новизна работы, а также новизна источниковой базы, степень реализации антропологического подхода и успешное применение метода контент-анализа. Наряду с традиционными источниками по истории повседневности диссертант провела работу с массовыми, но ранее не изученными источниками: прошениями в органы власти крестьян 1860–1890-х годов (они составили основной массив неопубликованных источников), а также солдаток и представителей духовного сословия первой четверти XIX века, московской интеллигенции начала XX века; неопубликованными письмами крестьян Нечерноземья 1920-х годов в «Крестьянскую газету» и частично опубликованными мемуарами крестьян, датирующимися различными десятилетиями XIX века и началом XX века. Соискательница смогла разработать оригинальную методику работы с прошениями крестьян в органы власти. В числе наиболее важных выводов исследования необходимо отметить выводы А.Д. Кубрик о том, что крестьяне во второй половине XIX века были готовы защищать свою собственность правовым путем, а также вывод о крестьянских приоритетах в плане жилья и хозяйства. В традиционной крестьянской системе ценностей главными приоритетами были хозяйство и земля, а жилище и защита собственности на недвижимость в сравнении с ними были второстепенными. Дом был для них показателем достатка и свидетельством крепкого, хорошего хозяйства. Качество жилья соответствовало доходности хозяй-

ства. К аренде жилья в деревенских условиях крестьяне относились категорически неприемлемо. Крестьяне Нечерноземья второй половины XIX в. не относили собственные жилищно-бытовые условия, несмотря на всю их тяжесть, к числу проблем, наиболее острых в их жизни. Это объяснялось в значительной степени тем, что возведение избы не являлось непосильным экономическим бременем для крестьянских семей, а выделение участков под застройку — для сельских обществ. Большинство крестьян в своих прошениях в органы власти подчеркивали безупречную налоговую репутацию и законность имущественных притязаний, основной массив прошений был написан корректным, сдержанным тоном, с приведением рациональных аргументов, в частности, ссылок на конкретные законы. Апелляция к Богу и христианской религии в документах, имевших юридическую силу, была несвойственна русским крестьянам. Далеко не единичные факты обращения в органы власти женщин, в том числе замужних, свидетельствуют о том, что крестьянки считали себя равными с мужчинами-крестьянами в статусе владелиц жилья и в полномочиях, связанных с недвижимостью. Крестьяне никогда не просили готового бесплатного жилья ни у государства, ни у сельских обществ (кроме случаев, когда это было предусмотрено договором), а также никогда не сравнивали свой быт с бытом представителей других сословий. Соискательница смогла обозначить ряд новых подтем исследования. Безусловной заслугой исследования А.Д. Кубрик является достаточно полная реконструкция места и роли традиционного крестьянского хозяйства и жилья на фоне широкого исторического контекста.

В диссертации **В.И. Гурьева «Московская полиция в конце XIX – начале XX в.: организация, структура, состав»** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор С.П. Карпачёв) представлено исследование полицейских как особой социoproфессиональной группы. Полицейские ассоциировались с образом власти у большинства населения страны. Исследование полиции помогает конкретизировать представления о малоизученных звеньях российского исторического процесса, значении низших звеньев бюрократии. В условиях урбанизации страны особый интерес вызывает регулирование охраны общественного порядка в крупном мегаполисе, каковым в начале XX века была Москва. В организации московской полиции сочетались как архаичные, так и современные (для того времени) элементы. На основании комплексного исследования организации, личного состава и деятельности московской полиции В.И. Гурьев сделал следующие выводы. В конце XIX века в организацию московской полиции были внедрены такие принципы, как формирование по системе вольного найма, наличие специализированных подразделений, система обучения для рядовых сотрудников. Полиция успешно применяла новейшие достижения криминалистической науки того времени — антропометрию, дактилоскопию и т. д. При этом правительство не сумело обеспечить четкую законодательную базу действий полиции в новых условиях, рассредоточив необходимые указания на

действия и структуру полиции в многочисленных законодательных актах. В условиях урбанизации и роста протестных настроений в обществе правительство активно наращивало численность сотрудников органов правопорядка, но крайне медленно производила преобразование и улучшение структуры полиции. Неизменным оставался широкий круг решаемых полицией задач, значительную часть которых в других странах решали муниципальные органы. Однако самодержавие, не доверяя выборным муниципальным органам, в том числе и московской управе городской думы, предпочитало оставить решение проблем в рамках задач правоохранительных органов. Структура правоохранительных органов во многом оставалась традиционной. Уровень взаимодействия между центральными и местными подразделениями органов правопорядка был явно недостаточным, так же как и степень специализации полиции. Жандармские подразделения подчинялись руководству полиции в минимальной степени. Развитие специализации в рамках органов правопорядка происходило только в отдельных подразделениях, в первую очередь в сыскальной полиции, и не касалось правоохранительных органов в целом. Формирование корпуса сотрудников полиции происходило на основе принципа, что каждая категория сотрудников формируется из числа представителей определенного социального слоя. Так, корпус нижних чинов формировался за счет представителей крестьянского сословия, отслуживших в армии; состав околоточных надзирателей пополнялся из числа разночинцев, имеющих уровень образования, позволяющий им выполнять обязанности чиновников и одновременно младших офицеров. Все офицеры полиции были бывшими армейскими командирами, а руководители полиции — представителями высокопоставленного чиновничества. Возможности повышения сотрудников полиции за пределами той группы, к которой они изначально принадлежали, были исключены. Система подготовки рядовых сотрудников полиции была вполне адекватной их задачам. Однако обучение офицерского состава было минимальным и совершенно недостаточным с учетом выполняемых ими обязанностей. Возможности карьерного роста в органах правопорядка были сведены к нулю, что снижало уровень заинтересованности сотрудников в работе. Сочетание этого фактора с высокой степенью нагрузки и широким кругом решаемых задач вело к тому, что две трети сотрудников полиции рассматривали службу в правоохранительных органах как временную, что снижало уровень их эффективности. При всех перечисленных выше недостатках, московская полиция решала свои основные задачи и достаточно успешно боролась с развитием уголовной преступности в городе. Однако она оказалась не готова противостоять массовым волнениям.

Кандидатская диссертация **С.А. Жуковой «Иностранцы в Москве на рубеже XIX – XX вв.»** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Т.В. Ершова) продолжает тему социальной истории Москвы начала XX века. Всестороннее изучение, систематизация и анализ жизни и деятельности иностранцев в Москве дало автору право сделать следующие

обобщения. Иностранцев подданных и граждан постоянно проживало в Москве на рубеже XIX–XX веков свыше 16 тысяч человек. Их национальный состав был достаточно разнообразным. Большую часть составляли представители западноевропейских государств. Выходцев с Востока было меньше среди иностранцев, однако их влияние на московскую жизнь было достаточно заметным. Иностранцы имели те же права, что и российские подданные, но с соблюдением определенных условий. Несмотря на ограничения, положение иностранных подданных и граждан в Москве практически не отличалось по существенным вопросам от положения москвичей, а в некоторых случаях даже приносило им больше привилегий. Основную массу иностранцев по уровню жизни можно было отнести к средне- или малообеспеченным слоям; при этом достаточно большую прослойку составляли богатые иностранные подданные и граждане, владевшие собственными домами, дачами, автомобилями. Иностранцы вносили значительный вклад в развитие промышленности, торговли и финансов Москвы. Они владели крупнейшими заводами и фабриками, фирмами, концессиями на строительство и эксплуатацию объектов городского хозяйства стратегического значения. Большое количество иностранцев занималось в столице частной деятельностью в сферах образования, воспитания, медицины, услуг. Москва, как культурная столица, привлекала многих знаменитых зарубежных артистов и целые творческие коллективы. Популярны среди московских обывателей были иностранные музыкальные и гимнастические общества. Зодчие-иностранцы внесли свой вклад в облик города начала XX века. Иноземные педагоги пользовались у москвичей заслуженным авторитетом и уважением. Революционный подъем начала XX века не оставил безучастными иностранцев, проживавших в Москве, вызвал интерес к политической жизни российского общества. Однако активное и осознанное участие иностранных подданных и граждан в революционных событиях не было массовым явлением. Иностранцы занимались противоправной деятельностью: подлоги, мошенничество, кражи, растраты; преступления на бытовой почве, а также тяжкие уголовные преступления. Они получали наказание соответственно российским законам и отбывали его также на территории Российской империи.

Причинам и следствиям социальной трансформации дворянского сословия посвящена кандидатская диссертация **С.И. Пудиной «Дворянская служба в конце XVII – первой четверти XVIII в.: идеология и практика»** (научный руководитель — кандидат исторических наук, профессор И.Л. Андреев). Тема идеологии и практики дворянской службы в годы петровских реформ ранее в науке специально не разрабатывалась. В диссертации предпринята попытка понять истоки и основные тенденции трансформации взаимоотношений власти и элиты в Российской империи. Автор исследует проблему механизма и процесса воздействия идеологии власти на сознание высшего сословия,

степень зависимости дворянства от официальных ценностей путем анализа психологии высшего сословия и, в частности, ее отношения к власти, личности монарха, государственной службе. Данная работа является исследованием, раскрывающим различные аспекты службы дворянства в конце XVII – первой четверти XVIII века. Автор рассматривает и анализирует конкретный ход формирования самосознания дворянства в период преобразований Петра I. Диссертация представляет новый взгляд на изучение каналов влияния абсолютистской доктрины Петра I на ценностные ориентации дворянства, дает возможность в новом ракурсе взглянуть на историю российской государственности, оценить роль самодержавной власти как инициатора и гаранта имперского могущества. Дворянство являлось на протяжении нескольких веков высшим правящим сословием Российского государства, возникло на основе государственной службы, преимущественно военной. Воздействие реформаторской деятельности царя Петра I на развитие общества выразилось в утверждении нового миропонимания, образа жизни, системы ценностей, отношения дворянства к государственной службе. Изучение понятия «службы», а также понимания дворянством своей «профессиональной» деятельности привело С.И. Пудину к следующим заключениям. 1) Политика правительства в сфере государственной службы в конце XVII века сводилась к разрушению в сознании дворянства связи между чином и родом. Правительство стремилось утвердить новое восприятие службы и отношение к ней, заставить дворян принять изменения принципов служебного назначения и продвижения. 2) Понимание службы для дворянина XVII века было тесно связано с такими категориями, как «служилая» (господство идеи равенства ее членов) и «родовая» (четко определенное место каждого представителя) корпорации. Известная противоположность этих категорий нивелировалась восприятием службы как службы государю. 3) Государственная идеология начала XVIII века претерпела существенные изменения. Это было связано, в первую очередь, с тем, что происходил переход от идеи служения Богу через служение государю к идее служения Отечеству во имя «общего блага», отделения личности государя от идеи государства, утверждения светского мировоззрения. 4) Преобразования Петра I в сфере государственной службы объединили всех бывших служилых людей «по отечеству» в сословие дворян. В первой четверти XVIII века не только военная, но также гражданская служба становилась обязательной для дворянства. Появилась новая обязанность дворян — обучение. Изменились условия награждения и поощрения за службу. Внедрение понятия чести в соответствии с заслуженным чином приводило к восприятию службы как «почетной» обязанности, служащей основанием для сословных привилегий. 5) Поездки и обучение за границей, общение с иностранцами на русской службе были важными каналами, которые меняли мировоззрение, ценностные предпочтения и поведение дворянства. В этом плане службе мож-

но рассматривать как едва ли не самый действенный «способ» формирования дворянства Нового времени. Именно на службе дворяне осознавали крайнюю необходимость приобретения знаний, умений во благо России.

Продолжает тему идеологии исследование новейшего периода отечественной истории **А.П. Куропаткина «Трансформация государственной идеологической пропаганды в СССР. 1953–1956 годы»** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Г.Е. Козловская). Цель данной кандидатской диссертации состоит во всестороннем анализе процесса трансформации идеологической пропаганды в СССР в 1953–1956 годах. В диссертации проанализировано изменение содержания и коннотации идеологической пропаганды, которые были обусловлены как объективными, так и субъективными факторами: прежде всего решениями октябрьского пленума ЦК КПСС 1952 года и смертью И.В. Сталина. Начало трансформации идеологической пропаганды отнесено автором к марту 1953 года, когда в периодических изданиях и радиопередачах происходит сокращение упоминаний о вожде и появляются материалы, прославляющие партию как орган коллективного руководства. Трансформация в пропаганде являлась прямым отражением изменений в расстановке политических сил, выборе идеологических приоритетов и формировании новой модели управления. Процесс трансформации идеологической пропаганды в первую очередь нашел свое отражение в материалах прессы, передачах центрального радиовещания, партийно-государственной символике и в учебниках по истории для высшей и средней школы. Процесс прошел два этапа реализации: характерным признаком первого (март – июнь 1953 г.) стало осуждение еще не персонифицированного культа личности и его проявлений с переносом акцента от личности к коллективу. Характерным признаком второго этапа (июль 1953 г. — февраль 1956 г.) явилась критика культа личности Сталина и диверсификация его ленинским культом на фоне всеобъемлющего прославления коллективного партийного руководства.

Еще одним исследованием советского периода истории стала кандидатская диссертация **В.И. Жилиева «Деятельность подразделений государственной охраны СССР в 1939–1945 годах»** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор В.В. Рябов). В диссертационном исследовании впервые раскрывается неизвестная сторона функционирования органов государственной безопасности СССР и рассматривается только один из аспектов ее деятельности — работа подразделений государственной охраны в годы Второй мировой войны. Цель работы состоит в создании целостной картины функционирования подразделений государственной охраны в рассматриваемый период. Источниковую основу исследования составили архивные материалы пятнадцати фондов: Архива Президента Российской Федерации (АП РФ); ГА РФ; РГАСПИ; архива ФСО России; ЦА ФСБ России. В основном это делопроизводственная переписи-

ска и документы информационного характера. Выявленные документы позволили раскрыть различные исторические аспекты деятельности подразделений государственной охраны в 1939–1945 годах. В работе раскрываются роль и место госохраны в системе госбезопасности Советского Союза, исследуются вопросы ее реформирования, подробно рассматриваются основные направления деятельности подразделений охраны 1-го отдела — 6 Управления НКВД – НКГБ СССР и УКМК НКВД – НКГБ СССР в 1939–1945 годах, а также проведение трех крупнейших охранных мероприятий (операций) военных лет, связанных со встречами руководителей союзных государств антигитлеровской коалиции в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Роль и значение органов государственной охраны в общей системе государственного управления СССР в рассматриваемый период, а также вклад подразделений службы в обеспечение безопасности советского руководства очевидны. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что, несмотря на многочисленные критические ситуации, потерь среди охраняемых лиц не было, а материальный ущерб, причиненный бомбардировками врага охраняемым объектам, можно оценить как минимальный. В годы войны была обеспечена стабильность государственной власти и управления вооруженными силами, созданы условия для безопасного функционирования исполнительных и законодательных органов власти — в достижении этих целей заключается вклад органов государственной охраны в Победу. Работа подразделений государственной охраны в рассматриваемый период поднялась на новый уровень, а ее деятельность отличала высочайшая дисциплинированность и ответственность. Именно в это время сформировались основные структуры и направления деятельности государственной охраны, которые с незначительными изменениями просуществовали до августа 1991 года.

В кандидатской диссертации **Г.П. Ламкиной «Самозванство в XVII в.: идеологическое и социально-политическое содержание»** (научный руководитель — кандидат исторических наук, профессор И.Л. Андреев) представлен авторский разворот серьезно изученной проблематики. Новшество работы заключается в комплексном исследовании проблем, связанных с феноменом самозванства в контексте идеологической и социально-политической борьбы в России XVII века; установлении особенностей, типологии, места и роли самозванства в истории России XVII века Г.П. Ламкина выявляет динамику «выстраивания» модели самозванства на протяжении всего XVII века и принципиальное отличие самозванства эпохи Смуты от самозванства конца XVII века; изучает содержательные — идеологические и психологические аспекты, определившие модели самозванства в XVII веке; раскрывает взаимосвязь монархических представлений, взглядов, стереотипов с самозванством; определяет «механизмы» влияния самозванства на политические и социальные процессы в России XVII века; прослеживает, как самозванство стало формой проявления и разрешения социальных конфликтов и противоречий в истории XVII века.

Автор изучает влияние политических процессов на личность самозванцев, типы и модели их поведения. Раскрывает глубину, масштабы и взаимосвязь самозванства со структурным кризисом власти России начала XVII века.

Наконец, еще одной защищенной в МГПУ диссертацией стала кандидатская диссертация **И.С. Барышева «Российско-бразильские отношения в постсоветский период»** (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор Е.Н. Пашенцев). В своем исследовании автор выявил качественно новые закономерности российско-бразильских отношений в постсоветский период; разработал инновационный подход, обогащающий научную концепцию российско-бразильских отношений в данный период; предложил нетрадиционный подход к формированию источниковой базы; ввел в научный оборот обширный круг исторических источников, ранее практически не включенных в исследования: материалы бразильской и зарубежной прессы — публикации таких крупных изданий как «O Globo», «Folha de S. Paulo», «O Estado de S. Paulo», «Gazeta Mercantil», «Veja», «El País», «Foreign Policy», «The Wall Street Journal», «The Times», «La Repubblica», «Der Spiegel». В диссертации разработаны методики, способствующие расширению представлений о международном процессе; изложены основные этапы, тенденции и условия становления и развития российско-бразильских отношений; раскрыты и выявлены внутри- и внешнеполитические противоречия (ООН, ОАГ, БРИКС и пр.), влияющие на отношения двух стран; изучен ряд факторов, традиционных для экономического, политического, культурно-исторического и научного взаимодействия России и Бразилии. Значение полученных И.С. Барышевым результатов исследования подтверждается мониторингом общественного мнения среди различных фокус-групп, состоящих из россиян и бразильцев; проведены глубокие исследования по выявлению стереотипных представлений двух наций в отношении друг друга; использованы современные методики анализа материалов встреч на высшем уровне, саммитов, визитов, их дальнейшей обработки, в том числе с использованием мощного комплекса информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Важнейшие выводы исследования заключаются в следующем. 1) Отношения с Бразилией в постсоветский период подразделяются на несколько этапов: первый период — начало 1990-х годов, время потерь России на латиноамериканском направлении, связываемое с прозападным направлением в ее внешней политике; второй период — начало диалога с латиноамериканскими странами в середине – конце 1990-х годов; третий период — с начала 2000-х годов по настоящее время — окончательное обращение в сторону Латинской Америки, в частности к Бразилии как к стратегическому партнеру в этом регионе, время разработки договорно-правовой базы российско-бразильского взаимодействия и развития политического диалога на высшем уровне. 2) Несмотря на благоприятные условия для дальнейшего развития российско-бразильского сотрудничества, обращают на себя внимание недостатки и проблемы в отношениях двух сторон. Россия в силу уровня экономического развития, внутренних проблем и неодно-

значного международного положения является пока слабым звеном в цепочке быстро развивающихся стран: Бразилия — лидер Латинской Америки, Индия и Китай — азиатские экономические гиганты, ЮАР — одна из наиболее развитых стран Африки. 3) Серьезной помехой в поступательном развитии двусторонних отношений являются такие проблемы, как плохое информационное освещение событий и достижений сотрудничества как в России, так и в Бразилии, зачастую подверженное влиянию западных СМИ; недостаточно отрегулированные механизмы подготовки квалифицированных кадров в обеих странах; сложности в налаживании делового диалога, связанные с особенностями законодательства обеих стран и укоренившимися стереотипами в отношении друг друга.

Т.В. Чухрова

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2013, № 1 (11)**

Акашев Юрий Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (akashevud@yandex.ru).

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций МГПУ (isakov-va@yandex.ru).

Караваев Александр Геннадьевич — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (karavaev488@mail.ru).

Карпачёв Сергей Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (karp@MGPU.ru).

Козлов Дмитрий Сергеевич — аспирант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск) (dmitrys.kozlov@gmail.com).

Крыкин Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории МГПУ (smkrykin@mail.ru).

Лукиянов Кирилл Александрович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (kir.A.L@yandex.ru).

Михайловский Федор Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Набокина Марина Евгеньевна — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (marina_nabokina@mail.ru).

Новикова Светлана Николаевна — ведущий редактор, методист издательства Русское слово, учитель высшей категории (sepentina@yandex.ru).

Овчинников Алексей Александрович — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (atid19871981@rambler.ru)

Огородников Юрий Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии МГПУ (Ogorodnikov@MGPU.ru).

Платонова Александра Андреевна — аспирант общеуниверситетской кафедры истории МГПУ (platonova@mail.ru).

Рудаков Владимир Николаевич — кандидат филологических наук, докторант кафедры отечественной истории МГПУ (ps-rudakov@yandex.ru).

Ушаков Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (Ushakov@MGPU.ru).

Фурцев Роман Витальевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры романской филологии МГПУ (marinaio0707@rambler.ru).

Чухрова Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, технический секретарь Диссертационного совета МГПУ (demidovva1@mail.ru).

**Authors / MCTTU Vestnik,
Series «Historical studies», 2013, № 1 (11)**

Akashev Yuri Dmitrievich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (akashevud@yandex.ru).

Isakov Vladimir Alekseevich — Doctor of History, full professor, Department of Mass Communications, MCTTU (isakov-va@yandex.ru).

Karavaev Alexander Gennadevich — Post-graduate of World History department, MCTTU (Karavaev488@mail.ru).

Karpachyov Sergei Pavlovich — Doctor of History, full professor of History of Russia department, MCTTU (Karpa@MGPU.ru).

Kozlov Dmitry Sergeevich — Post-graduate of History of Russia department, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk) (dmitrys.kozlov@gmail.com).

Krykin Sergei Mikhailovich — Ph.D. in History, docent of World History department, MCTTU (smkrykin@mail.ru).

Lukjanov Kirill Aleksandrovich — Post-graduate of World History department, MCTTU (kir.A.L@yandex.ru).

Mikhailovsky Fyodor Aleksandrovich — Doctor of History, full professor of World History department, MCTTU (f.mikhailovsky@yandex.ru).

Nabokina Marina Evgen'evna — Post-graduate of History of Russia department, MCTTU (marina_nabokina@mail.ru).

Novikova Svetlana Nikolaevna — editor-in-chief, methodologist of publishing firm «Russian Word», teacher of higher category (sepentina@yandex.ru).

Ogorodnikov Yuri Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, full professor of Philosophy department, MCTTU (Ogorodnikov@MGPU.ru).

Ovchinnikov Aleksei Aleksandrovich — Post-graduate of History of Russia department, MCTTU (atid19871981@rambler.ru).

Platonova Aleksandra Andreevna — Post-graduate of History of Russia department, MCTTU (platonova@mail.ru).

Rudakov Vladimir Nikolaevich — PhD of Philology, doctoral candidate of History of Russia Department, MCTTU (ps-rudakov@yandex.ru).

Ushakov Anatoly Vasilievich — Doctor of History, full professor of MCTTU (Ushakov@MGPU.ru).

Furtsev Roman Vitalievich — Ph.D. in History, Senior Lecturer, Department of Romance Philology of MCTTU (marinaio0707@rambler.ru).

Chukhrova Tatiana Vladimirovna — Ph.D. in History, technical secretary of Dissertation council of MCTTU (demidovva1@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом Университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Key words*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Михайловскому Федору Александровичу* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (11), 2013

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденева*
Редактор:
Е.П. Карезина
Корректор:
Л.Г. Овчинникова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Адрес Научно-информационного издательского центра ГБОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.
Телефон: 8-499-181-50-36.
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать 13.05.2013 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная.

Объем 8,75 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.